

A black leather boot with a zipper on the side and a chain with skull and crossbones charms around the ankle. The boot is set against a dark, smoky background.

Одиннадцатая
могила
в
лунном свете

ДАРИНДА
ДЖОНС

Автор бестселлеров по версии "New York Times"

Обычный день в жизни Чарли Дэвидсон — это неверные мужья, пропавшие без вести люди, блудливые жены, похотливые бизнесмены, а также... демоны, адские псы, злые боги и призраки. Тонны призраков. В должности частного детектива на полставки и круглосуточного ангела смерти Чарли приходится иметь дело с добром и злом, живыми и мертвыми, а еще с теми, кто желает смерти ей самой. В одиннадцатой книге Чарли старается примириться с тем фактом, что она — богиня со множеством самых разнообразных сил, а ее дочери суждено спасти мир от полного разрушения. Однако адские силы решительно настроены прогнать Чарли с Земли в самый темный угол другого измерения. Вот только рядом с Чарли всегда находится ее муж — сын Сатаны и потрясающий любовник в одном лице. И, может быть, в конце концов ей все-таки удастся отыскать свой путь к счастливой жизни.

Даринда Джонс
Одиннадцатая могила в лунном свете

Перевод — Euphony

Редактирование — RuSa

Благодарности

Порой что-то выдумывать и записывать на бумаге гораздо сложнее, чем кажется, но оно того стоит, когда есть люди, которые подгоняют меня и просят очередную книгу о Чарли. Я вам бешено благодарна, дорогие читатели! Вы для меня — все. Вы — мои гримлеты.

Спасибо моему сказочному агенту, Александре Макинист, и моему потрясающему редактору, Дженнифер Эндерлин. Спасибо всем из «ICM», «St. Martin's Press» и «Macmillan».

Спасибо женщине, которая так ярко вдыхает в Чарли жизнь, — Лорелее Кинг.

Спасибо членам моей команды: Дане, народу из сети, Джованне и Трейси. Ребята, вы лучшие из лучших! Вы самые наилучшие!

Спасибо семье Коллас, что разрешили мне поделиться здесь вашей историей. Ваш ангел навсегда в моем сердце.

Спасибо моим родным за то, что вы такие терпеливые, всегда меня поддерживаете и не перестаете быть замечательными! Ничего важнее нет на белом свете.

Спасибо от самых глубоких пещер моего сердца невероятной Трейси Лейн. У меня просто нет слов. Ты зашла так далеко и высоко, что наверняка приземлилась где-то между звезд. Единственный способ выразить тебе мою благодарность за все, что ты сделала, — это разве что сплясать символический танец. Так что жди. Я обязательно спляшу.

И спасибо ВАМ, что вы выбрали эту книгу. Пусть она заставит вас хорошенько посмеяться, пару раз удивленно вздохнуть и съежиться от удовольствия.

*Посвящается Трейси.
Потому что... ну блин!*

Господи, помоги мне стать тем человеком, которого лекарствами лепит из меня мой психиатр.

Надпись на футболке

В кабинете психиатра я валялась на диванчике (который назвала Александром Скарсгардом, как только мои глаза узрели мощные изгибы и широкую спинку) и все время думала о том, надо ли сказать доктору Мэйфилд, что у нее по потолку ползает мертвый ребенок. Наверное, все-таки не надо.

Она скрестила ноги (доктор, а не ребенок, потому что он был мужского пола) и изобразила отрепетированную улыбку:

— И поэтому вы пришли ко мне?

Я тут же села, напрочь офонарев.

— Нет, конечно! Вся эта хрень со злобной мачехой осталась в прошлом. Просто я подумала, что раз уж я здесь, то должна полностью открыться, и все такое. Ну типа, чтобы вы знали, что у меня была злая мачеха.

— Была?

— Она умерла.

— Соболезную.

— Не стоит. Тогда в ней сидел уродский демон.

— Понимаю.

— Хотя нет. По поводу уродского я погорячилась. Так выглядела сама мачеха. Демон был, в общем-то, посимпатичнее.

— Ясно.

— Нет, серьезно. Мачеха на вид была просто ужас.

— Может быть, вернемся к тому, что вы ангел смерти? — Доктор Мэйфилд сдвинула к переносице очки. Хорошо хоть этот аккуратненький маленький нос был ее, а не чей-то еще.

— А, ну да. — Я снова расслабилась и упала в объятия Александра. — С этим я вроде как разобралась. Беспокоит меня божественная составляющая.

— Божественная составляющая, — повторила доктор Мэйфилд и наклонилась что-то записать в блокноте.

Честно говоря, она была красавицей. Темные волосы, огромные карие глаза, полные губы. А еще она была совсем молоденькой. Слишком молодой, чтобы меня анализировать. Ну серьезно, сколько жизненного опыта она успела накопить?

— Она самая. С тех пор, как я узнала, что я бог, я слегка в растерянности. По-моему, у меня один из этих... как их там... личностных кризисов.

— То есть вы — бог?

— Минуточку! А у слова «кризис» есть множественное число?

Док не ответила, и я глянула на нее.

Она перестала писать и опять смотрела на меня с умеренным любопытством, слегка сдобренным подозрительностью. А все потому, что пыталась понять, не играю ли я с ней в игры. Я говорила правду, но доктора Мэйфилд можно понять. Наверняка с манией величия

она сталкивалась каждый день. И всякий раз ей приходилось разбираться, с кем она имеет дело — с настоящими психами или мошенниками.

Доктор Мэйфилд продолжала молчать, поэтому тишину нарушила я:

— Простите, о чем вы спрашивали?

— Вы — бог?

— Ага, вспомнила. В общем, ответ — да, но придется процитировать фразу из популярной киношки¹: я просто бог, а не Господь Бог. — Я ухмыльнулась. Билл Мюррей просто бомба. — Разве я забыла об этом упомянуть?

— То есть вы все-таки не ангел смерти?

— Нет-нет! Я и он тоже, точнее даже мрачный жнец. Сама напросилась. Типа того. В общем, долго рассказывать. Короче говоря, я тут подумала... Может, вы меня загипнотизируете? Дадите, так сказать, полный доступ к воспоминаниям о том, что было до моего рождения, чтобы мне опять не пришлось шагать по жизни вслепую.

— Вслепую?

— Ну да. Потому я и пришла. Моя сестра отказывается подвергать меня регрессивной терапии, вот я и...

— А кто ваша сестра?

— Доктор Джемма Дэвидсон. Слышали?

Наверняка сообщество мозгоправов не такое уж обширное. А значит, доктор Мэйфилд вполне могла знать мою сестру.

— Доктор Дэвидсон ваша сестра?

— А что? Это может как-то помешать?

— Мне — нет.

— Вот и славненько. — Я нетерпеливо потерла руки. — В общем, вы же знаете, как это бывает: идешь себе по жизни, помнишь каждую мелочь с того самого момента, как родилась...

— Вы помните, как появились на свет?

— ... и вдруг кто-то говорит: «А помнишь, как мы сожгли себе брови, когда загорелся боулинг?». Поначалу ты ничего подобного не помнишь, а потом задумываешься, и воспоминание о том, как ты сожгла себе брови в боулинге, возвращается само по себе.

Доктор Мэйфилд поморгала и с трудом выдавила:

— Бывает.

— Вот у меня такая же фигня. Я помню, как была богом, но помню далеко не все. Как будто кто-то взял и стер из моей памяти целые куски моей же божественной жизни.

— Божественной жизни, говорите?

— Ну да. Перед тем, как я стала человеком. По-моему, у меня какой-то сбой в системе.

— Полагаю, это возможно.

— Я к тому, что, может быть, я уже в курсе, как одолеть злобного бога, который шастает по этому миру, а даже не осознаю этого.

— Злобного бога?

— Злобнящего.

— И он шастает по этому миру?

— Ага. И поверьте мне, лучше бы его здесь не было. Он крайне серьезно относится к своей фишке сеять смерть и разруху. И у него нет ни малейшего уважения к человеческой жизни. Прямо-таки полный ноль уважения.

— Мгм, — кивнула доктор Мэйфилд и опять принялась что-то записывать.

— Ноль, — повторила я убедительности ради и сложила пальцы в кружок.

А потом стала ждать. Записывать доку пришлось немало. К тому моменту, как она вполне могла написать целый роман, я решила прервать затянувшуюся паузу.

— А знаете, это даже забавно. Мой муж говорил, что идти сюда бесполезно.

Положив ручку на блокнот, доктор внимательно посмотрела на меня:

— Расскажите о нем.

— О муже?

— Да. — Ее голос звучал очень успокаивающе. Как музыка в лифте. Или как летний дождь. Или как дарвоцет². — Какие у вас с ним отношения?

— А сколько у нас времени? — фыркнула я и рассмеялась.

Мой муж, он же Рейес Александр Фэрроу, шутку не оценил. Что ж, такое случается. Я почувствовала его раньше, чем увидела. Жар прошел по коже и проник глубже. Впитался в одежду и волосы и даже согрел прохладное золотое кольцо у меня на пальце.

Когда тьма и дым промчались мимо меня, Рейес на мгновение задержался, чтобы шепнуть мне на ухо что-то ласковое. В шуме собственной крови я едва его расслышала. Но из-за слов вся нижняя половина тела содрогнулась от нетерпения. Потом он продолжил свое путешествие и материализовался в углу с другой стороны комнаты, где стал наблюдать за происходящим, так сказать, издалека.

— Шучу, конечно, — проговорила я, глядя в поразительные глаза, которые мерцали даже в тусклом свете. — Он у меня обалденный. И он оттуда... ну, снизу.

— Из Австралии?

— Из ада.

Глаза Рейеса сузились, но если это и была какая-то угроза, ее напрочь развеяла играющая на красивых губах ухмылочка. Сложив руки на широкой груди, Рейес прислонился спиной к стене и стал за мной наблюдать. В последнее время он частенько этим грешит. Появляется из ниоткуда узнать, как у меня дела. Может быть, все это как-то связано с тем, что я развязала войну не с одним богом, а сразу с двумя. С плохим и хорошим. С тем самым, который Большая Шишка Сверху.

Я решила изо всех сил не обращать на мужа внимания. В конце концов, меня принесло сюда по делу. И если я не в состоянии сфокусироваться на задаче, когда меня отвлекает нечто самое восхитительное по эту сторону туманности «Факел», то я не лучше любого сыщика по найму. Хотя... минуточку! Я и есть сыщик по найму. То бишь частный детектив. И этим объясняется то, чем я сейчас занимаюсь. А еще так у меня есть возможность оплачивать счета. Периодически.

— Что ж, вернемся к вашему мужу. О том, что он из ада, вы упомянули в метафорическом смысле?

Я повернулась к доку:

— Нет-нет! В очень даже буквальном. Технически он тоже бог, но его подставили два других бога (одного я уже засунула в адское измерение, а второго как раз пытаюсь изловить и попутно, если получится, капитально покалечить) и преподнесли Люциферу, который из энергии этого бога создал себе сына.

Доктор Мэйфилд нахмурилась, словно пыталась представить себе все это в картинках.

— Иными словами, надо взять энергию неумолимого бога, — для демонстрации я подняла указательный палец, — засунуть ее в адское пламя и самородную серу, —

свободной рукой я изобразила огонь, пошевелив пальцами, куда засунула уже упомянутый указательный, — добавить чуточку греха, — я сделала вид, будто всыпаю в варево щепотку специй, — пять минут помешать, и вуаля! — Я растопырила все пальцы, словно только что сотворила магический трюк. — Рейазиэль во всей своей красе.

Рейес уставился на меня мрачным взглядом, и я с трудом сдержалась, чтобы не захихикать. Кому понравится, когда всю суть твоего существования сводят к банальному рецепту со списком ингредиентов?

— Рейазиэль? — переспросила доктор Мэйфилд.

Я тут же повернулась к ней:

— Прошу прощения. Я говорю о муже — Рейесе Фэрроу. Видите ли, я привыкла к тому, что сложно объяснять подробности моей не самой обыкновенной жизни незнакомым людям. А у нас с вами все идет не так уж плохо. Итак, давайте подытожим. Я родилась ангелом смерти — это раз. Я все еще знакомилась со своими способностями, когда узнала, что когда-то была богом в другом мире, — это два. Я замужем за сыном Сатаны, он же Рейес Александр Фэрроу, и он же бог, как мы недавно выяснили, хотя в этом нет его вины, — три. Моя мачеха была редкостной гадиной — четыре. Не знаю почему, но сейчас это кажется важной деталью истории. А еще остался один злобный божок, сговорившийся с папашей Рейеса и жаждущий убить нашу дочь, которую нам пришлось отдать ради спасения ее жизни. — Я широко улыбнулась доку, скрывая острую боль в груди от одной только мысли, что ради безопасности дочери нам пришлось ее отдать, чтобы я не привела к ней врагов. Чтобы у нее был хотя бы намек на надежду выжить. — Говорю же, все идет не так уж плохо.

В какой-то момент мне показалось, что доктор Мэйфилд вот-вот начнет искать в моих словах подвох, поэтому я подняла руку, чтобы ее опередить:

— Знаю, что вы сейчас скажете. И да, соглашусь: тот факт, что Рейес, кроме всего прочего, сын Сатаны, превращает его в весьма сомнительную личность. — Я ему улыбнулась и продолжила: — Но изначально он был богом. И не каким-то там, а младшим братом Иеговы. Мне нравится думать, что добрая часть его личности намного сильнее злой, которую создали в пламени греха и воспитывали демоны ада. Хотя, — я придвинулась к краю дивана, — как только вы его увидите, первое, о чем вы подумаете, будет плотно связано с грехом и пламенем. Если вы понимаете, о чем я. — Я заговорщицки подмигнула доку, но она лишь молча пялилась на меня в ответ, поэтому пришлось добавить: — Он невозможно привлекательный.

Пряча улыбку, Рейес опустил голову, а доктор Мэйфилд взялась писать продолжение романа.

— Классная футболка, — сказал Рейес. Видимо, мне, потому что, судя по всему, больше никто его здесь не слышал.

На мне была футболка с надписью «Люблю, когда психиатр играет с моими шариками и роликами», которую я надела вместо пижамки со словами «Прошу прощения, если оговариваюсь по Фрейдю удобства ради». Ехать на сеанс к мозгоправу в пижаме было как-то не комильфо. Я же все-таки профессионал. К тому же, успела испачкать пижаму горчицей, поэтому пришлось переодеться.

Пацан на потолке перестал ползать и с отвисшей челюстью уставился на моего благоверного, который управлял ситуацией прямо из угла. Такое часто случается, когда Рейес рядом.

Я пришила его к месту сердитым взглядом. Я же, елки-палки, на задании!

— Нам нужно поговорить, — сказал благоверный.

Вот блин! Ни один приятный разговор не начинается со слов «Нам нужно поговорить». Одними губами я ответила «Потом» и жестом попыталась прогнать Рейеса, пока док делала последние записи в блокноте. Рейес тихо рассмеялся, и на долю секунды доктор Мэйфилд словно растерялась и оглянулась за плечо. Игриво подмигнув, Рейес дематериализовался и опять оставил меня наедине с психиатром. Я же была уверена, что одним своим присутствием в кабинете он нарушил с десятков законов об охране и страховании здоровья.

— Вы что-нибудь слышали? — спросила доктор Мэйфилд.

— Кроме громогласных и разрушительных последствий, которые ждут всех нас, если я не пойму, как справиться со злобным богом, и он таки выполнит свою миссию?

— Да.

— Если бы я только могла как-то вернуть себе воспоминания... Я точно знаю, что у меня в голове кроется что-то важное. Что-то, что подскажет, как справиться с богом. Как будто прямо на языке вертится, только если говорить о мозгах.

— Что ж, продолжим. Почему ваша сестра отказывается от регрессивной терапии? Разумеется, за исключением очевидных причин.

— Ну-у, вся эта этическая лабуда по поводу того, что она моя сестра, и все такое. А еще она боится, что воспоминания пробудят во мне всякие стремные силы, и я сотру Альбукерке с лица земли. Что само по себе полная чушь. — Я фыркнула и закатила глаза. — Сейчас я целиком и полностью контролирую свои силы.

Док опять что-то записала в блокноте.

— То есть большую часть времени, — добавила я.

Она продолжала писать.

— А инцидент с «Тако Хат Лампи», по-моему, не считается. Местечко давно глаза мозолило. Народ мне спасибо должен сказать.

Доктор Мэйфилд снова посмотрела на меня:

— «Тако Хат Лампи»? Это были вы?

Блин. Я и забыла, что этот случай до сих пор расследуют.

— Пф-ф! Нет.

Слава Братцу Рейеса, «Лампи» в тот день был закрыт за какие-то нарушения, поэтому никто не пострадал.

— Ясно. — Док захлопнула блокнот. — Ничем больше не желаете поделиться? Может быть, мне нужно знать что-нибудь еще?

Я задумчиво покачала головой:

— Нет. Вроде бы. Если не считать того, что я собираюсь захватить мир.

— Весь? Целиком?

— Точнее собираюсь попытаться захватить мир.

— По-вашему, вы готовы к мировому господству?

Я неуверенно пожала плечами:

— Уже на занятия по менеджменту записалась.

— Это хорошо.

Опять открыв блокнот, док нацарапала еще пару каких-то идей.

— Я сказала об этом Иегове. Точнее передала через архангела Михаила, само собой.

— О том, что собираетесь править миром?

В ее устах это прозвучало, как жуткая глупость, вот только пути назад уже не было.

— Ага.

— И как Он это воспринял?

— Не очень хорошо, но вы же не знаете, что Он учудил! Создал целое адское измерение, чтобы запереть там моего мужа и выбросить ключ. Правда, тогда мы не были женаты. Это случилось тысячи лет назад.

Едва я выложила Михаилу свои планы, Бог послал легионы своих любимчиков следить за каждым моим шагом. Мне они сильно напоминали небесную версию Секретной службы. Я высказала угрозу, и, по какой-то только им известной причине, они отнеслись к моим словам крайне серьезно. Но почему? Я же тогда злилась. Да, пусть я всерьез выплюнула весь этот бред, но с чего вдруг они мне поверили? Разве что действительно считали меня огромной угрозой.

О да, черт возьми!

— Значит, Бог с вами разговаривает? — выдернула меня обратно в реальность док.

— Не напрямую.

— Ну да, через архангела Михаила.

Она записала каждое слово.

— Точно. Это как-то слегка по старинке, если хотите знать мое мнение. Что, блин, случилось с современными технологиями? И кстати, я думала, психиатры просто слушают своих пациентов. У вас так чернила закончатся, барышня, — нервно усмехнулась я.

Доктор Мэйфилд терпеливо улыбнулась:

— У меня в столе есть запасные ручки.

— Класс.

— Итак, Бог расстроился, потому что вы угрожали отвоевать у Него мир.

— Так говорят, ага.

— Вы волнуетесь?

— Да как-то не очень.

— Что ж, это честно. Давайте вернемся к силам. Что вы планируете с ними делать?

— Простите?

— Как вы планируете распоряжаться своими силами? Наверняка ведь собираетесь пользоваться ими во благо?

Возникло подозрение, что она надо мной посмеивается. Что ж, я всегда не против подыграть, поэтому драматично распластала на лице ладонь.

— На меня так много всего навалилось! Я так много могу сделать! Могу излечить рак, положить конец мировому голоду, прекратить войны и забабахать мир во всем мире.

— Что же вас останавливает?

Я медленно опустила руку.

— Ну, я все еще пытаюсь во всем разобраться. Я сказала, что могу все это сделать, но не говорила, что знаю как.

— Наверняка все не так просто.

— Это да. А еще, видимо, поэтому сюда и притащились ангелы. Не прямо в этот кабинет, а вообще. Они за мной наблюдают, следят за каждым шагом. Наверное, Бог не хочет, чтобы я всем этим занималась.

— Почему бы Ему всего этого не хотеть?

— Вся фишка в автономии. — Док приподняла брови, и я объяснила: — Такой был уговор после фиаско Адама и Евы. Еву, кстати, подставили. Бог дал людям полную

автономию. Земля принадлежит нам, и только нам решать, помогать своим собратьям или всячески им вредить. Мы вроде как должны сами себя лечить, творить добро, и все такое. Не важно, какой религии и взглядов вы придерживаетесь, урок всегда один: надо быть добрым. — Так и подмывало добавить кое-что еще, и я все-таки не сдержалась: — И так до посинения.

Черт, как же фигово мне дается борьба с самой собой! Да и вообще во всяких стычках я полный отстой.

— Хороший урок, — заметила доктор Мэйфилд, бросив на меня короткий взгляд, и через секунду опять принялась за писанину.

— Ага. Но мне надо сказать вам кое-что еще.

— Внимательно слушаю.

Глубоко вздохнув, я выложила все как на духу:

— Регрессивная терапия — это вторая причина моего к вам визита.

— А первая какая?

Я свесила ноги с мистера Скарсгарда и села, чтобы посмотреть доку в глаза. Точнее ей в волосы. Короче говоря, мне хотелось увидеть ее реакцию, потому что эмоции ее я не чувствовала.

— Доктор Мэйфилд...

— М-м? — отозвалась она, не поднимая головы.

Откашлявшись, я собрала волю в кулак. Я должна была это сделать. Доктору Мэйфилд нужно знать правду. Принять, как говорится в молитве, то, что она не в силах изменить.

Не тратя больше времени даром, я мягко проговорила:

— Мне очень жаль вам это говорить, но вы умерли два года назад.

Она продолжала писать.

— Понятно. И вы меня видите?

— Ну да. Я же...

— Ангел смерти. А еще вы бог.

Ничего себе! Я откинулась на спинку Александра. Док восприняла новости очень даже хорошо. Или не поверила ни единому слову.

Точно, блин. Не поверила.

Пока она писала, я прикусила нижнюю губу. Вот только с умением молчать у меня хреново.

— В общем, меня нанял новый арендатор этого офиса. С ним происходили всякие странности. Ну, как обычно. Он ощущал холодные места, журналы двигались с одного края стола на другой, падали со стен фотки...

— Понимаю. Значит, он нанял вас потому, что считает, будто здесь привидения.

— Не совсем. На самом деле он считает, что хозяин здания хочет вынудить его разорвать договор об аренде и использовать этот офис для нового и более сочного дельца. А это само по себе бред, потому что местечко совершенно не подходит для того, чтобы устраивать тут кафешку со свежавыжатыми соками. Мой наниматель уверен, что хозяин пытается его запугать до чертиков и заставить от страха бежать куда глаза глядят. Короче говоря, он считает, что над ним издеваются.

— И вы с этим не согласны?

— На все сто.

— Думаете, здесь действительно есть привидения?

— Да. Должна признаться, поначалу я считала, что дело в вас.

— Естественно.

— Потому что вы умерли, и все такое.

— Но потом передумали?

На меня док так и не посмотрела.

— Да. Теперь я думаю, что дело в пацане, который ползает по потолку.

Доктор Мэйфилд перестала писать, но верить мне явно не хотела. Я видела это по ее лицу. Наконец она подняла голову и долго-долго смотрела на меня. Наверное, решала, стоит ли подпитывать мои галлюцинации тем, чтобы глянуть вверх. Прошла целая вечность, за время которой я успела переключиться на размышления о происхождении зефира. Ну серьезно, какой гений додумался до такого деликатеса? В конце концов док медленно подняла голову и посмотрела на потолок.

Слава богу, оглушительный визг слышала только я. Док выронила ручку и блокнот, упала на пол и поползла к стене. В юбке-карандаше и на шпильках. Я была впечатлена.

В защиту дока, ребенок с потолка сильно смахивал на черно-белую девочку, которая в одном ужастике выползала из телевизора. Я как-то смотрела этот фильм буквально перед тем, как у меня в спальне нарисовался мертвец и потребовал рассказать его жене, где лежат документы на страховку. Только этот ребенок был не девочкой, а мальчиком. На вид лет десяти, с длинными черными волосами и в блестящей черной накидке. Странноватая одежонка для мальчика его возраста. Плюс она нисколько не подсказывала, из какого он века.

С выражением ужаса на лице доктор забилась в угол. Смотреть на нее было грустно, но и почему-то до странности забавно.

— Доктор Мэйфилд, — успокаивающим тоном начала я, подходя ближе с протянутыми руками, — все в порядке. Он абсолютно безобидный.

Само собой, как только я это сказала, мелкий засранец спрыгнул мне на плечо и впился зубами в шею.

*За безумие нужно платить.
Не забудьте пересчитать сдачу.*

Мем

Я закричала. Еще бы! У меня ведь на спине сидел вампиреньш! Само собой, я пыталась его сбросить, но он присосался, как пиявка. Только зубами. Я извивалась и изворачивалась, перевернула стулья и журнальный столик, а мелкий гад только впивался в шею зубами все глубже и глубже.

Стоило мне ухватиться за волосы засранца, как откуда-то издали послышался смех. Ну, где-то в метре от меня, так что не очень издали.

Остановившись, я развернулась и с отвисшей челюстью уставилась на тринадцатилетнего гангстера, который умер в девяностых. То бишь на Ангела. Ангел — мой детектив. И та еще заноза в заднице. Он валялся на полу и от хохота держался за живот.

— Ангел, блин, какого хрена? — рявкнула я, опять извернувшись.

Теперь пацан сидел у меня на спине, как рюкзак, зато перестал кусаться. Как говорится, стакан наполовину полон. Спрыгнув на пол, вампиреньш тоже расхохотался. Аж пополам согнулся. Я наградила обоих своим лучшим взглядом ужаса и отвращения по причине предательства. Ангел встал, и два гаденыша, явно сговорившихся заранее, стукнулись кулаками.

Я потеряла шею там, куда меня укусили.

— Это неправильно по всем статьям.

Ангел фыркнул, и мальчишки опять расхохотались. Зато мне наконец удалось получше рассмотреть пацана-вампира. С возрастом я ошиблась. Засранец был старше, почти ровесник Ангела, но намного ниже. И он просто дико смахивал на вампира. Длинные черные волосы были настоящими, а вот лицо ему раскрасили белой краской, глаза подвели черной подводкой, а из уголка рта и с виска вниз стекала липовая кровь.

С укоризненным выражением лица я сложила руки под «девочками», то есть под Угрозой и Уилл Робинсон (так я назвала свою грудь размера двойного D за склонность приманивать неприятности), и пацан решил объясниться. Точнее попытался. Из-за очередного приступа смеха и искусственных клыков слова звучали очень нечетко.

— Хэ-о-ин. — Вампиреньш поднял палец, выплюнул светящиеся в темноте зубы и вытер рот тыльной стороной ладони. — Не могу говорить с этой фигней. Хэллоуин. Бей и беги.

В голосе отчетливо слышался мягкий индейский акцент. У коренных американцев слоги текут гладко и легко, в то время как большинство жителей страны говорит отрывистым ритмичным стаккато. Только пацан был явно из последних поколений. Акцент почти растворился под англосаксонским напором, но и оставшегося оказалось достаточно, чтобы предположить, что мальчишка из резервации зуни на северо-востоке от Альбукерке.

Костюмчик у него, кстати, был шикарный. Точнее был бы шикарным, если бы до меня не дошло, что кровь на виске и в уголке рта к костюму не имеет никакого отношения.

— Кровь настоящая, — пришибленно побормотала я печальным голосом.

— А то, — отозвался мальчишка и беспечно махнул рукой. — Ерунда.

Сердце в груди сжалось, и пришлось бороться с естественным порывом обнять вампиреньша. Порыв изо всех сил сопротивлялся, но я не сдавалась. В основном потому, что жамкать ребенка незаконно, а мне такие обвинения ни к чему.

— Это Логан, — выдавил Ангел, приходя в себя.

Логан протянул руку, и я ее пожалала, с трудом улыбнувшись.

— Ангел мне все о тебе рассказал. В смысле почему ты такая яркая, и все дела. — Он одобрительно кивнул. — Если хочешь знать мое мнение, отпадная ты чертяка.

— Тогда хочу, — усмехнулась я.

Пряча робкую улыбку, Логан опустил голову, а я вдруг опомнилась и обернулась. Чуть не забыла о докторе Мэйфилд! Она все еще цеплялась за ковер возле дубового шкафчика для документов, а на ее лице застыло выражение чистейшего ужаса.

А еще мы устроили натуральный погром. Причем не из дешевых. Представить не могу, во сколько мне обойдется груда осколков, бывших когда-то вазой.

После того как я расплачусь за нанесенный ущерб, придется потуже завязать пояса до следующей зарплаты. Что тут скажешь? Я едва свожу концы с концами. Вот мой муж, например, каждый день из простого интереса зарабатывает столько, что может купить маленькую страну. А я еле-еле наскребаю, чтобы покупать себе зубную пасту и платить своей помощнице. Рано или поздно от чего-то придется отказаться. Правда, жить без пасты я вряд ли смогу.

Тем не менее, я была полна решимости обеспечивать себя самостоятельно. Сразу после того, как куплю яхту, на которую давно положила глаз. И тридцать семь пар ботинок, которые внесла в список под названием «Ботиночное счастье». Вот потом я сама по себе, детка.

— Доктор Мэйфилд, — начала я, потихоньку подходя ближе, — вы как?

Ее заметно трясло, а глаза, в которых плескалась паника, были огромными и дикими.

— Многовато вам придется осмыслить, — понимающе добавила я.

— Как?.. Я даже... Когда?

— Дышите. — Я присела и придвинулась к доку. — Просто дышите, доктор.

Она сделала глубокий вдох и тут же поняла всю тщетность усилий.

— Не помогает. Вообще ничего не происходит.

— Знаю. И мне очень жаль. Некоторых это успокаивает. Я даже видела, как у некоторых призраков начинается гипервентиляция. Понятия не имею почему, но случается и такое. Надо только взять себя в руки через попытки контролировать дыхание и... Ну, вы поняли.

Док продолжала тяжело дышать, пытаясь загнать воздух в несуществующие легкие. Осознав, что у доктора Мэйфилд трудности, мальчишки утомонились и уселись рядом с нами.

Логан взял ее за руку.

— Доктор Мэйфилд?

Очень-очень медленно она перевела взгляд на него.

— Его так накрасили, — заверила я ее на всякий случай. — На самом деле он вовсе не вампир.

— Тогда ладно, — кивнула док, и вдруг на ее лице расцвело узнавание. — Минуточку... — Она смерила Логана взглядом с ног до головы. — Ты... ты же сын Синтии!

Понятия не имею, кто такая Синтия, но доктор Мэйфилд явно попала в яблочко.

Пацан кивнул и выдал ядерную улыбку, которая тут же проникла мне прямо в сердце.

— Вы ей очень помогли после того случая... ну, когда я умер. Вот и мне захотелось вам помочь.

Не отрывая от него глаз, док прикрыла ладонями рот.

— Так ты и правда... все это время... на самом деле был здесь. Она чувствовала, что ты рядом.

— Ага. А вы не сказали ей, что она спятила, как говорили все остальные. Не заставили чувствовать себя душой. Подыграли, хоть и не верили ни единому слову, и помогли справиться с горем.

— Ей это было необходимо. — На этот раз док сама взяла Логана за руку. — Мне очень жаль, что я ей не верила.

— Но она-то этого не знала. А это самое главное.

— Боже мой! — еле слышно выдохнула доктор Мэйфилд и обняла мальчишку.

Ее плечи тряслись под тяжестью новых знаний и обстоятельств.

Мы с Ангелом встали и отошли в сторонку, чтобы дать им время. Правда, Ангела, как обычно, надолго не хватило.

— Ну так как? Обжиматься будем? Все клевые пацаны этим занимаются. — Убедительности ради он кивнул на Логана с доком.

— Ты явно слишком долго ошиваешься рядом со мной.

Я присмотрелась к Ангелу повнимательнее. На нем была все та же одежда, в которой он умер. Большинство призраков, которые не сбивают меня с толку, остаются в той же одежде, в которой были в момент смерти. На Ангеле висела свободная грязная футболка с кровью на груди от огнестрельной раны. Джинсы сидели низко на бедрах, а бандана была надвинута практически на брови. Но все это нисколько не мешало Ангелу быть красавчиком.

— А тебе, часом, не надо быть в другом месте?

Он должен был сидеть на хвосте у моего ворчливого дядюшки. Какой толк мне от приспешников, если они не... приспешничают?

— Меня Своупс сменил. Не мог я пропустить такое представление.

— Ну еще бы! Так как у тебя дела?

Ангел подозрительно сощурился.

— Порядок. Будут лучше, если мы пообжигаемся.

— А мама как?

Он пожал плечами:

— Нормально. Встречается с одним чуваком. Он ничего, хороший вроде, но смотреть стремно.

— Она заслуживает хорошего парня рядом, — рассмеялась я.

— Всегда заслуживала.

Я коснулась пальцами темного пушка у него на лице. Ангел только-только начал жить, когда погиб. Его смерть была бессмысленной и совершенно несправедливой.

Мой порыв нежности он воспринял как знак. Шагнул ближе, уткнулся носом мне в шею и вжался в меня всем телом. Одной рукой он обнял меня за талию, а несколько секунд спустя ладонь двинулась ниже, ниже и еще ниже, пока не оказалась на моем левом полупопии.

Очень стараясь не рассмеяться, я закатила глаза. Ангел не бросал попыток склонить меня к интиму, но ему же, блин, всего тринадцать! Это прямо-таки прописано в его юной

призрачной ДНК. Впрочем, должна признать, обнимашки с ним поднимают мне настроение. Он для меня как младший брат, если не считать того факта, что в девяносто пятом, когда он погиб, ему было тринадцать. А значит, технически он старше меня.

Пока он не успел возразить или облапать меня еще сильнее, я его обняла. Крепко-крепко.

Обычно к этому моменту я уже сыплю угрозами, отталкиваю Ангела или бью по рукам. Сегодняшняя моя реакция застала его врасплох. Именно поэтому я и напала на него с объятиями неожиданно. У него просто-напросто не было времени отреагировать. А я очень даже не против хорошенько пообниматься, прежде чем опять поставить его на место.

Быстренько чмокнув Ангела в щеку, я отошла на пару шагов.

— Я выиграла, — ухмыльнулась я, пока Ангел только и делал, что ошарашенно пялился.

Пару секунд спустя он поинтересовался:

— Не то чтобы мне не понравилось, но с тобой все путем?

— Лучше не бывает, красавчик.

Он скорчил гримасу, потому что терпеть не может, когда я его так называю. Что ж, придется привыкать.

— И ни черта ты не выиграла. Я ж тебя полапал, а это самый лучший приз.

— Ничего подобного, умник. — Я опять потрогала пушок на его лице. — Ты точно до пубертата дорос?

Ангел перехватил мою руку и провел моими костяшками по своим губам. Учитывая разницу в возрасте, получилось как-то чересчур чувственно.

— Могу доказать, — ответил он, с вызовом глядя мне в глаза.

Вот ведь гаденьш!

С помощью Вампира Логана доктор Мэйфилд поднялась на ноги. Я бросилась ее поддерживать.

— Ну как вы, доктор?

Она слегка пошатывалась, поэтому мы усадили ее на стул.

— Если хотите, можете через меня перейти. Наверняка ваши родные...

— Нет, — поспешно перебила док и, прежде чем снова заговорить, тяжело сглотнула. — Прошу прощения. Спасибо, но нет. Я хочу проведать сестру. Можно?

— Можно, конечно! зуб даю, Логан вас всему научит.

Вампиреньш с энтузиазмом закивал.

— Ты, кстати, не обязан это делать, — сказала я ему. — Можешь перейти в любое время.

— Спасибо, но мне и здесь пока неплохо. Я могу ввести дока в курс дела. Вот только... мой папа... До сих пор каждую ночь ходит в мою комнату и плачет. Можешь ему кое-что передать?

— Само собой. — Я положила руку ему на плечо. — Но не думаю, что он перестанет плакать.

— Знаю, но ему станет лучше, если он поймет, что я рядом.

— Скорее всего. В общем, если передумаешь, ты знаешь, где меня найти.

— Тебя сложно не заметить, — тихо усмехнулся Логан.

Это точно.

Я уже повернулась к двери и увидела нынешнего арендатора офиса, то бишь своего клиента. Он стоял на пороге с чашкой кофе в одной руке и портфелем в другой. И его явно

интересовало состояние офиса. Челюсть с аккуратно подстриженной бородкой отвисла до пола. Я бы сказала, мой клиент был в шоке. Или его заразило Нечто³. Ей-богу, все версии этой киношки одинаково жуткие.

Логан нарушил повисшую паузу первым:

— Эм-м, нам, наверное, пора отсюда двигать.

— Свидимся, красотка, — бросил на прощание Ангел и испарился. Дезертир, блин.

Мой клиент выронил чашку, и кофе разлился по ковру сливочного цвета. Я осмотрелась по сторонам. Бога ради, все ведь не так плохо!

На всякий случай я решила уточнить:

— Я тут ни при чем. За уборку платить не буду.

— Какого черта?! — гаркнул клиент.

Значит, Нечто все-таки его не заражало.

— А-а, так вы об этом? Короче говоря, хозяин не пытается вынудить вас разорвать договор аренды. — Я прихватила куртку и сумочку. — Тут действительно водились привидения. — Пока клиент вконец не разбушевался, я протанцевала мимо него. — Зато теперь здесь никого нет. — Уже выйдя из кабинета, я просунула голову обратно. — Счет вам пришлют.

***

Прежде чем отправиться на свое рабочее место, я смоталась по маленькому. Кстати, могу я называть свое место работы рабочим местом, если оно принадлежит мне? С деловым этикетом у меня просто беда. Хорошо хоть я уже на курсы записалась.

Как раз когда я справляла нужду, затрезвонил сотовый.

По воздушным путям прямо мне в ухо проник женский голос. Ей-богу, это прямо как магия. Или наука. Наверное, все-таки наука.

— Чарли, что вы на этот раз натворили?!

Если бы я знала! Звонила одна из моих подруг, благодаря которой слово «обет» обрело в моей жизни совершенно новый (хотя скорее очень-очень старый) смысл. Видите ли, подруга как раз и дала обеты, которых строго придерживалась. И я ничуть не преувеличиваю.

А еще сестра Мэри Элизабет ясновидящая, хотя само это слово она на дух не выносит. Но как еще назвать того, кто подслушивает ангельские разговорчики?

— Привет, сестра. Как жизнь?

— На небесах хаос, вот как!

— А разве у них там не каждый день хаос?

— Нет, Чарли, не каждый. Я держу руку на пульсе уже несколько дней, а там как будто ад с цепи сорвался. И угадайте, о чем в основном говорят?

Придерживая телефон плечом, я оторвала кусок туалетной бумаги, но она наотрез отказывалась сотрудничать.

— Ангелы такие сплетники! Неужто им больше заняться нечем?

— Вы действительно угрожали Господу нашему и Спасителю?

— Ничего подобного, — фыркнула я. — Я угрожала Отцу Спасителя. Ну, знаете, самому главному там, наверху.

— Да вы... вы...

— Говорите уже как есть, — сказала я, приведя себя наконец в презентабельный вид.

Я вышла из кабинки и прошла мимо мертвой бездомной женщины, которая пыталась

достать себе бумажное полотенце. Руки проходили насквозь, и это ее наверняка дико бесило.

— Чарли, нельзя так запросто угрожать Отцу Небесному.

— Еще как лъзя, — отозвалась я. Ну, мне же семь лет.

— Чарли! — оскорбленно воскликнула монахиня.

Больше она ничего не сказала, поэтому говорить пришлось мне:

— Да знаю я, знаю. Просто в тот момент я страшно рассердилась.

— На Всевышнего?

— На всевышнего гада, который лишил меня воспоминаний и планировал запереть моего мужа в аду на веки вечные.

Держу пари, сестра Мэри Элизабет последних слов не слышала. Как только я произнесла слово «гад», она ахнула. Громко. И ахала секунд шестьдесят. Ничего себе легкие у монашки!

— Пардон. — Я глянула вверх и повторила: — Ну, извините. Я все понимаю. Угрожать Большой Шишке не стоило, но он первый начал.

— Вы не в третьем классе, Чарли, а даже если бы и были в третьем классе, то с директором лучше не ссориться.

— Согласна, но как-то в первом классе и поссорилась с учительницей, миссис Хикман. Коза была редкостная.

Мы поговорили еще несколько минут, пока мне не удалось убедить сестру в очевидном: да, я выплюнула угрозу, но что такого я на самом деле могу сделать?

Высушив руки в сушилке, я оторвала бумажное полотенце и отдала бездомной женщине. Полотенце упало сквозь пальцы на пол, зато она, похоже, успокоилась.

В целом, мертвые бомжи переходить желанием не горят. А когда все же переходят, их душевные болезни выбивают меня из колеи на несколько дней. Вот почему этой женщине перейти я не предложила, хотя она вполне могла это сделать когда угодно. И помешать я не в силах.

Наконец она меня заметила и состроила кислую мину вкупе с беззубым ртом.

— Желе не застывает. От этих сыпучек нынче никакого толку.

Я глянула вверх, где, по идее, и должны быть небеса.

— И не говорите!

***

По пути на стоянку я звякнула Куки — моей лучшей подруге-секретарше-помощнице-жилетке, в которую всегда можно поплакаться. Пришлось делать вид, будто я не замечаю ангела, взгромоздившегося на фургон и следящего за мной орлиными глазами.

Ангелы меня, мягко говоря, подбешивали. Все из себя деловые и страшно серьезные, когда речь шла о деле. На них возложили миссию, отклониться от которой они отказывались наотрез. Я пыталась поколебать решимость одного из них. Пару дней назад предложила ангелу сто баксов за то, чтобы тот смылся. А он и бровью не повел. Даже не глянул на сотню, которой я махала у него под носом. Если я когда и видела стальную непоколебимость, то это была как раз она.

А еще, когда ангелы того хотели, их невозможно было прочесть. У них самые крутые нечитабельные лица по эту сторону Вегаса. А в эмоции и вовсе не проникнуть, если не подойти очень-очень близко. Вот только близко подходить мне не хотелось ни капельки. От

их силы словно ток искрит на коже. Тревожно и в то же время захватывает дух.

Чисто внешне угадать в ангелах картинки из Библии было невозможно. Ни тебе кудряшек, ни золотых корон, ни тог. Ни-че-го. Зато Голливуд тут постарался на славу. Носили ангелы длинные темные пальто с какими-то развевающимися кусками ткани на плечах, и пальто эти сильно смахивали на допотопные плащи для верховой езды. Ну или на дождевики. Огромные крылья складывались за спиной и опускались ниже колен. Выглядели ангелы так величественно и благородно, что было трудно видеть в них моих противников. А именно противниками они и были. По крайней мере в текущий момент.

У ангела, который пялился на меня с фургона, были короткие черные волосы, такие же темные глаза и кожа цвета мокко. И он был поразительным. Недавно я поняла, что все ангелы поразительные. Ну просто душераздирающе красивые.

На полуторатысячном гудке Куки наконец-то ответила, тяжело дыша.

— Опять, что ли, в офисе быстрячок устроила? — спросила я, залезая в Развалюху, то есть в свой собственный вишневый джип «вранглер».

— Нет, Чарли, и я никогда не устраивала в офисе никаких быстрячков. Я пытаюсь засунуть бумагу в ксерокс.

Даже знать не хочу, почему от этого Кук так запыхалась.

— А он опять капризничает.

Я завела двигатель, врубила заднюю и поддала газу, не отрывая глаз от небесного создания, которое не отрывало глаз от меня. Такая вот у нас взаимность.

— Карбюратор проверяла?

— Сомневаюсь, что у ксероксов есть карбюратор.

— А ты смотрела, есть ли он у нашего? По-моему, надо быть выше всей этой ерунды, вместо того чтобы кого-то осуждать.

— Ты абсолютно права. Прошу прощения.

Куки соврала. Уж мне ли не знать!

Когда ангел уже меня не видел, напряжение в легких ослабло. Правда, совсем чуть-чуть.

— В общем, у меня плохие новости.

— Так-так-так...

— Мне придется тебя отпустить.

— Нам опять за дело не заплатят?

— На этот раз я не виновата. На меня напали. И я ненавижу дешевую зубную пасту, а вариантов только два: либо отпустить тебя на вольные хлеба, либо покупать дешевую пасту. Прости, солнце.

— Ничего страшного.

— Само собой, учитывая мои нынешние доходы, мне, очевидно, придется искать новую работу. Или вернуться на старую. Мой бывший сутенер говорил, что придержит мой угол, если я когда-нибудь решу вернуться.

— С его стороны это очень мило.

— На самом деле он, кажется, сказал так: «Если ты когда-нибудь приползешь обратно на коленях, как неблагодарная сучка, которой ты и являешься».

— Ну, все равно засчитаем ему плюс.

— Вот и я о том же.

— Ну так как? — спросила Куки.

— Что — как? — в тон ответила я.

— Как все прошло?

— Ну, не так уж плохо, если ты об этом. Но я так и не попрощалась с Александром Скарсгардом.

— погоди, сама угадаю. Кресло?

— Нет.

— Журнальный столик?

— Не-а.

— Торшер с симпатичными изгибами?

— Диван.

— Вот оно что...

— Seriously, Кук. Если бы воровать было законно, я бы забрала его домой. И спала бы на нем. И, очень может быть, периодически облизывала.

Разлуки всегда с горько-сладким привкусом.

— Что ж, ты лизала вещи и похуже.

— В смысле? Тебе кто-то что-то рассказал?!

*Говорить с самим собой — это нормально.
А вот отвечать — уже рискованно.*

Брайан Спеллман⁴

Припарковалась я перед зданием, где находится наш офис. Во-первых, я тут работаю, а во-вторых, было свободное место на парковке. На Сентрал. Среда бела дня. Такое случается очень редко. Как правило, паркуюсь я на стоянке за офисом, перед жилым домом. Во-первых, у меня там собственное место с табличкой, которая предупреждает всех желающих занять местечко о том, что им выпустят кишки, а во-вторых, я в этом доме живу. В основном, конечно, по последней причине.

Но блин! Свободное место на парковке среда бела дня!

Ладно, шучу. К тому же, там стоит счетчик.

Скормив счетчику несколько четвертаков, я прикинулась, будто не замечаю наблюдающего за мной с крыши соседнего здания ангела, и пошла по наружной лестнице в свой офис на втором этаже. Мистер Фэрроу, моя более сексуальная половина, должен был, по идее, работать внизу в баре. А поскольку я понятия не имела, о чем он хочет поговорить, то решила избегать его во что бы то ни стало.

Куки сидела за столом и в чем-то розовом с рюшами выглядела вполне себе дерзко. В уличной карьере мне бы такая вещица точно не помешала. На меня будет великовата, но для того и придумали корсеты.

— Здорово, Кук, — поздоровалась я, вешая куртку на крючок.

— И тебе не хворать.

Ясненько. Плохое настроение. От Куки оно шло волнами, и оставалось лишь надеяться, что это не заразно. Я и так в депрессии. Недавно узнала, что, раз уж я бог, то умереть могу только от руки другого бога. А если я в суицидники подамся? Тогда что делать? От того, что я не могу умереть, депрессия может стать намного глубже, и я ни черта с этим поделывать не смогу.

Ладно. Будем решать проблемы по мере поступления.

— Чем ты занималась вчера вечером? — спросила Куки, не отрываясь от монитора. Голос ее звучал контрастно вяло в сравнении с выедающей глаза розовой шмоткой и торчащими во все стороны черными волосами, обрамлявшими круглое лицо с ярко-синими глазами.

Я уселась напротив нее на стул, который втайне назвала Зимним солдатом⁵. От него так и несло чем-то смутным. Может быть, все дело в мрачном прошлом.

— Ходила в «темную сеть». Подумала, а вдруг там есть чат для демонов? Можно было бы разжиться информацией изнутри, так сказать.

— И как? Получилось?

— Хреново получилось. Очень хреново. Там как будто «день наизнанку»⁶. Мне такое нравилось классе в третьем.

Куки глянула на свою блузку и потянула за воротник. То ли искала какую-то подсказку в швах, то ли проверяла, как там поживает грудь.

— Черт возьми! Наизнанку! — Испутив долгий-предолгий вздох, Кук направилась в уборную.

— Эй! С тобой все в порядке? — спросила я, заметив на подруге подходящие к наряду сережки и розовый браслет.

— Естественно.

— Ку-у-у-ки-и-и? — протянула я самым искусным тоном из оперы «я знаю, что ты врешь, шалава». Только без шалавы. Из Куки такая же шалава, как из меня — мать Тереза. — Что с тобой происходит? Раньше ты никогда так удачно не подбирала цвета в одежде и аксессуарах.

Куки поджала губы и уселась обратно за стол.

— Не знаю. Мне кажется, что-то не так.

— Это все блузка. Натирает. Вывернешь на нужную сторону, и...

— Да не в блузке дело.

— Ну да.

— Я пытаюсь выглядеть сексуально, а он даже не замечает.

— Кто? Наш Господь и Спаситель?

— Роберт.

— Теперь намного понятнее.

После каждого разговора с сестрой Мэри Элизабет мои мысли еще несколько дней несет в степь католицизма. Они с дядей Бобом недавно расписались. В смысле Куки с дядей Бобом, а не сестра Мэри Элизабет. Так что логично, что Куки старалась привлечь его внимание в интимном смысле.

Я подалась ближе и напялила самую выразительную маску сочувствия.

— Кук, в чем дело?

— Мне кажется, я его теряю.

— Я тебя умоляю! Ты бы не потеряла его, даже если бы он был твоей девственностью, а ты бы пошла на свидание с Тором. Диби от тебя без ума.

Куки глубоко вздохнула:

— Может быть, когда-то и был. А сейчас мне кажется, у него интрижка на стороне.

Если бы я пила кофе, то выплюнула бы его в приступе кашля. Слава Богу за маленькие чудеса.

— Солнце, ты же сама знаешь, что это невозможно. Он же импотент!

Подруга уставилась на меня с отвисшей челюстью:

— Точно тебе говорю, он не им... — До нее дошло, что я дразнюсь, и на место отвисшей челюсти пришел сердитый взгляд.

Что ж, Кук права. С импотенцией лучше не шутить.

— Ладно-ладно! Никакой он не импотент. Но произносить это слово — само по себе смешно. А думать о том, что у Диби любовница — смех, да и только.

— Почему? Потому что он меня якобы так сильно любит?

— Нет. То есть да. Seriously, Кук. Такого просто не может быть. Этот мужчина по тебе с ума сходит. Никогда в жизни он бы не причинил тебе боль.

— Ну, не знаю... — Подруга нажала пару клавиш на клавиатуре. — Он ко мне три дня не прикасался.

Теперь челюсть отвисла у меня. На добрую минуту.

— В чем дело?

— Три дня?!

— Да.

— То есть ты навывдумывала себе целую разлуку из-за каких-то несчастных трех дней засухи в отношениях? Есть ведь отличное решение. Всего-то и нужно — подлить воды. Ну или купить вибратор.

— Чего?! Ни о какой разлуке и речи нет. Я просто переживаю.

— Слава ежикам! Потому что я его назад не возьму. Он теперь твой со всеми потрохами. Ты подписала тонну документов. В трех экземплярах. Я была свидетелем, помнишь?

— Да знаю я, знаю. Просто он постоянно чем-то озабочен.

— Он же детектив в полицейском управлении Альбукерке, солнце. Такая работенка идет в комплекте с упаковкой стресса.

Куки покачала головой:

— Нет, тут дело в чем-то другом. Его что-то очень беспокоит, а я понятия не имею, что именно. Он словно живет в каком-то другом мире. И он... — Замолчав, она откашлялась и опять покачала головой. — Забудь. Ты права. Я навывдумывала кучу глупостей.

— Даже не надейся вот так спрыгнуть с крючка. Чего ты недоговариваешь? — Ни за что не позволю Куки вот так взять и оставить меня с носом.

— Не хочу тебя зря беспокоить.

— Кук.

— Он... слегка срывается.

Я ошеломленно застыла. Дядя Боб? Срывается? Он, конечно, всегда был вспыльчивым, но уж точно не с Куки.

— Что случилось?

— Ничего. Правда. Ерунда.

— Куки Ковальски-Дэвидсон!

Если Диби хоть как-то обидел мою лучшую подругу или ее дочь, плевать мне на родство.

— Вчера у него подгорело жаркое.

— Что ж, можно считать, он действительно сорвался. На куске мяса.

— Когда он достал сковородку из духовки, он ее выбросил. Прямо в раковину.

— Выбросил?

— Швырнул. Так сильно, что Эмбер испугалась. Потом ушел в нашу спальню и не выходил, даже когда я разогрела на ужин остатки еды.

У меня закипела кровь. Не так чтобы прямо забулькала, скорее начала тушиться. Я прекрасно понимаю, что значит расстроиться. Но всякие дурацкие мачистые замашки со мной не прокатят.

— Я понимаю тебя, Кук, но такое поведение говорит вовсе не об измене. Его что-то серьезно гложет.

Неужели Диби все узнал?

В том, что мой муж родился в аду, есть один прикольный (или не очень, это как посмотреть) бонус. Он видит, светит ли кому-нибудь поездочка к нему на родину. А еще знает, что конкретно сделал этот человек, чтобы ему досталась короткая спичка.

Всего несколько дней назад я узнала, что моему дяде предстоит упомянутое путешествие за то, что он сделал ради меня. А сделал он это, чтобы спасти меня от

колумбийского наркобарона, который верит, что, кушая людей со сверхъестественными способностями, он сам эти способности получит.

Чувак, само собой, ошибается, но он в это верит. Представить страшно, сколько людей погибло из-за его больной одержимости.

Когда прихвостни наркобарона узнали обо мне и о моей связи с миром сверхъестественного, они решили преподнести меня в дар своему боссу. Однако Диби каким-то чудом все выяснил и, по словам Рейеса, перестрелял всех гадов по одному, чтобы слухи обо мне не дошли до наркобарона.

Это случилось несколько лет назад. А сейчас всплыло потому, что дядя Боб должен умереть от рук низкопробного бандита по имени Грант Герин. Вообще-то, погибнуть Диби должен был еще два дня назад, но мы помешали попытке убийства.

Благодаря врожденным способностям моего мужа и тому, что именно за убийство дяди Боба Герин должен попасть в ад, мы точно знали, где и когда Диби поджидала смерть. Поэтому следили за нужным местом, но Герин, видимо, заметил нашего человека и быстренько смылся. Вот почему, когда Диби оказался там, убийцы на месте не было. То бишь дядю мы спасли. Молодцы.

Вот только, пока Рейес опять не увидит Гранта Герина, мы не узнаем наверняка, справились ли с задачей, или только отложили неизбежное. Не узнаем, планирует ли до сих пор Герин убить дядю Боба.

Именно поэтому мы следим за Диби двадцать четыре часа в сутки. И именно поэтому я отчитала Ангела в кабинете у психиатра. Последние несколько дней за Диби следил он.

Пару раз мы думали, что вот-вот поймаем Герина, но он постоянно ускользал сквозь пальцы. Мне же позарез надо было знать, нейтрализовали мы угрозу или всего-навсего отложили на потом. А этого мы не узнаем, пока не отыщем гада.

Куки поникла:

— Я переживала, что он потерял ко мне интерес, и думала только об этом. Жалкая я, да?

— По шкале от одного до Канье Уэста? Тебя на этой шкале даже нет. Ты вовсе не жалкая. Уж поверь, я точно знаю.

— Да неужели? — фыркнула Куки.

— Ужели-ужели. Точнее ты перестанешь быть жалкой, как только вывернешь блузку на нужную сторону.

В этот момент дверь в офис открылась, и на пороге показался высокий (очень высокий!) блондин.

Я встала поприветствовать его в «Детективном агентстве Дэвидсон», как вдруг от узнавания задергались все клетки внутри, и по спине словно промчался разряд тока.

Бывают в жизни моменты, когда превращаешься в статую, перестаешь дышать и забываешь родной язык.

Одним из таких моментов и был тот самый, когда к нам в офис вошел брат Рейеса. Не тот, который в божественном смысле брат, а другой. Тот, которого, как и Рейеса, могли похитить в нежном возрасте, но так и не отдали в руки чудовищу. По крайней мере в этом заключались мои подозрения.

Я копалась в жизни Фостеров, перед тем как мой мир перевернулся с ног на голову. Перед тем как на восемь месяцев я оказалась запертой в заброшенном монастыре, где у меня в духовке пропекалась до идеальной корочки маленькая булочка. И перед тем как я целый

месяц прожила в штате Нью-Йорк в компании с амнезией, вызванной тем, что эту самую идеальную булочку мне пришлось отдать.

Насколько мне было известно, Фостеры запаниковали, когда их родственники стали что-то подозревать. Лучшей догадки у нас все равно не было. Зачем еще похищать ребенка, а спустя буквально несколько недель от него избавляться? В общем, вместо того чтобы вернуть Рейеса родным родителям, Фостеры продали его Эрлу Уокеру. Или просто отдали. Так или иначе, Рейес оказался в лапах монстра. Причем не сверхъестественного, а в самом человеческом смысле. От Уокера злом и мерзостью несло за километры.

Мы с Куки так и не выяснили, усыновили Шона Фостера по всем правилам или тоже похитили. А именно он, Шон Фостер, сейчас и стоял у нас в офисе и ждал, когда я заговорю.

— Вы мисс Дэвидсон? — спросил наконец он низким приятным голосом.

Впервые описывая мне Шона Фостера, Куки упоминала о том, как он не похож на Рейеса. Но это касалось только цветов. Во всем, что у Рейеса было темным, Шон был светлым. Причем буквально и паранормально. Аура у него была поразительная. Ярче, чем у других. Чище. Светлые волосы были коротко пострижены. Кожа выглядела очень бледной. Но его черты казались до странности знакомыми. Шон был поразительно, по-ангельски красив. Прямо как Рейазиэль. Чем и объяснялся тот факт, что все мои подозрения на порядок возросли.

— Да. — Я шагнула вперед и пожала протянутую руку. — Простите, вы мне кое-кого напомнили.

— Неудивительно, — усмехнулся Шон. — Вы уже давненько изучаете мою подноготную.

***

Пауза повисла самая что ни на есть неловкая, а все потому, что я приходила в себя после услышанного. Шон знал, что я под него копаю. И под его предков. А о Рейесе ему что-нибудь известно? Шон младше Рейеса. Приблизительно моего возраста. Если верить тому, что нам удалось узнать, он снова живет с родителями, потому что учится в аспирантуре Университета Нью-Мексико. Что-то там с проектированием, и все такое. И он до сих пор смотрел на меня, давая мне время обдумать его слова.

— А-а, ну да. Вообще-то, — я бросила на Куки взгляд, в котором просто обязано было читаться «Помоги!», но подруга была слишком занята стараниями вернуть на место челюсть, — речь не совсем о вашей подноготной, а скорее... о подноготной ваших родителей.

Поздновато до меня дошло, что копаться в прошлом его родителей, наверное, гораздо хуже, чем копаться в прошлом самого Шона.

— Вот и хорошо, — сказал он, отпустил мою руку и кивнул Куки. — Тогда вам есть с чего начать мое дело. Если, конечно, вы согласитесь им заняться.

— У вас есть дело? — уточнила я и махнула рукой в сторону своего кабинета, находившегося в другом конце вотчины Куки, то бишь нашей приемной.

— Есть. Я хочу, чтобы вы нашли моих настоящих родителей.

Я чуть не споткнулась и, закрывая дверь, напоследок бросила на Куки взгляд из оперы «Вот блин!!!».

— Присаживайтесь, пожалуйста, — предложила я и двинула прямиком к Бунну. — Кофе хотите?

— Нет, спасибо. — Шон все еще стоял и разглядывал мой кабинет. — Симпатично у вас.

— Благодарю. Мой муж недавно сделал тут ремонт.

— Ясно. — В конце концов он сел и положил на стол папку, которую принес с собой. — Бар внизу принадлежит ему, насколько мне известно.

И это все? Оставалось лишь надеяться, что больше Шон ничего не знает.

— Все верно.

За всю мою жизнь бывали у меня странные встречи с живыми и мертвыми, ангелами и демонами, полтергейстами и душевнобольными, но эту встречу в рейтинге странных можно было смело ставить на первое место.

Я села напротив Шона и глотнула жидкой храбрости.

— Как вы узнали, что мы ведем расследование, где фигурирует ваша семья?

— Поначалу я ничего не знал. А потом увидел, как вы проезжаете мимо дома моих родителей, и вспомнил, что видел вашу машину припаркованной чуть дальше по улице год назад.

— У вас отличная память.

— Ваша машина стояла там довольно долго.

Ох уж эти мои пробные заезды!

— И что в этом необычного?

— Вы припарковались, но из машины так и не вышли. Живете вы в другом районе, а на той улице простояли немало.

— Ну конечно. — Вот ведь пронизательный!

— Когда вы проехали мимо дома родителей, я записал ваши номера и попросил друга пробить их по базе.

— А разве это законно?

— На сто процентов нет.

— Что ж, находчиво, — заметила я.

Шон скромно пожал плечами.

— Что говорили вам родители?

— Что моя мать рожала меня тридцать шесть часов. Что в итоге ей сделали кесарево сечение. Что она кормила меня грудью до двух лет.

— Понятненько.

Когда мы начали копаться в этом деле, мы были почти уверены, что Шона Фостера тоже похитили, после чего Фостеры провернули усыновление через сомнительное агентство, просуществовавшее несколько месяцев и пристроившее в семьи всего лишь трех детей. Одним из них, по нашей версии, и был Шон.

— Но вы им не верите? — спросила я. Иначе зачем бы он пришел, если бы верил?

— Не верю. По нескольким причинам. И, по-моему, вы им тоже не верите.

Все еще размышляя, знает ли он что-нибудь о Рейесе, я кивнула на папку:

— Можно?

— Конечно.

Шон откинулся на спинку стула, а я принялась листать бумаги. В основном там были фотографии, заметки о несоответствиях в истории родителей и записи разговоров с родственниками, которые вообще не помнили, чтобы миссис Фостер когда-либо упоминала о беременности. В конце имелась бумажечка, ставившая во всех этих поисках жирную точку.

Анализ ДНК. Фостеры не были родителями Шона и даже близко не состояли с ним в каком-либо родстве.

— Родители в курсе, что вы сделали анализ ДНК?

— Нет.

— То есть вы считаете, что вас усыновили?

— А вы так считаете? — парировал Шон.

— В смысле?

Он задумчиво потер подбородок, а голубые глаза все это время пристально меня изучали.

— Вы копаетесь в этом уже давно. Я хочу знать почему. И что вы обо всем этом думаете.

— Мистер Фостер...

— Прошу вас, зовите меня Шон.

— Шон, все, что у меня есть, — это только догадки без малейшего намека на свидетельство, которые могут их подтвердить. Без доказательств я не могу озвучивать вслух свои мысли. Это было бы крайне безответственно.

— Что ж, я получил все ответы.

— То есть как это? — обалдела я, когда Шон встал, забрал папку и повернулся к выходу. — Какие ответы? И на что?

— Вы такая же, как они.

— Погодите, прошу вас...

Он развернулся и решительно направился ко мне. У меня не осталось выбора, кроме как сделать шаг назад.

— Ложь. Отговорки. Я слышал это всю свою жизнь и уже сыт по горло. Я сам докопаюсь до правды. Так или иначе.

Лицо Шона просто кричало о гневе, от него самого исходила пульсирующая боль, а между ресницами поблескивала влага. Все это врезалось глубоко мне в грудь. Я хотела ему помочь, но не знала, что делать. Я дала Рейесу слово не лезть в то, что он считал делом исключительно своим. В то, что меня, по его мнению, не касается. Но Шон сам ко мне пришел. Наверняка Рейес поймет все правильно.

Ну а если начистоту, Рейес вполне может поцеловать меня в зад. Он сам — мое дело, которое очень даже меня касается.

Шон опять отвернулся, но я успела схватить его за руку. Он остановился, хотя на меня даже не взглянул. Ему было стыдно за свое поведение.

— У меня были причины заниматься этим расследованием. Доказательств у меня нет, но я твердо убеждена, что Фостеры вас похитили.

Видимо, Шон тоже так считал, потому что ни капельки не удивился.

— Почему вы так думаете?

— Потому что...

Я замолчала, глубоко вздохнула и подумала о том, не беру ли сейчас ответственность за свою жизнь в собственные руки. Убить меня может только другой бог. Рейес — бог. О да. Он меня точно укокошит.

— Потому что, — снова заговорила я, решив все-таки вытащить кота из мешка, — моего мужа они тоже похитили.

***

Спустя два часа и семь чашек кофе на троих (поскольку Куки помогала мне в расследовании, я пригласила на встречу и ее) мы пришли к выводу, что Шон был одним из трех детей, чье усыновление организовало подозрительное агентство.

Представить не могу, как этому агентству все сошло с рук. Такие дела контролируются дохренальном правил и норм. Чтобы заниматься усыновлениями, нужно пережить уйму госинспекций и получить еще больше одобренных по всем статьям документов. Где-нибудь просто обязан был остаться бумажный след. Или кому-то хорошенько приплатили, чтобы этот кто-то смотрел в другую сторону.

Самым подробным образом мы изучили все, что известно Шону, и что успели выяснить мы. Шону хотелось побольше узнать о Рейесе, но я и так выложила чересчур много. К тому же, имелось у меня подозрение, что Шон уже знает намного больше, чем кажется.

Слава богу, он меня понял, когда я заявила, что для начала мне надо самой поговорить с моим напарником по преступлениям. Ясное дело, Шону достаточно будет сесть за компьютер и запустить любой поисковик (если он до сих пор этого не сделал), чтобы найти информации выше крыши. То бишь узнать, что Рейес десять лет отсидел в тюрьме за преступление, которого не совершал. О Рейесе я рассказала не так уж много, но ничто из сказанного Шона не удивило, словно он уже все это знал.

Чем дольше мы говорили, тем сильнее во мне крепло ощущение, что Шон Фостер не так-то прост. Я постоянно ловила на себе его взгляды. Вот только смотрел он на меня не так, как может смотреть на женщину мужчина, а с капитальной долей любопытства. Как будто пытался меня раскусить. Но я, ей-богу, ни капельки не против, потому что и сама пыталась его раскусить.

— Ладно, с этого и начнем. Ты уверен, что хочешь вернуться домой, Шон?

Он встал и отнес чашку на полку, где стоял Бунн.

— В каком смысле?

Пока Куки собирала бумажки, я подошла к Шону.

— Сможешь еще немного попритворяться? Мне кажется, лучше не говорить твоим родителям...

— Ты о психах, которые меня похитили?

Я опустила голову. Чувство горечи и гнев уже пустили в Шоне корни.

— Да. Сейчас им лучше ни о чем не рассказывать. Нам нужно немного времени. Посмотрим, что удастся выяснить.

Он кивнул:

— Ни слова им не скажу.

— Я просто переживаю. Как знать, что случится, если они обо всем узнают?

— Чарли, я прожил с ними большую часть жизни. В постоянных сомнениях и подозрениях. Еще несколько дней погоды не сделают.

— Я живу в «Плотине». Это жилой дом сразу за этим зданием. Третий этаж, первая дверь налево. Будем рады тебе в любое время дня и ночи.

— Спасибо, — сказал Шон. Из вежливости, потому что не поверил.

— Я серьезно. Честно говоря, тебе, по-моему, лучше пожить у нас. Пока мы со всем этим не разберемся.

От улыбки все черты Шона будто стали еще светлее.

— И что на это скажет мой брат?

Я рассмеялась. Его брат. Рейес.

— Может быть, для начала введешь его в курс дела?

— Видишь ли, он у меня суперский. И точно не будет против.

— Ну ладно, я подумаю. — Шон попрощался с Куки и уже практически вышел за дверь, как вдруг обернулся и сказал: — Кстати, хотел еще кое о чем спросить.

— Валяй.

Он сощурился и смерил меня взглядом с ног до головы:

— Какого черта ты такая яркая?

*Да, я открыла для себя все прелести кулинарии.
Когда готовит мой муж.*

Мем

— И что это может значить? — спросила Куки.

Шона пришлось поскорее спровадить. Ни за какие коврижки я не собиралась признаваться ему в ангелосмертских штучках. И уж тем более — в божественных.

— Должно быть, он как Пари, — отозвалась я.

Пари — одна из моих лучших подруг. Тату-художница, на которой чернил больше, чем чистых клеток кожи. А еще она видит сквозь завесу между нашим измерением и соседним. В смысле между материальным, осязаемым миром и потусторонним. Самих призраков Пари не видит, зато замечает на их месте серую дымку. А мой свет и вовсе видит на всю катушку. Даже темные очки надевает в моем присутствии.

Шон, похоже, прекрасно обходился без очков, хотя явно отчетливо видел моего внутреннего светлячка. Я решила пока оставить все как есть. Если начну разнюхивать, что еще видит Шон, он начнет разнюхивать, что я вообще такое. Поэтому я и не спрашивала у него, видит ли он призраков, а о себе сказала, что связана со сверхъестественным миром, но... все сложно. Кажется, ответ его удовлетворил. По крайней мере на какое-то время.

— Итак, — вынырнула я из раздумий, — может быть, поищешь еще что-нибудь об этом стремном агентстве? И, наверное, покопайся еще в Фостерах. Хочу знать о них все. Где родились, в какую ходили школу, как познакомились. Наверняка их прошлое прояснит их настоящее.

— Уже в процессе. И все-таки мы с тобой кое-что не обсудили.

— Да неужели?

— Если все это всплывет, особенно роль Рейеса в этой истории, Лоэров могут вызвать на допрос. Или даже для дачи показаний в суде.

— Вот гадство! Об этом я и не подумала.

— А раз уж они в бегах с твоей дочерью, то это, наверное, не самый лучший вариант развития событий.

— Ты права. Нужно всеми силами держать похищение Рейеса в тайне. Если, конечно, получится.

— Уверена, Шон не будет против.

— Я тоже так думаю. Кажется, он отличный парень.

— Это точно. Минуточку! — вдруг спохватилась Куки. — А как насчет еще двоих?

— Каких двоих?

— То подозрительное агентство устроило усыновление еще двоих детей. Откуда они взялись?

Я опять уселась за свой стол.

— Ага, я уже об этом думала. Попробуй и тут что-нибудь разузнать. В свободное время. — О да, я не начальник, а безжалостный угнетатель.

— Как думаешь, твоя подруга, агент Карсон, может помочь?

— С этим делом — скорее всего да. А вот с тем, что ты до сих пор в блузке наизнанку...

— Господи боже мой! Ну почему ты раньше не напомнила?! — С видом оскорбленной невинности Куки сорвалась в уборную, пробормотав по пути: — Я же сегодня с Робертом за обедом встречаюсь!

— Организуй быстрячок, пока есть шанс! — рассмеялась я вслед.

***

Сидя за столиком в «Вороне» (в баре, где хозяйничает Рейес), я смотрела, как мой муж выходит из кабинета и идет ко мне. Я предложила приготовить ему обед. В нашем семействе первоклассный шеф-повар он, но я достаточно часто смотрю канал «Смак», чтобы представлять серьезную конкуренцию. По-моему, как раз самое время попотчевать мужа чем-то из своих шедевров. Беда в том, что все утро я была занята, и времени на готовку не осталось. Пришлось импровизировать.

Каждое движение Рейеса источало грациозность дикого зверя. Весь его вид, от черных волос до пристального взгляда, привлек внимание зала. Все глаза смотрели на него. У всех присутствующих перехватило дыхание. Разговоры стихли.

Когда он сел, я подвинула к нему одну из двух тарелок. На каждой было по три ряда крекеров с намазанным на них салатом с тунцом. Сбоку на каждой тарелке в качестве гарнира лежала толстая морковка. Неочищенная, да еще и со стеблями, которые занимали полстола. Говорю же, времени не было.

Рейес осмотрел содержимое своей тарелки, и на его лице отразилась смесь веселья и сомнений.

— Не отказывайся, пока не попробуешь, — сказала я и многозначительно глянула на него: — У нас тут закусиськи. А кто не любит закусиськи? — Рейес молчал, поэтому я воспользовалась шансом и добавила: — И морковки.

— Понятия не имел, что ты так любишь закуски.

— О-бо-жа-ю. — Я откусила морковку и стала жевать как можно громче.

— Больше, чем мои хуэвос ранчерос?

Вот черт, подловил. Его хуэвос, ранчерос они или нет, обалденные в любом виде.

Осторожно взяв с тарелки крекер, словно на печеньке был какой-то ужасный вирус, Рейес засунул его в рот. Целиком. И тут выражение его лица изменилось. Сомнения исчезли! Он одобритительно кивнул и съел еще один.

Я тоже попробовала и окунулась в чистейший восторг. Это был самый лучший салат с тунцом в моей жизни! Клянусь Братом Рейеса!

— Неплохо, — слегка удивленно проговорил Рейес.

— Феноменально! — отозвалась я, удивившись гораздо сильнее.

Рейес прикончил первый ряд закусисек и поинтересовался:

— В чем секрет?

— Понятия не имею, — прошамкала я с набитым ртом. — Не я готовила. Дел было по горло.

Рейес бросил на меня полный ужаса взгляд, но быстро пришел в себя.

— И кто готовил?

— Опять понятия не имею. Соскребла с сэндвича, который принес на обед Сэмми.

Прикинувшись, будто подавился, Рейес откашлялся.

— И как Сэмми к этому отнесся?

— По-моему, он еще не в курсе.

— А морковки откуда?

— Ну-у, так, нашлись по ходу дела. Подумала, как раз в тему.

Рейес откинулся на спинку диванчика.

— В твоём распоряжении вся кухня, а ты воруеть, чтобы меня накормить. Что же ты за миллиардерша такая?

За это я стащила с его тарелки крекер.

— В нашем случае быть миллиардершей означает стать наследницей. Из-за тебя я, блин, вышла замуж за деньги. И теперь официально могу считаться пресловутой женой олигарха.

Рейес молча смотрел на меня, и в его взгляде плескалась неловкая для меня смесь любви и веселья. Наконец я не выдержала, отложила крекер и спросила:

— О чем ты хотел поговорить?

— По-моему, ты уже догадываешься.

Глубокий голос обступил меня, словно теплая вода. Или мед. Или ром. Чутьочку лимона, и из меня получится неплохой пунш.

— Как ты умудрилась погладить Иегову против шерсти?

Откуда он знает?!

— Откуда ты знаешь, что я погладила твоего Брата против шерсти?

В ответ Рейес лишь смерил меня укоризненным взглядом, а весь процесс длился целую, елки-палки, вечность. Пришлось отступить.

— И что меня выдало?

— Наверное, армия ангелов, которая сидит у тебя на хвосте.

Черт возьми! Так и знала, что он заметит. Хотя не заметить такое трудно. Ангелы были повсюду. А еще эти их огромные крылья, мечи, темные глаза, следящие за каждым моим шагом. Одна малюсенькая угрозка завоевать мир — и бабах! Тебе на голову сыплется небесная версия Секретной службы, тебя прижимают к земле и берут в удушающий захват. Образно выражаясь.

— Ну ладно. В общем, мы с Михаилом слегка повздорили.

— С архангелом?

— Ага.

— Ты поссорилась с архангелом?

— Совсем капельку. Не о чем беспокоиться.

— А почему Земля кишит ангелами?

— Я вроде как сказала Михаилу, что отвоюю у Иеговы мир, а он принял все за чистую монету.

— Понятно. Когда произошел этот обмен мнениями?

— Несколько дней назад. Сразу после того, как... — Вспоминая тот ужасный день, я опустила голову. Мы могли потерять много людей. Не говоря уже о том, что тогда потерял Рейес. — Сразу после происшествия. Кстати о птичках. Как ты себя чувствуешь?

Рейес сложил на груди руки.

— Мы не обо мне говорим.

— А надо бы. Ты потерял сестру, Рейес. Горевать — это нормально. В конце концов, все мы люди.

Он горько рассмеялась, но быстро взял себя в руки. Как всегда.

— Что будем с этим делать?

— С чем?

— С ангелами, которые приклеились к твоей заднице.

— А-а, ты об этом! Да не переживай. Они всего лишь наблюдают и ждут. Следят, чтобы я не занялась воплощением своих угроз в жизнь.

— То есть угроза была не одна?

— Ну, большая — одна. И еще парочка мелких, которые вроде как подразумевались сами собой. Видимо, на небесах ко всей этой ерунде относятся чересчур серьезно.

— Представить не могу, с чего бы вдруг.

— Вот и я о том же. — Я съела еще один крекер и осторожно спросила: — Ты по ней скучаешь?

Рейес глубоко вздохнул, бросил на меня раздраженный взгляд, но все-таки ответил:

— Конечно, скучаю. Как не скучать? Утешает только то, что Ким теперь присматривает за Элвин.

— Согласна, — тихо отозвалась я. Тот факт, что Ким приглядывает за нашей дочерью, на одну сотую процента облегчает тяжесть в груди. Совсем чуть-чуть, но все же. — Это как пластырь с бальзамом на открытой ране.

Не желая развивать тему, Рейес отвел взгляд. Я давить не стала.

— Я принял решение, — ни с того ни с сего заявил он, снова посмотрев на меня.

— Seriously?

— Seriously. — Он смерил меня долгим тяжелым взглядом. — Тебе нужен телохранитель.

— Телохранитель? — расхохоталась я и потыкала вилкой в морковку. — У меня уже есть хранительница. Причем шикарная.

И моей хранительницей была ротвейлерша по кличке Артемида.

— Знаю, но от ангела она тебя не защитит. Они очень сильны, Датч. Очень. Тот факт, что они не могут тебя убить, не означает, что они не будут изо всех сил пытаться. Сомневаюсь, что ты сделаешь все необходимое, если кто-нибудь из ангелов откроет на тебя охоту.

— Но ведь они хорошие ребята.

— В большинстве случаев — да. В нашем — не уверен.

— Я же все-таки Богу угрожала.

— Ты имела полное право обжаловать, так сказать, его решение. И Йегова (кстати, его не так зовут) знает это лучше кого бы то ни было. Но я очень сомневаюсь, что он отдаст свою коробку с игрушками только потому, что тебе не нравится, как он передвигает фигурки по доске.

— Ага, я тоже сомневаюсь. Так говоришь, его зовут не так? А как?

— Я не стану говорить тебе то, что ты давно знаешь. Когда ты собиралась рассказать мне о вашей беседе с Михаилом?

— Очень хороший вопрос. Ты мне скажешь, как его зовут, или нет?

На этот раз во взгляде Рейеса мерцало что-то темное и опасное.

— Зачем? Чтобы ты и его могла вышвырнуть в божественное стекло?

Я потрясенно ахнула. Не то чтобы я сомневалась, что рано или поздно наши разговоры свернут в сторону кулона, который я круглосуточно ношу в кармане. В этом кулончике, которому уже шестьсот лет, заключена некая субстанция, известная под названием

«божественное стекло», — похожий на опал камень, переливающийся и сияющий, словно тысячи галактик. А внутри находится то самое адское измерение, которое Йегова создал специально для своего непокорного брата, то бишь для моего мужа. И все это заключено в вычурное стекло лишь слегка крупнее четвертака, с изящными завитками и резьбой.

Медальон мне приходилось скрывать, потому что я понятия не имела, как Рейес воспримет новости о том, что он тоже бог, и не превратится ли он от таких новостей в злобное создание, которым, по моему убеждению, он когда-то был. И скрывала я божественное стекло до тех пор, пока не пришлось его использовать. Я засунула туда одного из двух по-настоящему злых богов, которые присоединились к команде Люцифера. А теперь этот бог в компании демона по имени Куур торчит в аду вместе с десятками невинных душ. Уже какое-то время я пытаюсь понять, как вызволить невинных и при этом не выпустить на свободу два воплощения зла.

Так или иначе, Рейес узнал о том, что я прятала от него кулон. А еще узнал почему. Поэтому я решила сделать то, что умею лучше всего, — сменить тему.

— И кого ты предлагаешь на должность телохранителя?

Все это время Рейес смотрел на мой рот. Глубоко внутри начало покалывать. Внезапно, как будто между прочим, он прикусил и облизал нижнюю губу. Обычное, казалось бы, действие, но у меня внутри все перевернулось от предвкушения.

— Даже не знаю, — сказал он наконец. — А сколько платят?

Я откашлялась и выбросила из головы грязные мыслишки.

— Много предложить не могу. Мне и так придется перейти на зубную пасту подешевле, чтобы не увольнять Куки.

Рейес поцокал языком. Весело и в то же время чувственно, черт возьми.

— Нам приходится многим жертвовать.

Он все еще смотрел на мой рот. Клянусь, сгустившийся от феромонов воздух можно было ножом резать.

Итого, у меня было два варианта. Затащить Рейеса в чулан и сорвать с него одежду или до конца дня мечтать о том, как я затаскиваю его в чулан и срываю с него одежду.

Ох уж этот чулан!

Я уже собралась выбрать первый вариант и наброситься на Рейеса, как вдруг вспомнила нечто важное. Нечто такое, что его явно не обрадует. Но нам было необходимо все это обсудить, хотя, по моему скромному мнению, мои расследования его никоим образом не касаются. Однако в прошлом мы уже поднимали эту тему, и она оказалась болезненной, как ожог третьей степени.

Короче говоря, лучше выложить все как на духу. Сорвать, как говорится, пластырь. Разрезать вену и надеяться, что Рейесу и тогда будет не наплевать на меня настолько, что он зажмет рану.

Я снова откашлялась и расправила плечи.

— В общем, мне сегодня подкинули новое дело.

— Да ладно!

— Чтоб ты знал, я уже согласилась им заняться.

В конце концов Рейес все-таки посмотрел мне в глаза, явно сгорая от любопытства.

— И о чем речь?

— О Шоне Фостере. Он сегодня приходил.

Рейес застыл, но понять, о чем он думает, было невозможно.

— Он знает, Рейес. Знает, что он не родной сын Фостеров. Помнишь агентство, которое провернуло якобы законное усыновление? Он знает, что агентство липовое. А еще он тоже считает, что его похитили еще ребенком. Как и тебя.

Пусть я этого не видела, зато отчетливо ощутила, как вокруг Рейеса закружилась тьма. Прочитать хоть что-то по его лицу было нельзя, но мои новости вряд ли его порадовали.

— Он сам попросил тебя этим заняться?

— Ага. Пританцевал в офис и нанял меня.

— Почему он обратился именно к тебе?

— Вот тут и начинается самое интересное. — Поднимать настроение и находить светлые лучики в крошечной тьме я могу, да. А вот с осветлением волос все совсем плохо. Никак не подружусь с пергидролем. — С тех пор как мы вернулись, я пару раз проехала мимо дома Фостеров. Ну, знаешь, исключительно чтобы разведать обстановку. Самым невинным образом. А он заметил, представляешь? Стыд мне и позор.

— Мне казалось, мы договорились, что ты не будешь лезть к Фостерам.

— Договорились, конечно! — тут же принялась объяснять я. — Я же не к ним лезла, а вокруг них. Так сказать, каталась по окрестностям. А Шон взял и заметил. — Рейес продолжал молчать, поэтому я продолжила: — Но это даже хорошо. Оказалось, нам с Шоном многое известно. У него куча полезной информации, и у меня тоже. Если соединить это с тем, что ты мне рассказывал, Фостеров как пить дать упрячут за решетку, Рейес. Я уверена, что мы сможем довести дело до суда.

— По-твоему, я этого хочу?

— А разве нет? То есть как ты можешь этого не хотеть? Они тебя похитили, Рейес, а потом по их милости тебя еще раз похитило чудовище, если, конечно, именно так все и было. И ты хочешь, чтобы им все сошло с рук?

— Я хочу, чтобы ты в это не лезла.

— Рейес, я уже согласилась. Надеюсь, ты поймешь. Шон хочет знать правду. Хочет знать, кто его настоящие родители, и какой могла бы быть его жизнь. У него такие же вопросы, какие были и у тебя.

— Откажись от дела.

Это был приказ. Ясный и четкий. Рейес явно ждал, что я послушаюсь, а это само по себе смешно. Ну или было бы смешно, если бы под внешним спокойствием он не кипел от злости.

— Нет. Извини, но не могу. Теперь речь идет не только о тебе.

Рейес наклонился так близко, что я губами ощутила его дыхание.

— Брось дело, или я брошу тебя.

Мне сейчас слышалось? Я сощурилась и процедила сквозь зубы:

— Ну, рискни.

Полыхнул жар. Этот жар был частью Рейеса, но в этот раз он врезался в меня огненной стеной.

Надо сказать, Рейес пытался успокоиться. В тугом клубке его эмоций это я ощущала достаточно четко. Он на самом деле пытался взять себя в руки и прищучить обжигающее пламя.

А я изо всех сил старалась не сдаваться. Потому что все это очень важно. Фостеры — преступники, которых необходимо передать в руки правосудия. В тот день, когда Рейес всерьез поверит, будто может угрозами заставить меня делать то, чего я не хочу, нам придется очень тщательно пересмотреть наши отношения.

Собираясь уходить, Рейес встал, но тут затрезвонил мой сотовый.

— Подожди, — сказала я, и Рейес остановился, но на меня даже не взглянул.

Я посмотрела на экран телефона. Звонила Куки.

— Я всего на мину...

— Поговорим об этом позже, — перебил Рейес и ушел.

Просто взял и ушел, оставив в воздухе горячие следы гнева.

— Привет, Кук, — ответила я на звонок. — Что стряслось?

— У него роман.

Я тоже начала вставать под любопытными взглядами посетителей, в основном, конечно, женщин, которым не терпелось узнать, что происходит у нас с Рейесом. Но, услышав слова подруги, снова села.

— Это он тебе сказал?

Она с трудом дышала.

— В этом не было необходимости. Я чуть ли не на шею ему вешалась, а он и бровью не повел.

Я вздохнула от облегчения. Оказывается, я задержала дыхание, и теперь голова слегка кружилась.

— Куки, нет у него никакого романа. Готова поставить на это последний доллар. Да даже собственную задницу! Но, если хочешь, могу все разузнать поподробнее.

— Хочу. Но я не поэтому звоню.

— Я внизу. Уже поднимаюсь.

— Я еще дома. Копалась в прошлом Фостеров.

— Из дома?

— От расстройств я впадаю в режим поисков.

— Ага, хорошо, — бросила я Валери, барышне, которую Рейес натаскивает в искусстве управления баром, и которая подошла вытереть мой столик. — Вываливай. Что ты узнала?

— Ну, с ними что-то не вяжется.

— Так обычно и бывает с похитителями детей.

— Да нет же. Они как будто вообще никогда не рождались на свет.

— Из яйца, что ли, вылупились? — пошутила я и улыбнулась Валери.

Она почти улыбнулась в ответ. Это прогресс по сравнению с тем, что обычно в мой адрес она только фыркает. Похоже, я ей не слишком нравлюсь.

— Может, и так. Я выяснила, что их свидетельства о рождении никто и никогда не регистрировал там, где они, по их же словам, родились.

— А вот это уже интересненько.

— Вот-вот. Сейчас я просматриваю записи о местах работы. В офисе педиатра, где миссис Фостер работает управляющей, хранится копия ее свидетельства о рождении. Свидетельство якобы выдано в Западной Вирджинии. Вот только, согласно архивам штата, в городе, где вроде как родилась миссис Фостер, в тот день не было ни одной новорожденной девочки. Ева Вирсавия Фостер вообще никогда не появлялась на свет.

— То есть свидетельство о рождении поддельное?

— По-моему, да.

— Минуточку! Ее второе имя Вирсавия? Без шуток?

— Сама подумай. Кому придет в голову проверять свидетельство о рождении? Когда устраиваешься на работу, работодатель просто принимает копию, и на этом все. Если только

не устраиваешься туда, где нужен определенный уровень доступа, одобренный правительством. Остается только прикрыть задницу, если возникнет необходимость.

— Согласна.

— Разве сложно в наше время подделать какие угодно документы?

— Мистера Фостера проверяла?

— Проверяю прямо сейчас. Выследить его оказалось сложнее. Но несколько лет назад он заполнил заявление, чтобы получить разрешение на оружие. Заявление прошло под именем Авраама Боаза Фостера.

— Что у них за имена, блин?

— Понятия не имею. Свидетельство я так и не нашла, зато обнаружила вот что. Если верить заявлению, мистер и миссис Фостер родились в один день, в одном городе и даже в одной и той же больнице.

— Странновато, не находишь?

— Дальше — больше. В свидетельстве о рождении миссис Фостер указана ее девичья фамилия. Готова?

— Кук, ты меня без ножа режешь.

— Фостер.

Я откинулась на спинку дивана.

— Уверена?

— Как Вера.

Представления не имею, кто такая Вера и почему она должна быть уверена, но Куки, похоже, ни на йоту не сомневалась в своих находках.

— Ладно. Допустим, они зачем-то подделали свои свидетельства о рождении. Но на кой черт так напрягаться, чтобы в итоге получить документ с неправильной фамилией?

— Может, фальсификатор что-то напугал?

— Может быть.

Мне нужно было поближе пообщаться с миссис Фостер. Так сказать, прочувствовать ее на всю катушку. Она явно может украсть ребенка. Так на что же еще она способна?

Нас наняли отыскать биологических родителей Шона, но благодаря этому появилась прекрасная возможность изучить вдоль и поперек парочку Фостеров. Если мы уже решили доказать, что Шона похитили, нам понадобится все, что только можно, чтобы заявиться к прокурору.

— Нанесу-ка я сегодня визит миссис Фостер.

— Лады. Сейчас у нее обеденный перерыв, но в офис она вернется в два. Работает до шести. Я проверяла.

Господи, Куки просто умница!

— Супер. Осталось только придумать, зачем я притащилась к педиатру, чтобы при этом не дергать самого педиатра.

*Временами она кажется безобидной.
Но то же самое можно сказать и о нитроглицерине.*

Мем

Время еще оставалось, поэтому я решила навестить старого врага и выудить из него немного информации о его же информаторе. О том самом информаторе, которого я никак не могла найти. О том самом ублюдке, который, по словам Рейеса, должен убить дядю Боба. А Рейес, между прочим, точно видит, ждет ли человека поездочка вниз, и что конкретно этот человек натворил, чтобы такую поездочку заслужить.

Герина Рейес видел в тюрьме, но тогда мало думал о судьбах приговоренных к вечности в аду. Многим заключенным светила геенна огненная еще до жизни за решеткой. Вот только в одном из детективов Рейес узнал дядю Боба, а дядя Боб в итоге и оказался тем, по чьей милости Рейеса посадили. Неприязни между ними нет. Все осталось в прошлом.

Тогда Герин сидел за какие-то мелкие правонарушения, но того, за что он попадет в ад, еще не совершил. Оставалось еще несколько лет, но Рейес узнал все с первого взгляда. Тем не менее, время пришло и ушло, а опасность осталась.

Поскольку мы никак не могли отыскать жалкого преступника, у Рейеса не было возможности на него посмотреть и узнать, отложили мы его путешествие в ад или отменили насовсем.

И вот тут на сцену вышел Паркер. С помощником окружного прокурора (ПОП для краткости) Ником Паркером у меня пару дней назад произошла стычка. Оказалось, что расшифровывать сокращение ПОП как «полностью отупевший придурок», мягко говоря, несправедливо. Кто же знал?

Шантажом Паркер вынудил меня помочь ему с одним делом. Я помогла. В основном потому, что моя помощь действительно была нужна. Вот только я терпеть не могу, когда меня шантажируют. Во мне просыпаются худшие качества. Особенно когда начинают угрожать моей дочери. Я показываю когти. И вот однажды, в приступе дикой ярости (как раз тогда я и пообещала завоевать мир), я все разъяснила Паркеру. Сделала нечто такое, о чем раньше и помыслить не могла. Поцеловала его в губы и показала бушующий вокруг нас сверхъестественный мир во всей его великолепной красе. А еще показала, кто я такая и, что намного важнее, на что я способна.

Теперь Паркер точно никогда в жизни не станет меня шантажировать. Оставалось лишь надеяться, что психически он не пострадал. Когда я уходила, Шут-Ник пребывал в состоянии глубоко шока. Надеюсь, он все-таки усвоил правило номер один из «Памятки о Чарли Дэвидсон»: не связывайся, блин, со жнецом.

Шучу, конечно. Никакой такой памятки у меня нет. Зато есть памятная сумочка. «Прада». Подделка, само собой, но все-таки.

Минуточку...

Я уже наполовину засунулась в Развалюху, да так и застыла. У меня же теперь дохренальон денег. Точнее у Рейеса. Чувак, елки-палки, настоящий гений. Но ведь я все

равно могу позволить себе настоящую «Прада». Святой ежик!

Моя задница уселась на Идриса Эльбу⁷. То бишь на сиденье за рулем, которое крепко обнимало меня изящными изгибами, заботилось о моей безопасности в самых разных обстоятельствах и идеально согревало нижнюю половину тела путем нажатия одной несчастной кнопочки.

Вот гадство! Опять забыла, о чем думала. Ах да! «Прада»! Это нужно хорошенько обдумать. Такие важные решения сгоряча не принимают. Подобрать что-нибудь из осенней коллекции или подождать до весны, когда выйдет новая? От количества вариантов пухли мозги. А может, надо просто смотаться в «Таргет» и купить что-нибудь из оперы «как обычно»?

Я завела Развалюху (в буквальном смысле) и начала сдавать назад. Но сначала показала средний палец ангелу с длинными черными волосами и бледной кожей, который сидел на моем капоте и пялился на меня сквозь лобовое стекло.

Я вдавила педаль газа в пол. Ни капельки не впечатлившись, ангел расправил огромные крылья, на полметра поднялся в воздух и спокойненько встал на ноги перед нашим баром. Причем каждое его движение было изящнее, чем у балерины. Текучее, чем мокко латте. И круче самого Кристофера Уокена⁸, хотя и ненамного.

И вдруг ангел отсалютовал мне двумя пальцами. Очень по-человечески. От удивления у меня на несколько секунд округлились глаза, пока я не вспомнила, что все еще давлю на газ. Со всей дури я ударила по тормозам и ошеломленно застыла. Еще чуть-чуть, и выехала бы задом на забитую проезжую часть. Оглядевшись по сторонам, я убедилась, что не раскатала по асфальту ни одного пешехода и уставилась на ангела знаменитым убийственным взглядом. Тот в ответ коснулся невидимой шляпы. Не представляя, как воспринимать этот жест, учитывая, кто его изобразил, я развернула Развалюху и поехала к Паркеру на работу.

Через пятнадцать минут секретарша Паркера сообщила, что он в суде, поэтому пришлось опять выдвигаться в путь. Уж не знаю, по какому делу Шут-Ник выступал обвинителем на этот раз, но зал суда нашелся без проблем. Несколько зрителей как раз возвращались обратно после перерыва, поэтому я пристроилась к ним и вошла в зал сразу за седым дядечкой, который страшно напоминал Полковника Сандерса⁹.

Мы сели в части зала позади стола обвинения. Надеюсь, Паркер меня все-таки увидит, и мне удастся как-нибудь передать ему записку с просьбой встретиться за чашечкой кофе. Я сгорала от желания узнать, есть ли у него новости о Герине.

Вот только Паркер вернулся в зал суда весь из себя такой занятой, что даже головы не поднял. Сразу стал перебирать бумажки и переговариваться с коллегой. Весь такой важный, прямо воплощение поиска истины. Не хотелось портить ему дзен на корню, поэтому я сидела молча и пыталась отыскать свой собственный дзен.

Когда в зал вошел судья, мы все встали, как будто нас своим присутствием почтил король или президент. Ну или как будто на сцене появился стриптизер, а барышни на первых рядах чересчур высокие.

Паркер вызвал следующего свидетеля. Это была женщина, которую ограбил ответчик, угрожая ей ножом. Дело, похоже, рассматривалось плевое. Чувак виновен на все сто. От него так и несло виной с того самого момента, как он появился в зале суда. Свидетельница заметно нервничала. Заикалась и постоянно переходила на нечленораздельное бормотание. Не раз и не два ее просили говорить громче, и каждый раз, когда она повторяла свои слова, ответчик ухмылялся и качал головой.

Бедняжка свидетельница была до смерти напугана, что обвиняемого только забавляло. Женщина в этой ситуации была мышкой, а здоровенный волосатый ответчик с бакенбардами прямиком из семидесятых — коброй. Из-за его поведения она заикалась все сильнее и сильнее.

Как правило, в такие моменты кожа помощника прокурора Ника Паркера уморительно багровеет. Терпения у него — как у гремучей змеи, а сочувствия — вообще полный ноль. Но на этот раз все было иначе. Паркер был раздражен, и я это ясно ощущала. Вот только ни багрового, ни алого, ни даже слабенького румянца не заметила. Какого черта? Куда подевалось все веселье?

— Прошу занести в протокол, что свидетельница указала на... — Паркер наконец-то соизволил глянуть на зрителей и заметил меня. — Указала на подзащитного. Джеймса Уи...

Паркер умолк и, глядя на меня, застыл.

Судья попытался привлечь его внимание:

— Мистер Паркер?

Я улыбнулась Шут-Нику и как можно незаметнее помахала ему пальцами. Потом показала записку и кивнула на его помощницу, давая знать, что передам записку через нее. Вот только Паркер вдруг учудил такое, чего я точно не ожидала. Как не ожидал никто в зале суда, поэтому через полминуты не мне одной пришлось соскребать челюсть с пола.

Паркер застыл.

Я тоже застыла.

Он моргнул.

Я тоже.

Он резко втянул носом воздух.

Я еще раз моргнула.

И тут Паркер рухнул на колени, взялся за голову и, уткнувшись лбом в ковер, начал раскачиваться вперед-назад.

Какого черта он творит? Ну нет. Ну не может быть. Он что, поклоняется мне на глазах у всех? И можно ли назвать этот бред словом «поклоняться»? А может, у него какой-то припадок?

Я опять моргнула.

Моргнул и судья.

Судебный пристав тоже заморгал.

На несколько долгих минут весь зал потерял дар речи.

— Мистер Паркер, — наконец нарушил звенящую тишину судья, — чем вы занимаетесь?

Плечи Паркера затряслись, и до меня дошло: возможно, существует малюсенький шанс, что организованная мной на днях демонстрация сверхъестественного мира повлияла на помощника прокурора чуточку больше, чем я себе представляла.

***

Подозвав пристава, судья шархнул молоточком и объявил перерыв, а я метнулась к Паркеру через ограждение.

— Чувак, — прошептала я, глядя его по макушке, — не смей мне поклоняться. Я ж не такой, блин, бог!

Только до Паркера уже было не достучаться — он бормотал что-то похожее на молитвы

и, кажется, хныкал. Пристав помог ему подняться, и я пошла вслед за ними в кабинет судьи, стараясь не обращать внимания на то, как сурово пристав сдвинул брови. А брови у него, между прочим, были впечатляющие.

— Ему всего лишь нужно попить воды, — затараторила я. — С ним такое постоянно происходит. Все из-за нервов.

Паркер на меня даже не взглянул, зато наконец-то окрасился в знакомый и обожаемой мной красный оттенок. Руки у него были по-прежнему сложены под подбородком, а голова опущена.

— Может быть, вызовем скорую? — предложил судья.

— Уже звоню, — отозвалась стенографистка, которая пришла в кабинет вместе с нами.

Судья кивнул, пристав ушел за водой, а я пнула Паркера по ноге и процедила сквозь стиснутые зубы:

— А ну быстро прекращай! Какая муха тебя укусила?

— Ты. Это же ты...

Я подалась ближе как раз в тот момент, когда пристав сунул Шут-Нику в руки маленький белый стаканчик с водой.

— Да, черт тебя дери, это я. А теперь завязывай с этим дерьмом.

— Но ведь ты... ты...

— Не догоняю, Паркер. Ты знаешь меня не первый год и раньше никогда мне не поклонялся.

— Ты — бог...

Я прижала стаканчик к его губам и улыбнулась приставу:

— Наверное, уровень сахара в крови поднялся. Я ему, видите ли, дело раскрыла, и теперь вдруг стала «богом». — Для проформы я изобразила в воздухе кавычки.

В ответ пристав бросил мне в лицо очередное предупреждение. Одними бровями. Ну и выразительные же бровищи!

Паркер медленно сполз со стула на одно колено и опять склонил голову. Я подхватила его под мышки и усадила обратно.

— Прекращай, говорю, — скорее прошипела, а не прошептала я. — Я серьезно. Прекращай мне поклоняться. Иегова и так в бешенстве.

— Вызвала, — сообщила стенографистка. — Скорая уже едет.

Я начинала думать, что скорая Паркеру действительно нужна. Весь в поту, он тяжело дышал, а покрасневшее лицо уже приобрело оттенок фуксии. Как по мне, он находился где-то между панической атакой и сердечным приступом. Как бы то ни было, он просто обязан был успокоиться.

Я взяла его лицо в ладони, заставила посмотреть на меня и тихим тоном проговорила:

— Ник, успокойся.

И он тут же успокоился. словно какая-то сверхъестественная версия бальзама, с кончиков моих пальцев в кожу Паркера просочилось утешительное тепло. Короче говоря, это сработало. Он задышал медленнее и побледнел. Лишь на щеках остались румяные пятна.

— Кажется, с ним все в порядке, — сказала я присутствующим.

Паркер молча смотрел на меня, как будто не мог выдать ни слова. Приехала скорая. Шут-Нику выдали кислородную маску и поставили капельницу. Я шла за каталкой до самого фургона.

— Прости, Ник, — сказала я, когда его загрузили в машину. — Мне всего лишь нужны

новости о твоём информаторе. Мы не можем его найти.

Паркер снял маску.

— Моя жена беременна.

Надо же, как быстро!

С самым невинным на свете видом я подняла руки:

— Я тут ни при чем.

— Как мне тебя называть? — со всей серьезностью спросил Паркер.

— Чарли. Чарльз. Чак. Всевышняя богиня.

Шут-Ник даже не улыбнулся. Ну все, теряю хватку.

— Последний вариант был шуткой, Паркер. Я — Чарли. Просто Чарли.

— Ты никогда не была просто Чарли.

Гадство. Да что такого, черт возьми, я ему показала?

— Я... я понятия не имел...

Его заметно трясло, и ребятам из скорой явно не терпелось поскорее двинуть в больницу.

— Так что там с Грантом Герином?

— Не знаю. — Шут-Ник не лгал. — Но могу попробовать его найти.

Прежде чем спрыгнуть на землю, я сжала его ладонь.

— Спасибо.

— Никто ведь не знает, да?

Я опять повернулась к нему:

— Не знает чего?

— Того, что грядет. Никто не знает.

Паркеру уже измеряли давление, но я все равно подошла ближе.

— О чем ты говоришь? Что грядет?

Он был словно в тысяче километров отсюда. Моргнул и с трудом сосредоточился на мне:

— Ты.

— Мисс, нам пора.

— Я? Что ты имеешь в виду, Паркер?

— Мисс, — процедил медик, явно теряя терпение.

Выбора у меня не осталось. Разве что вырубить чувака дефибрилятором, который наверняка прикрутили к полу фургона болтами. Поэтому я замедлила время. Во-первых, чтобы выиграть еще несколько секунд, а во-вторых, чтобы заткнуть медика.

Словно в поставленном на паузу мультике, парень застыл. В воздухе висел рулон лейкопластыря, который он выронил, а его рука замерла под рулоном, уже готовясь его поймать.

Паркер ничего не заметил. Как не заметил и промчавшуюся мимо тень. Я оглянулась. У дверей в скорую стоял ангел. Тот самый, который сидел на капоте Развалюхи. Он заглянул в фургон, и огромные крылья закрыли солнце.

Я притворилась, будто не обращаю на него внимания, и повернула ладонь вниз к полу машины.

— Что ты имел в виду? — спросила я у Паркера, когда из-под пола прямо мне в ладонь ткнулась голова Артемиды.

Хранительница встала у меня за спиной и оскалилась на ангела. Я знала, что ее

проницательные глаза ничего не упустят. А если ангел попытается что-нибудь сделать, Артемида как минимум выиграет мне время. Хотя представить не могу, что он на самом деле может сделать.

Глаза Паркера наполнились слезами.

— Ты должна предупредить их, чтобы тебя не злили, — проговорил он полным печали голосом. — Тебя нельзя злить.

— Кого предупредить? Медиков? — уточнила я, кивнув на ребят из скорой.

— Нет. Всех. Всех и каждого. — Паркер укоризненно нахмурился. — Ты была голодна, как волк.

Тьфу, блин. Я как будто с Рокетом разговаривала — со своим гениальным другом, который умер в пятидесятых. Перед смертью его лечили электрошоком. Неужели я сделала то же самое с Паркером? Неужели поджарила ему мозги?

— Что ты видел, Паркер?

— Тебя. — Он коснулся моего лица. Назвать Шут-Ника ласковым и нежным типом язык не повернется, поэтому я капитально офонарела.

Время начало ускользать, но я успела за него ухватиться.

— Я видел тебя.

— Не понимаю.

— Ты ела слишком много, и теперь у тебя слишком много сил даже для тебя самой, пожирательница богов.

Неужели он видел воспоминания, которые я потеряла? Или Паркер видел будущее? Нет. Такого просто-напросто не может быть.

— Я видел, как семеро стали одним. Тринадцатым. Самым могущественным из всех. Ты поглотила их и стала... стала собой. И все ради него.

Артемида зарычала. Я обернулась и увидела, что у дверей по-прежнему стоит ангел. Голову он опустил и пристально смотрел на меня из-под густых ресниц. На поразительном лице не отражалось ни намёка на эмоции. Вот только к нам уже с криком возвращалось время. Больше удерживать его я не могла.

— Паркер, кончай уже загадками разговаривать. Что конкретно ты видел?

— Лед, — улыбнулся он и еле слышно рассмеялся. — Лед. Сначала в аду, а потом благодаря твоей бесконечной ярости — повсюду.

— В аду? То есть ты видел, как замерз ад? Буквально?

Однако было уже поздно. Время вернулось с оглушительным ревом. Паркер что-то сказал, но из-за грохота я ничего не услышала.

— Или едете с нами, или вылезайте, — сказал ничего не подозревающий медик. — Быстрее.

— Ладно.

Я спрыгнула на землю. Ангела уже не было. Артемида пошла за мной. Прежде чем закрылась дверь скорой, я успела крикнуть Паркеру:

— Грант Герин!

Ник кивнул и исчез в чреве фургона. А в моей голове крутились только три слова: «какого», «блин» и «черта».

***

По пути к педиатру, где миссис Фостер работала управляющей, я звякнула Куки.

— У тебя когда-нибудь бывало так, чтобы в какой-то ситуации ты ожидала одного, а происходило нечто совсем другое и застигало тебя врасплох? А ты даже и предположить не могла, что такое может произойти?

Кажется, это и есть определение «застигнуть врасплох».

— Бывало, конечно. Что случилось?

В красочных деталях я рассказала подруге обо всем. В том числе о том, как Паркер начал мне поклоняться прямо посреди перекрестного допроса, о том, что он знал, что я бог, и верил, будто я каким-то образом организовала беременность его жене. С последним, правда, он угадал. Через суперинформативный поцелуй мистическим образом передалось что-то такое, что помогло решить проблему Паркера. Что-то исцеляющее. Вот только я точно не собираюсь расхаживать по городу с транспарантом, что умею помогать парам обзавестись потомством. Придется переименовывать «Детективное агентство Дэвидсон» на «Клинику оплодотворения».

Я дала Куки время обдумать мои слова. Спустя несколько минут она спросила:

— Чарли, елки-палки, что ты сотворила с этим беднягой?

— Сама не знаю. — Все это укладывалось у меня в голове с тем же успехом, что и в голове у Куки. — Он назвал меня пожирательницей богов. Сказал, что видел, как семеро стали одним.

Артемиды решила прокатиться и сейчас сидела, высунув голову в закрытое окно. В мое, блин, закрытое окно. Пусть для всего мира она бестелесная и ни грамма не весит, но для меня вполне себе осязаемая и весит не меньше тонны. Вести машину, когда она сидела у меня на коленях, было все равно что пытаться лавировать в транспортном потоке в гипсе на всем теле. А это вряд ли безопасно.

— Ну ладно, давай все обдумаем. Значит, Паркер видел, как семеро стали одним. В этом можно найти логику. Ты же потомок семи изначальных богов из твоего измерения, верно? Когда боги слились, осталась только ты. Тринадцатая.

— Было дело, ага. Но я никакого отношения к их объединению не имею. Двое богов слились в одного, чтобы стать сильнее. И этот процесс продолжался до тех пор, пока не осталась только я.

— Говоришь, Паркер назвал тебя пожирательницей богов?

— Ну да. Что, черт возьми, вообще такое «пожирательница богов»?

— Понятия не имею, но звучит зловещенько.

— Я бы сказала претенциозно, ну да ладно. Слушай, я знаю, что делать! Надо позвонить Гаррету. Он ведь наша научно-исследовательская единица. Может, в своих бумажках он что-то такое находил.

Если посмотреть на Гаррета Своупса, последним, что придет на ум, будут научные изыскания. Он больше смахивает на смесь солдата спецназа со стриптизером. Но он действительно копается в книгах и документах, а значит, может что-то знать.

— Займусь этим сейчас же.

— С тобой все путем?

— Будет путем, как только ты выяснишь, что происходит с моим мужем.

Обожаю, когда Куки называет Дибби мужем. Что поделать? Я законченный романтик.

— Ты, случайно, не придумала, зачем мне понадобилась управляющая из офиса педиатра?

— Расскажи-ка мне, что ты знаешь о ксероксах.

***

— Ксероксы?

Старый добрый скучающий вид в исполнении девушки за столом показался мне чистым искусством. Она явно только-только закончила школу. Никто на свете не способен изображать скуку лучше, чем подростки. К сожалению, с возрастом мы теряем все тонкости собственного набора различных навыков. Это как утратить какой-нибудь древний язык или рецепт картофельного супа.

— Вы сказали «ксероксы»? — переспросила девушка, стараясь перекричать оглушительные крики рассерженного малыша.

Я боролась с демонами, злыми богами и даже с самим Люцифером, но никто на свете не пугает меня так, как сердитые двухлетние дети.

— Да. Мне бы поговорить с вашим управляющим и...

— У нас уже есть ксерокс, — перебила девица, лопнула пузырь из жвачки и опять устала в никуда.

Я налепила улыбку. Пластмассовую улыбку, которую пару недель назад нашла на распродаже в комиссионке.

— Ладно, но вряд ли у вас был шанс опробовать «Могучую малютку Эврику».

— Это же пылесос.

— Или CLS-550.

— А это «мерседес».

Вот гадство. А она молодец.

— Короче, управляющий на месте или нет?

Глубоко вздохнув, отчего уровень кислорода в приемной заметно упал, барышня гаркнула:

— Ева!

Я застыла, глядя, как миссис Фостер, она же похитительница Рейеса, выходит из-за угла. Рейес был прав на их счет. Шон был светлым с головы до ног, а у миссис Фостер оказались темные волосы и такие же глаза. На вид ей было пятьдесят с хвостиком. Короткие волосы она подкрутила и уложила в идеальную прическу. Отутюженный до хруста деловой костюм прекрасно сочетался с туфлями на широких каблуках. Она была так же похожа на похитительницу, как я, ну, на ангела смерти. Но едва ее взгляд остановился на мне, все эмоции внутри нее достигли критической отметки.

Резко остановившись, миссис Фостер несколько долгих секунд смотрела на меня, но потом взяла себя в руки и, подходя ближе, поинтересовалась:

— Чем могу помочь?

Неужели она в курсе, кто я такая? Шон ведь заметил меня у их дома. Может, она тоже заметила?

— Здравствуйте, — сказала я с той же пластмассовой улыбкой, которую продемонстрировала девице за столом. — Скажите, пожалуйста, довольны ли вы своим ксероксом?

Я пыталась распознать эмоции, которые атаковали ее нервную систему, но их было слишком много. Удивление. Паника. Подозрения. Недоверие. Но отчетливее всего ощущалось огромное любопытство, приправленное страхом. Короче говоря, эмоции по большей части она испытывала негативные.

— Как правило, продавцы не приезжают в рабочие часы. Как, вы сказали, вас зовут?

Я протянула руку:

— Баффи. Баффи Саммерс-с-с-солт¹⁰. — Мне точно надо перестать пересматривать Джосса Уидона.

— На кого вы работаете?

— На Малкольма Рейнольдса¹¹. Может быть, вы о нем слышали? Он владеет фирмой «Канцтовары Серенити».

Святое дерьмище на бульбуляторе! Обычно импровизирую я намного лучше. Это все из-за реакции Евы Фостер. Или она меня все-таки узнала, или... или что? Может ли она знать, кто я такая на самом деле? Но откуда? Шон увидел мой свет. Может, миссис Фостер тоже его видит? Может, у них это семейное? Но ведь Шон ей не родной сын. Ничего не понимаю.

А может, она как-то узнала, что Шон меня нанял. Да, это куда логичнее. Надо его предупредить.

— Что ж, наш ксерокс нас вполне устраивает. У вас есть визитка? На всякий случай.

— Конечно! — с энтузиазмом отозвалась я и даже кивнула в знак того, что визитка у меня наверняка имеется. Правда, где-то в другом месте. — Визитка есть. Только я ее в машине забыла.

— Тогда, может быть, оставите рекламный буклет?

— Буклет тоже есть, — опять кивнула я. — Но он тоже в машине. Похоже, сегодня я все на свете забываю. — Я постучала себя по голове, чтобы убедиться, что она все еще на месте, и нервно рассмеялась: — Ну вот, хоть голову не забыла.

За время разговора челюсть девицы из регистратуры потихоньку отвисала, пока не отвисла окончательно чуть ли не до самого стола. А если учесть, что с одной стороны подбородку стекала слюна, то я была с ней солидарна на все сто. Наверняка я выглядела точно так же. Как круглая идиотка. Причем из тех, что несут полную околесицу.

— Придумала! Давайте я схожу за рекламным пакетом с особым предложением и сразу же вернусь.

Миссис Фостер наклонила голову, как будто согласно кивнула, но мне она почему-то напомнила утку, которая плывет по воде. Сверху утка вся такая спокойная и умиротворенная, а вот под водой с дикой скоростью перебирает перепончатыми лапками. Так и миссис Фостер снаружи казалась просто воплощением спокойствия, зато внутри у нее бушевала натуральная гроза.

Я сорвалась с места, пока не испоганила все окончательно. Да уж. С хитростью у меня определенно беда. Оставалось лишь надеяться, что миссис Фостер не сумеет соединить все точки и не увидит полную картинку. В конце концов, Шон сам ко мне пришел. Его якобы мать не может ничего знать, если он сам ей все не рассказал. Я скрестила пальцы на случай, если это действительно может волшебным образом принести кому-нибудь удачу.

Однако на выходе из лифта мне представился шанс во всех подробностях рассмотреть выражение лица моего мужа. Все ясно. Удача мне сегодня не светит.

Многие живы только потому, что у меня слишком сильно сыплются волосы, чтобы не оставлять следов на месте преступления.

Мем

Выйдя из лифта на крытую стоянку, я так и застыла, заметив собственного мужа у бетонной колонны метрах в пятнадцати от меня. Он всего лишь бросил в мою сторону короткий взгляд, но я ощутила гнев прямо оттуда, где стояла. В последнее время мне сложно четко прочесть эмоции Рейеса, потому что они постоянно сплетены в тугой комок, но не распознать пульсирующую ярость было невозможно.

Рейес злился из-за того, что я все-таки взялась за расследование. Что ж, придется ему смириться. Я задрала нос, направилась к Развалюхе и только сейчас заметила, кого именно Рейес испепеляет взглядом. Даже слегка расслабилась. Совсем капельку. Муж стоял между мной и ангелом.

Я уже думала подойти к Рейесу, но он покачал головой и тихо велел:

— Уходи.

Мне дважды повторять не надо.

Я поскакала к своему вишневому джипу, а когда забралась внутрь, уткнулась лбом в руль. Что, черт возьми, случилось в офисе педиатра? Обычно в напряженных ситуациях я спокойна как танк. Баффи Саммерсолт, елки-палки? Если я подвергла опасности своего клиента, то никогда себя не прощу. Визит Шона должен оставаться строго конфиденциальным. Мало что может требовать большей деликатности, чем попытки выяснить, являются ли твои собственные родители похитителями детей. Что они сделают, узнав, что Шону все известно?

Я снова глянула на Рейеса, вот только он смотрел уже не на ангела, а на миссис Фостер, которая выскочила из боковой двери и помчалась к золотистому «приусу». Движения ее были торопливыми, а на лице застыла маска беспокойства.

— Куда же ты так спешишь? — спросила я, ни к кому конкретно не обращаясь.

Вставив ключ в замок зажигания, я уже собиралась надавить на газ и отправиться следом за похитительницей, как вдруг в окно постучали. Сердце подскочило к горлу. Я повернулась и увидела, как девица из приемной жестом просит опустить стекло.

— Привет, — пролепетала я, заметив сурово поджатые губы.

— Вы расстроили Еву, — заявила барышня.

— Есть такое дело. — Задние фары «приуса» исчезли за углом. — Прошу прощения.

— Вы же не продаете никакие ксероксы, верно?

— Еще как продаю. Где-то тут у меня даже визитка есть...

Я осмотрелась в салоне Развалюхи и сделала вид, будто не замечаю своего ухмыляющегося тринадцатилетнего детектива на пассажирском месте. Как только нарисовался Ангел, на заднем сиденье возникла поскуливающая от восторга Артемида, чей купированный хвостик мотался из стороны в сторону со скоростью света.

Я ее понимаю. Иногда у меня такая же реакция на Рейеса.

Ангел потянулся назад, почесал Артемиду за ушами, а потом кивнул в сторону настоящего ангела:

— Какого фи́га столько ангелов понаехало?

— Что ж, — пробормотала барышня, — ясно. Извините.

Она отвернулась, чтобы уйти, а я поняла, что вот-вот потеряю важную ниточку. Почему-то девушка из приемной не обрадовалась тому, что поймала меня на лжи, а забеспокоилась, словно от дурных предчувствий.

— Подождите, — остановила я ее. — Я действительно не занимаюсь продажей ксероксов.

На этом я замолчала. Если ей есть что сказать, она скажет. Если нет...

— А она ничего, — заметил Ангел.

— Тогда зачем вы приехали?

— Хотела разведать обстановку. Ну, на случай, если мне понадобится педиатр.

Я опустила голову, стараясь не заикливаться на том, что мне и правда понадобился бы педиатр, если бы я не отдала свою дочь. Зато сейчас ей ничего не угрожает. И это стало моей мантрой. Пип в безопасности. Не то, что рядом со мной.

— Ты ее обязательно вернешь, — проговорил Ангел.

Одной рукой я держалась за рычаг переключения передач. Ангел положил сверху ладонь, и я переплела наши пальцы.

— А знаешь, мы ведь можем пообжиматься, а эта барышня даже не заметит.

Я закатила глаза и подняла указательный палец так, чтобы видела девушка.

— Одну минуточку.

Потом достала из сумки телефон, чтобы притвориться, будто мне кто-то позвонил. Только для начала нужно было подготовить почву.

— Алло! Да. Ага... Ага... Ага...

— До конца дня будешь этой ерундой заниматься? — поинтересовался Ангел.

Я злобно оскалилась и продолжила:

— Серьезно? Быть не может! Ага... Ага...

Ангел рассмеялся и стал медленно наклоняться, будто собирался меня поцеловать. Гаденыш.

— Ты в курсе, что мой муж меньше чем в пятнадцати метрах отсюда?

К тому же, сейчас пристально смотрел на нас прищуренными глазами.

Ангел фыркнул и наклонился еще ближе:

— Я твоего мужа не боюсь.

Долю секунды спустя рука образовавшегося в машине Рейеса обвилась вокруг горла Ангела в удушающем захвате, из которого невозможно выбраться, и Ангел сдавленно прохрипел:

— Почти. Я почти его не боюсь.

Отчаянно желая поиграть, на них набросилась Артемида. Ангел усмехнулся, нырнул под рукой Рейеса и упал на заднее сиденье, чтобы побороться с ротвейлершей. Слава богу, о законах физики речи не шло. Ни за какие коврижки эти трое не поместились бы в машине, будь они в материальном виде.

— Разве ты не должен приглядывать за Дибби? — спросила я у Ангела.

— Я и приглядывал. С ним все путем. Сейчас смена Своупса.

Гаррету Своупсу я бы доверила собственную жизнь, поэтому знала, что дядя Боб в

хороших руках.

Ангел взвыл, видимо, прося о помощи, но я не обратила на него внимания.

— Прошу прощения, — сказала я барышне из приемной педиатра и прикинулась, будто закончила говорить по телефону.

— Все в порядке.

На пассажирском сиденье возник Рейес, который по-прежнему находился в сверхъестественном измерении, иначе девицу бы ждал капитальный шок.

Она поковыряла носком пол стоянки.

— Что ж, не буду вас больше задерживать. Я сегодня раньше закончила, поэтому...

— Миссис Фостер тоже ушла пораньше? — спросила я, кивнув в сторону выезда.

— Наверное, — пожала плечами барышня.

— Вы, случайно, не знаете, куда она поехала?

Девушка подозрительно сощурилась:

— А почему вы спрашиваете?

— Просто так.

Мне врезали по затылку то ли лапой, то ли ногой, поэтому пришлось покашлять, чтобы внезапный рывок к рулю не выглядел совсем уж нелепо. Рейес бросил за плечо красноречивый взгляд.

— Но если бы у меня все-таки была причина задавать вопросы, вы бы хотели чем-нибудь со мной поделиться?

— Брось это дело, — процедил Рейес.

Однако моим вниманием целиком и полностью завладела реакция девушки. Ее обдало печалью. Она глянула вниз и глубоко затянулась электронной сигаретой.

— Да нечем, в общем-то, делиться. Просто я подумала, вдруг вы ведете какое-то расследование. Типа как под прикрытием.

Неужели она знает, чем я зарабатываю на хлеб? О таком даже думать странно.

— С чего вдруг мне работать под прикрытием?

Барышня снова пожала плечами:

— Здесь как-то велось расследование, но на том все и закончилось.

— Серьезно?

Ее слова я едва различала из-за криков Ангела. Видимо, Артемида собралась отгрызть ему кусок горла.

— Я не шучу, Датч, — сказал Рейес и наклонился к самому моему уху. — Брось это чертово дело.

Поворачиваясь лицом к мужу, я изо всех сил старалась выглядеть невинно, словно просто-напросто оглядываюсь по сторонам.

В его глазах сияла смесь любопытства и ярости. Выражение лица было суровым. Чувственные губы плотно сжались. Я посмотрела на них и шепотом задала единственный вопрос, на который Рейес точно не ответит:

— Почему?

Он отстранился и отвернулся от меня. На челюстях заиграли желваки. Положив локоть на окно, Рейес задумчиво прикрыл ладонью рот.

Несколько дней назад мы договорились больше не хранить друг от друга секреты. Никогда. Даже забавно, что договор действовал так недолго.

— Будь вы под прикрытием, — продолжала барышня, — знали бы о ксероксах намного

больше. Вся информация от зубов бы отскакивала, и вы бы не выглядели так, будто работаете под прикрытием.

— Ясненько. — Я опять подняла указательный палец и повернулась к ней. — А может быть, все это часть моего великолепнейшего плана. Может быть, я заявила с мизерными знаниями о ксероксах только для того, чтобы, так сказать, усыпить вашу бдительность. Если бы я знала слишком много... — Ну ладно, даже я слышала, как глупо это звучит. — Забудьте. Как вас, кстати, зовут?

— Тиана.

— Тиана, значит. Шикарное имя.

Она опять пожала плечами и молча поблагодарила за комплимент кивком.

— Мы с тобой можем где-нибудь поговорить?

Пока Тиана обдумывала мое предложение, я изо всех сил игнорировала мольбы Ангела о помощи и внезапное превращение моего мужа в дракона домашнего типа. Слава богу, Ангел больше хохотал, чем кричал от боли. А вот ошибочное убеждение Рейеса в том, что я выполню смехотворный приказ, вызывало эмоции из серой, малоизученной области. Где-то между умилительным восторгом и желанием кого-нибудь убить.

Наконец Тиана кивнула:

— Хорошо, только где-нибудь подальше отсюда.

***

Предположить, что у Тианы паранойя, было бы серьезным преуменьшением, не будь у нее веской причины. Мы обосновались в ресторанчике под названием «Пивоварня «Черепашья гора»». Сам ресторанчик находился аж в Рио-Ранчо, то бишь в двадцати минутах езды от офиса педиатра.

Едва я завела Развалюху, Рейес, чей жар обжигал кожу и не давал ей остыть всю дорогу, испарился. Двух других пассажиров я потеряла, когда мчалась по федеральному шоссе Пасео-дель-Норте со скоростью сто двадцать километров в час. Артемида прыжком вышибла Ангела из машины, и они кубарем покатались по асфальту. Я съежилась, увидев, как в них врезалась какая-то тачка. Точнее проехала сквозь них. Однако парочка была так занята воссозданием битвы при Геттисберге, что, слава богу, ничего и не заметила.

Чувство утраты от потери пассажиров на мой аппетит никак не повлияло. С огромным удовольствием я наслаждалась уникальной и вкуснейшей пиццей с зеленым чили, которая в меню называлась «Чимайо». Возникло горячее желание жениться на пицце и родить от нее детей, но официант сказал, что пицца уже помолвлена. Вот ведь гадство!

И все же мои шуточки слегка ослабили напряжение, крутившееся в желудке у Тианы. Она уплетала сэндвич под названием «Солнечная гора», который выглядел так аппетитно, что пришлось изо всех сил бороться с желанием попросить попробовать этот шедевр. Нужно хотя бы дождаться, когда мы с Тианой познакомимся поближе. Я дала себе десять минут.

— Нет-нет, вы не поняли. Такое на каждом шагу не встретишь, — объясняла барышня, поскольку мы, само собой, обсуждали ее коллегу. — Даже не знаю, как сказать. Видите ли, Ева с мужем... ну, они вроде как суперрелигиозные.

— Религиозные?

— Ага, только не такие, как обычные религиозные люди. Они скорее фанатики. Оба верят, что несут здесь какое-то предназначение.

— Здесь — это где?

— На Земле. Якобы Бог послал их сюда, чтобы... — Тиана рассмеялась, словно от одной только мысли ей было неловко. — Даже сказать это спокойно не могу. В общем, они считают, что Бог послал их сюда бороться со злом.

— Ясенько, — ошарашенно пробормотала я. — Что ж, приятно знать, что кто-то играет на нашей стороне.

Тиана выдохнула, будто одновременно с облегчением испытывала намеки на веселье. Наверное, ей было приятно хоть с кем-нибудь поговорить о своих подозрениях.

— Ты, видимо, не принимаешь их за хороших ребят, да?

— По-моему, они считают себя хорошими, вот только идут неправильной дорогой. Странно, что доктор Шваб еще не уволил Еву. Особенно после последней катастрофы.

Тут я вся подобралась и подалась ближе, подбадривая Тиану продолжать.

Она тоже наклонилась ко мне:

— Ева сказала одной из матерей, что ее сын — чистое зло. Велела ей быть внимательной и искать знаки зверя.

Я пришибленно застыла, не зная, смеяться мне или встревожиться на всю катушку.

— Зверя? Кто в своем уме скажет такое матери?

— А я о чем? Ева чокнутая. Заявила мамаше, что ее ребенка окружает тьма.

Тьма? Неужели Ева Фостер действительно видит сверхъестественную реальность?

— И все это она высказала у педиатра?

— Нет, — покачала головой Тиана и отпила воды. — И только поэтому ее еще не уволили. Напрямую она с пациентами не работает. Только если нужно связаться с ними по поводу счетов или страховки. Ева говорила, что якобы совершенно случайно наткнулась на ту женщину в продуктовом в Саут-Вэлли. А это вообще в другом конце города и от работы, и от дома Фостеров. Зачем, спрашивается, ей ехать за молоком через весь город?

— Хороший вопрос. И что сказал врач?

— Ну, в той ситуации было слово Евы против слова матери. Ева, естественно, все отрицала. Но зачем той женщине выдумывать такой бред?

— Согласна. А имя женщины я никак узнать не могу?

Я и подумать не могла, что Тиана окажется таким профессионалом. Она покачала головой, хотя и с заметным сожалением:

— Извините. У нас на этот счет очень строгие правила.

Она нравилась мне все больше и больше. У барышни вагон этических принципов, а я руками и ногами за все этическое.

Хотя нет, минуточку. Я за эпическое. У меня эпическая задница, эпические ботинки и эпические наряды, правда, только под мухой. Итого, у меня полно всего эпического.

— Понимаю.

К тому же, если мне понадобится такого рода информация, я обращусь к дяде Бобу, и он мне все достанет. Вот только мне не хотелось доставлять бедной женщине еще больше беспокойства. И уж точно не хотелось втягивать Тиану в неприятности и подставлять ее на работе под подозрения.

— Все, что ты мне рассказала, конечно, тревожит, но чую, есть что-то еще.

Тиана отложила вилку и поерзала.

— Был еще один случай. Приезжали копы, но никакой связи, видимо, так и не нашли.

— О какой связи речь?

— Вот почему я подумала, что вы могли быть под прикрытием. Ну, знаете, если

расследование все еще ведется. Но, похоже, я ошиблась.

— Послушай, — сказала я ей, — я не могу рассказать все сразу, но обещаю: если я найду хоть что-нибудь, что докажет причастность миссис Фостер к какому-либо преступлению, то сразу же обращусь к своим связям в полиции. А этих связей у меня тонна.

Тонна — это, само собой, один-единственный дядя Боб, но кто-нибудь может сказать, что весит он целую тонну.

Впрочем, не такой уж он большой. Да и начал, кажется, худеть. Причем не самым здоровым образом.

— После того случая Ева вроде как перестала напирать на свою религиозность. По крайней мере на работе. Скорее всего доктор Шваб велел ей не поднимать больше эту тему. Но когда пришла та женщина со своими двумя детьми... Такая дичь произошла! От одного взгляда на детей у Евы была странная реакция. Как будто вся кровь отлила от лица. Она побледнела как полотно. А потом так зыркнула на женщину! Если бы взглядом можно было убить...

Ну ладно. Даже если у ребенка и имелась темная аура, зачем на мать-то так смотреть?

— Она тебе что-нибудь об этом говорила?

— Нет. Святая Ева не шибко мне доверяет.

— Святая Ева? — усмехнулась я.

— Так мы ее на работе прозвали за все это ханжеское дерьмо. И муж у нее точь-в-точь как она.

Любопытненько.

— Так что нет, мне она ничего не говорила. Я вроде как подслушала ее с мужем разговор по телефону.

— Отлично. И что там было?

— Ева ему сказала, что к доктору пришла девочка с мамой и младшим братом. И что девочка была отмечена.

Я застыла, тяжело сглотнула, а потом спросила самым беззаботным на свете тоном:

— Что значит «отмечена»?

— Понятия не имею, — пожала плечами Тиана. — Я бы и не думала об этом, если бы не... — Она покачала головой и глотнула еще воды. — Не важно. Это чушь.

— Нет-нет, Тиана! Расскажи мне, пожалуйста, что произошло?

— Ну, прозвучит дико, конечно, потому что вряд ли одно связано с другим...

— Всякое бывает.

— В общем, вечером в тот же день девочка исчезла.

Шок я прикрыла тем, что стала задумчиво вытирать руки салфеткой.

— Об этом в новостях говорили по всем каналам. Месяца два назад.

Месяца два назад я варилась в собственном соку, отсиживаясь в монастыре, и много чего пропустила.

— Девочку нашли?

Тиана покачала головой:

— Нет, все еще ищут. Сама я не могу вам сказать, как ее зовут, но все и так уже знают.

Достав сотовый, она загрузила какую-то страницу в интернете, положила телефон на стол и отвернулась. Вот ведь молодчина! Никто никогда в жизни не докажет, что она хоть что-то мне рассказала.

Я наклонилась и прочла заголовок страницы: «Найдите Дон». Сайт был открыт

друзьями семьи, которые предлагали награду за любую информацию о местонахождении трехлетней Дон Брукс. Каштановые волосы. Голубые глаза. Невероятной красоты ребенок.

Надо будет спросить у дяди Боба, что ему известно об этом деле.

Экран потемнел, и Тиана забрала телефон.

— Пару недель назад мать приходила с сыном, младшим братом Дон, на осмотр. Выглядела, как тень самой себя. Совсем не такая, какой я видела ее впервые. — Глаза Тианы наполнились слезами. — Расплакалась прямо в кабинете у доктора Шваба. Кажется, ей очень плохо.

У меня в груди сдавило.

— Могу представить.

Я-то хоть знаю, где моя дочь. Знаю, что с ней все в порядке. О ней заботятся, окружают любовью. А эта бедная женщина понятия не имеет, где ее ребенок. По статистике, дети, которых так долго ищут, и которых не увез один из родителей, живущих раздельно, домой живыми не возвращаются.

— Думаешь, миссис Фостер как-то связана с исчезновением Дон?

— Я понимаю, как это выглядит со стороны, — поникла Тиана. — Правда, понимаю. Просто мне это показалось необычным. Вообще все это. Мать приходит с детьми, чтобы пройти с сыном ежемесячный осмотр, и тут такие странности! Ева бледнеет, словно ее что-то перепугало, мчится в уборную и звонит оттуда мужу. Потом выдумывает какие-то оправдания, чтобы уйти с работы пораньше, в тот же вечер девочку похищают прямо из дома, а Ева до конца недели на больничном.

— Она взяла больничный?

— Четыре дня на работе пропустила. — Тиана склонила голову, словно ей стало стыдно. — Знаю, это все за уши притянуто, но что-то тут было не так. Вот я и... позвонила в полицию. Точнее попросила позвонить двоюродного брата Элиаса. Он разговаривал с детективом, ведущим дело. Я боялась, что разговор запишут, кто-то может раздобыть запись и узнать, что звонила я. Тогда мне грозили бы серьезные проблемы.

— Ничего подобного, Тиана. Ты ведь могла предотвратить опасность или даже сообщить о преступлении. Поэтому не нужно чувствовать себя виноватой.

— Может, и так, вот только ничего толкового не вышло. Ева с мужем заявили, что сидели дома и смотрели какой-то фильм. Их сын все подтвердил.

Меня будто током ударило, а следом за ним пришли ужас и подозрения.

— Сын, говоришь?

— Ну да. Он, кажется, с ними живет. Учится в аспирантуре или что-то типа того. Очень симпатичный. Я его видела однажды, когда он заехал за Евой, чтобы вместе пообедать.

— Высокий блондин?

— Он самый. Шон Фостер.

— Обещаю, Тиана, я этим займусь.

Если миссис Фостер все еще потакает своим похитительским капризам, я хочу первой об этом узнать. Однако больше всего в этой истории меня поразило уклон в сверхъестественное. Неужели Ева Фостер видит ауры? Могла ли она увидеть мой свет? Или тьму Рейеса, когда он был маленьким?

Учитывая все, что я знала к текущему моменту, существовала серьезная вероятность, что именно из-за этой тьмы Фостеры и похитили Рейеса. Это бы объясняло (в некоторой степени), почему он не хотел, чтобы я бралась за расследование. Рейес становится очень

восприимчивым, когда поднимается тема о сыне Сатаны.

— Кстати, — я кивнула на сэндвич Тианы, — доедать будешь?

***

Я подумывала прогулять занятия по менеджменту, но эти навыки мне позарез нужны, если я все-таки планирую управлять миром. Однако время еще оставалось, а логово Оша находилось практически в двух шагах. Поэтому я решила нанести ему визит.

Ош — даэва, демон-раб, сбежавший из ада тем же макаром, каким сбежал оттуда и Рейес. Только Рейесу помогла карта. Татуировки у него на спине и плечах на самом деле складываются в карту вечной пустоши, которая лежит между адом и нашим миром. Ош прошел по пустоши только благодаря инстинктам и хитрости. Что тут скажешь? Бывают умные демоны.

Оша я не видела с того самого дня, когда заставила его проглотить мою душу, чтобы незаметно подобраться к злому богу и не светить при этом яркой задницей на всю округу.

И все же проглотить ауру бога в один присест даже для даэвы — смертельное мероприятие. Бога я все-таки поймала в ловушку и успела вернуться до того, как Оша разорвало от проглоченной энергии, но у подобного испытания не могло не быть последствий.

Свет в доме не горел. Пока я чуть не разложила внутренности Оша на составляющие собственной энергией, он, как и другие, посменно сидел на хвосте у моего угрюмого дядюшки, чтобы Грант Герин его не укокошил. Но после того инцидента Ош залег на дно.

Я тихонько постучала, выждала целых три секунды, а потом вошла в дом. Дверь Ош никогда не запирает на случай, если вдруг объявятся воры. Когда мы познакомились, я разрешила ему питаться душами тех, кто своей души не заслуживает. Правда, я имела в виду убийц, насильников и педофилов. С другой стороны, если у кого-то хватит наглости влезть в чужой дом, пусть этот кто-то готовится к любым последствиям.

У Оша симпатичный домик с двумя спальнями в традиционном для Санта-Фе стиле. Повсюду приглушенные цвета и теплые оттенки. Сегодня в доме царил темнота. Пришлось достать телефон и врубить фонарик.

Я чуть до потолка не подпрыгнула, когда услышала голос из темного угла:

— Ты не вор.

Повернувшись, я увидела сидящего в кресле Оша. Точнее его тень.

— Еще какой вор. В семь лет я стащила из супермаркета упаковку жележных конфет.

— Значит, мне можно отведать твоей души?

Ош сидел в кресле, раздвинув колени и положив руки на подлокотники. Когда я осветила на него фонариком, он сощурился и нахмурился.

Я подошла ближе и включила лампу возле кресла. Теперь Ош смерил меня мрачным взглядом.

— По-моему, мы это уже проходили. — Я уселась на диван. — Ты чуть не взорвался. Слава богу, ничего такого не случилось. Мы бы никогда в жизни не отмыли твои ошметки с ковра Гаррета.

Ош рискнул очаровать меня кривой ухмылочкой:

— Я сказал отведать, а не проглотить одним ядерным куском.

Что ж, у него получилось.

Ошу, которого в сверхъестественном мире знают под именем Ошекиэль, на вид не дашь

больше девятнадцати по человеческим меркам, но на самом деле он существует не одно столетие. Время в аду течет иначе, поэтому трудно точно определить, сколько ему лет. Но благодаря бледной коже, иссиня-черным волосам до плеч и сияющим бронзовым глазам Ош пользуется бешеной популярностью у людей всех возрастов.

Уже пару месяцев я знаю, что он сыграет важную роль в грядущих событиях. Знаю, что он будет на стороне моей дочери. И что она будет его любить. Но еще я знаю, что его создали и вырастили в аду, и все равно доверяю ему целиком и полностью. Ош полюбит Пип и будет готов отдать за нее жизнь. Однако в пророчествах, предсказавших испытания, которые выпадут на долю Пип, говорилось и о том, что существует некто, кто либо приведет ее к победе, либо станет причиной ее поражения.

Я думаю, что этот «некто» и есть Ош, хотя знать наверняка никак не могу. Я заглянула за завесу, но почти все, что увидела, было туманно и размыто. И ничто из увиденного не высечено в камне. Все может измениться. Если Люцифер победит, если найдет Пип и убьет до того, как она выполнит свое предназначение, его будет невозможно остановить.

Не знаю почему, но в моих видениях нас с Рейесом не было. Или мы умрем к тому моменту, как Пип станет достаточно взрослой для битвы, или не сможем ей помогать, что опять приводит к выводу о смерти. Потому как, кроме смерти, ничто на свете не сможет помешать мне помочь дочери в трудную минуту.

И все же Пип будет любить Оша. Всем сердцем. И ее любовь будет взаимной.

Во всех культурах мира есть мифы и истории о детях, которых обещали отдать в королевские семьи, неземным созданиям или даже жутким монстрам, но представить, что такое случится по-настоящему, на самом деле, довольно сложно. Это как-то... сюрреалистично и тревожно.

— Опять ты так на меня смотришь.

— Как — так? — уточнила я.

— Как будто пытаешься меня раскусить.

— Извини. Я только хотела убедиться, что с тобой все в порядке.

— Я проглотил бога и выжил. Теперь могу травить героические байки. Все хорошо.

Ош все так же сидел и еще ни разу не пошевелился, но пристальный взгляд ничего не упускал. Трещины на коже, из которых сочилась моя энергия, практически затянулись. Лишь на лице и шее остались едва заметные красноватые следы. На Оше были джинсы и черная футболка с длинными рукавами, поэтому я не видела, есть ли у него еще шрамы.

— Почему ты сидишь тут в темноте?

— Я ждал, но ты их спугнула.

Забеспокоившись, я села ровнее.

— Кого их? Кого ты ждал?

— У дома сидели в засаде двое мужчин. Пришлось все тщательно продумать, чтобы они решили, будто меня не будет всю ночь. Когда ты подъехала, они как раз собирались вломиться.

— Только не говори, что ты уже проголодался, — поддразнила я. — Меня, что ли, мало было?

— Я же говорил: на тебе я могу жить хоть целую вечность. Но иногда охота перекусить.

— С тобой и правда все путем?

Ош долго не отвечал, а когда заговорил, его слова к моему вопросу не имели ровным счетом никакого отношения.

— Зачем ты приехала?

— Я же сказала. Хотела узнать, как у тебя дела.

— Чувство вины тебе не идет.

Я уставилась в пол.

— Мне так жаль, Ош! Из-за меня ты чуть не погиб.

Он наклонился вперед и взял меня за подбородок.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты сделала то, что было необходимо. То, чего я от тебя никак не ожидал. Когда-нибудь я перестану тебя недооценивать.

— В общем, с одним противным богом мы разобрались. На очереди еще один. Есть предложения?

— Только одно. Вряд ли я смогу еще раз тебя проглотить и выжить, чтобы по-прежнему защищать свой титул короля покера на раздевание.

— Я бы никогда так с тобой не поступила. — Ош бросил на меня недоверчивый взгляд, и я поспешно добавила: — Опять.

— Тогда ты проиграешь. — Он сказал это так беспечно, что у меня поползли вверх брови. — Если ты не захочешь принимать трудные решения, не захочешь никем жертвовать, то проиграешь, а твоя дочь умрет раньше, чем сможет понять в полной мере, какой тряпкой была ее мать. Хотя, наверное, это даже к лучшему.

— То есть только потому, что я не хочу приносить тебя в жертву...

— Не только меня, а кого угодно.

— ... мы автоматически проиграем?

Ош встал и провел рукой по волосам.

— Этот бог, Эйдолон, играет не по тем же правилам, что и ты. Шансы на то, что ты упрячешь в стекло очередного бога... скажем так, не в твою пользу.

Я молчала, и Ош решил сменить тему:

— Как дела у твоего дяди?

— Ему по-прежнему дорога в ад.

— Почему? — Ош опять сел и с любопытством уставился на меня.

— То есть как это — почему? Рейес это видел. Дибби совершил убийство, и не одно. Оказывается, не важно, что убитые были ужасными людьми и планировали увезти меня к своему боссу, чтобы тот, в свою очередь, меня съел. Дядя Боб принял осознанное решение. Выследил этих гадов, отнял у них жизни и автоматически обеспечил себе вечные муки.

Говоря все это, я сама слышала, как бредово звучат мои слова. Разве это справедливо? Почему из-за благих намерений дядя Боб должен отправиться в ад? Однажды Рейес мне объяснял. Сказал, что Дибби осознанно отнял у людей жизни, когда имелись другие варианты. Что это была не самозащита, а заранее спланированный поступок. И все-таки...

Когда мы с Иеговой наконец-то увидимся, нам предстоит серьезный разговор.

— Все это я и так знаю, — сказал Ош. — Просто интересно почему. Пива хочешь?

Он встал и по пути в кухню включил пару лампочек. Я двинулась следом.

— В смысле — почему? Я ведь только что ответила.

— Ладно.

Взяв бутылку, Ош открутил крышку.

— Нет, блин, не ладно. Что ты имеешь в виду под этим своим «почему»?

В конце концов он усмехнулся, а у меня возникло ощущение, что надо мной подшутили.

Вот только я понятия не имела, в чем именно заключалась шутка.

— Я думал, раз уж ты жнец, то хоть что-то сделаешь.

— Сделаю с чем?

— С приговором твоему дяде отправиться ко мне на родину.

Вернувшись обратно в гостиную, Ош взял пульт от телевизора, который я сочла своим долгом отобрать.

— Ош, елки-палки, последний раз спрашиваю: что ты имеешь в виду? Выкладывай, или я расплавию твой пульт своим... своим... своим огнем!

Совершенно не впечатленный, Ош слегка приподнял брови.

— Туговато до тебя доходит, да?

— Ну все.

Я сосредоточила всю свою энергию на пульте и...

— Ладно-ладно! — подскочил Ош и забрал у меня пульт. — Остынь. Я лишь говорю, что ты чертов жнец. Вот возьми и сделай свое дело. Сними метку.

Он сел и включил телик, а я стояла и варилась в океане замешательства.

Я так и не посторонилась, поэтому Ош как ни в чем не бывало наклонился вбок.

— А я это могу? — спросила я наконец.

— Само собой. Разве не в этом состоит твоя работа? По крайней мере отчасти.

Я опять уселась на диван.

— Я ведь даже не знала, что на нем стоит какая-то метка.

— Ты просто не смотрела. Она ясная, как божий день. Хочешь «Баффи» посмотреть?

— Ты еще спрашиваешь? — Я уже начала поглубже вклиниваться в подушки, как вдруг вспомнила: — Вот дерьмо, не могу. Иначе опоздаю на занятия.

— Куда опоздаешь?

— Я записалась на занятия по менеджменту, чтобы научиться управлять миром. Ну, с точки зрения налогообложения.

Сама я не очень понимала, каким боком налогообложение применимо к мировому господству, но произносить это вслух обожала. Так я выглядела гораздо умнее.

— Понятно. Тогда уноси отсюда свою задницу. Может быть, мне еще удастся спасти себе вечер и перекусить парочкой воришек.

— Ош, — я взяла его за руку, а он в ответ подозрительно уставился на меня. — Ты злишься на меня за то, что я тебя чуть не убила?

Он смерил меня взглядом, полным симпатии, любопытства и юмора (в основном, конечно, юмора), и я согрелась с ног до головы.

— Нет, сладкая. Напротив, для меня большая честь, что ты такого высокого обо мне мнения, чтобы доверить мне свой свет.

— А еще ты единственный, кто смог бы такое выдержать.

— Тоже верно, — ухмыльнулся Ош.

Я подумала обо всем, что еще могу ему доверить. Мою дочь, будущее всего мира, мою дочь. В основном, конечно, я думала о дочери.

— Я даже хотел толкнуть его на «Бэй», — добавил Ош, — но представить не мог, как отправить покупателю полную коробку всемогущего света.

Я рассмеялась и, прежде чем уйти, наклонилась и чмокнула его в щеку. Уже когда я была в дверях, Ош крикнул:

— Кстати, хотел спросить. Откуда в городе столько ангелов?

Заказала себе тревожный браслет жизни.

Если вдруг у меня появится жизнь, меня сразу же заметят.

Наклейка на бампер

По пути на занятия я звякнула Дибби. Тысячу раз уже хотела рассказать ему о неминуемой гибели, но не знала как. Не знала, что именно говорить, с чего начать. Ему стопроцентно захочется выяснить, откуда нам все известно. И что тогда? Мне придется выложить как на духу про путешествие в Люциферленд. Но как?!

Дядя Боб ответил после первого же гудка:

— Привет, милая.

— И тебе привет. Я тут интересуюсь, можно ли как-нибудь узнать, кто расследовал похищение Дон Брукс. И можешь ли ты мне достать все, что есть у полиции по этому делу.

— Посмотрим. Чем ты занята?

— Прямо сейчас?

— Да.

— Еду на занятия.

— На какие еще занятия?

Почему все так удивляются, что я хожу на какие-то занятия?!

— Я решила научиться плясать экзотические танцы.

— Звучит неплохо. Можешь оказать мне услугу?

— Все, что твоей душе угодно.

— Может, посидишь дома пару-тройку дней?

Не меньше минуты я ждала, пока мне дадут хоть какие-то объяснения. Дибби молчал, поэтому пришлось полубопытствовать:

— Объяснишься, или как?

— Ну, сама знаешь. В последнее время в городе полно шизанутых.

Просто удивительнейшая чушь!

— И это все, что ты смог придумать?

— Пока что да.

— Ну, тогда нет.

— Я могу заставить тебя сидеть дома.

Слава богу, я подъехала к светофору и остановилась на красный, потому что от слов Дибби меня буквально пришибло.

— В смысле?

— В смысле я бы хотел, чтобы ты пару дней не высывалась на улицу.

— Я еду на занятия.

— Прогуляй.

— Нет.

— Я настаиваю.

— А я категорически воздерживаюсь.

— По-моему, ты не понимаешь значения этого слова.

— Дядя Боб...

— Я могу и приказать.

— С тем же успехом ты можешь приказать долго жить. И гроб застолбить не забудь.

— Я серьезно, Чарли.

— Предлагаю из красного дерева.

Тачка сзади посигналила, и я наконец увидела, что светофор загорелся зеленым. Свернув на ближайшую стоянку возле Университета Нью-Мексико, я остановила Развалюху.

— Дядя Боб, пока ты не озвучишь мне хоть одну вескую причину...

— Я тебя арестую. Достаточно веско?

Ничего себе! Куки была права насчет его настроения и поведения. Но какого, чтоб его разорвало, черта?

— Сделаю вид, будто не слышала, как ты мне угрожаешь.

— Одно мое слово, и через десять минут тебя повяжет полиция кампуса.

Диби бросил трубку, а я так и не успела уронить челюсть ему в лицо. Пусть даже через электронные сигналы, которые передаются радиоволнами.

***

До нужной аудитории в главном корпусе универа я добралась, пережив всего парочку мелких несчастных случаев и еще меньше арестов. Двое самых любимых мужчин в моей жизни вдруг вздумали раздавать мне приказы, как будто имеют на это право. Ну уж нетушки. К тому же, у Диби не было никаких оснований для ареста. Разве что он и сам не противе загреметь за решетку. Так или иначе, он был мне поделником во многих моих, мягко говоря, инновационных мероприятиях по борьбе с преступностью. Если я пойду на дно, он тоже утонет.

Ох уж эти мужчины!

Наш преподаватель, мистер Хипл, оказался самым обыкновенным преподавателем, которому очень не хватало моего энтузиазма. А еще моей дальновидности и способности смотреть на вещи с разных углов.

Я подняла руку.

Он продолжал говорить.

Мне вспомнилось, как в начальных классах учительница по физкультуре задала нам залезть наверх по канату, а я попросила ее привести пример, когда нам потребуется подобный навык в реальной жизни. Что тут скажешь? Я ненавидела канаты. Они натирали кожу, а потом еще и руки тряслись.

Уже не раз я спрашивала у мистера Хипла, переборщившего с загаром мужчину в расцвете кризиса среднего возраста, можно ли считать его новенький сияющий «корвет» иллюстрацией его же принципов, но в более широком применении. Скажем, на уровне мирового господства.

Я опять подняла руку. Мистер Хипл громко вздохнул:

— Да, Шарлотта.

— Ой, зовите меня просто Чарли. Итак, допустим, мир катится к очередному экономическому кризису, а рынок недвижимости опять на грани полного краха. Как богу все исправить?

Мистер Хипл почесал лицо и ущипнул себя за переносицу. Я приняла это за хороший знак, как будто он в самом деле обдумывал ответ на мой вопрос.

— Чарли, а вы не хотели бы задать вопрос, который относится к нашему предмету?

Несколько студентов прыснули от смеха, а я сложила руки под Угрозой и Уилл и сползла ниже на стуле. Какой толк от этих занятий, если я не смогу в будущем использовать полученные здесь знания?

Наверное, Рейес подумал о том же. Он по-прежнему за мной следил. Все так же нематериально. И был все таким же опасным, решительным, да еще и горячее, чем асфальт в августе. Жар обжигал кожу. Рейесу определенно не понравилось, как мистер Хипл мне ответил. А тот, в свою очередь, продолжал свою бессмысленную лекцию.

Наверное, понять его можно. Вопрос все-таки я задала весьма странный. Но мне уже самой начинало казаться, что брать в свои руки бразды правления миром не самая удачная затея. О менеджменте я не знаю ничего, если не брать в расчет мое агентство. Да и там на себе все тянет Куки. Я даже не представляю, как творить чудеса, разделять воды морские и успокаивать бури по требованию.

Я себя явно переоценила. Мистер Хипл был прав. Прямо так он, конечно, не говорил, но между строк все было ясно.

Рейес уселся прямо за мной. Места в этой аудитории были из тех, где столешницу можно сложить и отодвинуть в сторону, если тебе не нужно ничего записывать. Как можно тише я сложила и отодвинула свою, потому что дожидаться не могла перемены. Занятия проходили раз в неделю и поэтому длились почти три часа, а я так загрузилась кофе, что мочевого пузырь уже был готов лопнуть.

Точнее готова была лопнуть от отчаяния мертвая девушка, которая бегала по коридорам и вопила о том, что ей срочно нужен карандаш. Мне самой пару раз снился такой кошмар. Барышня была в больничной сорочке, так что я ломала голову, почему она в кампусе университета, а не в больнице, например.

Примчавшись в аудиторию, девушка криком потребовала у кого-то одолжить ей карандаш, пока все не пропало, а потом выскочила в коридор сквозь ту же стену, через которую пришла. Бедняжка.

От взгляда Рейеса у меня согрелась спина, пока он опять не сосредоточился на ангеле, который стоял в передней части аудитории, прислонившись к стене. Наверное, это был самый необычный ангел из всех, что я видела. Во-первых, он был рыжий. А во-вторых, даже при наличии уже знакомого длинного черного пальто он носил нечто, что я бы описала как килт. Штуковина явно не была настоящим шотландским килтом, зато сильно на него смахивала. Эдакая мужская юбка из черной кожи длиной по колено. Ремень на талии ангела, к которому крепилось разнообразное оружие, был широким, а меч прятался в ножнах за спиной.

Короче говоря, весь вид этого ангела кричал о том, что он бывалый задира. Рейес не спускал с него глаз. Причем следил за ним так пристально, что это можно было смело расценить как проявление агрессии. Клянусь, если эти двое устроят драку посреди занятия, кому-то точно надерут зад. Скорее всего мне, если я вмешаюсь, но лучше все-таки быть начеку. В конце концов, на следующей неделе у нас первый зачет. Нет у меня времени на лишние склоки.

— Мисс Дэвидсон, — вытащил меня из раздумий мистер Хипл, — можно с вами поговорить?

Я осмотрелась по сторонам и поняла, что студенты кучками выходят в коридор. Значит, препод отпустил народ на перемену, а я все прослушала и теперь понятия не имею, сколько

у нас времени на отдых.

Кивнув, я пошла вперед, нехотя приближаясь к Уильяму Уоллесу¹², ангелу-горцу. Но тот был слишком занят тем, что пялился на моего мужа, который не отставал от меня ни на шаг и в итоге оказался от ангела на расстоянии удара. Вот черт!

— Мисс... то есть Чарли, — начал и тут же исправился мистер Хипл, — не могли бы вы мне сказать, чего именно вы ждете от нашего курса?

— Я же ответила на этот вопрос в анкете, которую вы раздали всем студентам после первого же занятия.

— Верно. — Он достал мой листок с анкетой. — По вашим словам, вы бы хотели узнать как можно больше о деловом управлении и менеджменте, если вам все же удастся завоевать мир.

— Хотите сказать, я про мокрую воду написала? Не надо было в одном предложении сводить слова «управление» и «менеджмент»?

— Не в этом дело. Мне кажется, в ответе вы выразились образно.

— Где именно?

— Там, где написали о завоевании мира.

— А-а, ну да. — Я стояла, склонившись над столом, а Рейес склонился надо мной. Точнее даже вжался в меня, согрев жаром до мозга костей. — То есть нет. Я выразилась очень даже буквально, но теперь думаю, что нужно было написать как-нибудь иначе.

Рейес уперся рукой в стол, выстроив преграду между мной и ангелом. В этом жесте так и сквозили добрые намерения и желание защитить. Несмотря на то, что Рейес злился на мое согласие заняться делом Фостеров, он все равно меня защищал. Во всем этом даже мог быть элемент романтики, если бы внезапно опять не объявилась все та же девушка и не заорала мне в лицо.

Мои плечи поникли. Я должна была ей помочь.

— Вы правы, мистер Хипл. Я выразилась образно. Прошу прощения. Я перестану забрасывать вас вопросами.

— А я надеюсь, что не перестанете, — ответил преподаватель, немало меня удивив. — Но мне бы хотелось, чтобы это были такие вопросы, на которые у меня есть ответы. Если вы действительно собираетесь однажды править миром, то вам стоит записаться на более продвинутый курс, чем «Введение в основы делопроизводства».

— Спасибо, — тихо рассмеялась я, — я подумаю.

Я уже была у двери, как вдруг мистер Хипл крикнул мне вслед:

— Если не ошибаюсь, мировому господству учат на курсе «Супермегапродвинутое делопроизводство».

Я снова рассмеялась и ушла, прекрасно зная, что сюда больше не вернусь. Нельзя научиться править миром, а может, и целой вселенной, сидя в четырех стенах. Тут нужен настоящий опыт.

Передо мной опять возникла все та же девушка в сорочке. Буквально каждому она кричала прямо в лицо, но точно не ожидала, что я ее увижу.

— Мне нужен карандаш! — орала она, широко открывая рот.

Причем так широко, что был заметен слегка посиневший язык. Правда, это могло быть последствием того, что она все-таки умерла.

Короче говоря, я изобразила сугубо материнский маневр и схватила ее за ухо.

— Ай! — пискнула покойница, когда я втащила ее в уборную. — Какого черта?

Я отпустила ее ухо, и она его оскорбленно потеряла.

— Как вы это сделали?

— Ты, случайно, не заметила, что я слегка ярче, чем все остальные в этой песочнице?

— И что с того? Мне нужен карандаш!

— Никакой карандаш тебе не нужен. А твои крики бесят меня больше, чем все, что случилось со мной за день. Уж поверь мне, это говорит о многом.

— Минуточку! То есть вы меня слышите?!

Проверив все кабинки, я подошла к раковине, чтобы взглянуть на свою шевелюру. Та по-прежнему была отросшей и каштановой. Значит, все путем.

— Слышу. На кой черт тебе сдался карандаш?

Теперь девушка сфокусировала внимание на одной только мне и казалась абсолютно вменяемой.

— Я... Мне всего лишь был нужен карандаш для экзамена.

Она покрутилась вокруг своей оси, как собака, гоняющаяся за собственным хвостом. Может быть, с вменяемостью я погорячилась.

— Что это на мне? Больничная сорочка? Там сзади разрез? Мою задницу видно?!

— Ты помнишь, что с тобой произошло?

Она прекратила крутиться, и слава богу, потому что я и правда видела ее зад.

— Ну... я упала. Кажется. Помню, как наклонилась попросить у сокурсника карандаш, и в глазах поплыло. Я... — Она посмотрела на свои руки, потом на сорочку и босые ноги. — Я умерла?

— Мне очень жаль.

— Мне всего два семестра до выпуска осталось!

Прислонившись бедром к раковине, я стала ждать, когда девушка все поймет. Она зашла в кабинку, села на унитаз и уронила лицо в ладони.

— Как вообще такое возможно?

— Не знаю, солнце. Но раз уж ты не перешла сразу после смерти, можешь перейти через меня. Уверена, тебя наверняка заждались родственники.

— Перейти?

Я кивнула.

— Типа на другую сторону?

В уборной появился Рейес, но на этот раз близко подходить не стал. Честно говоря, места в туалете было негусто, поэтому Рейес сложил руки на груди и прислонился к дальней стене.

— По-моему, ты не заметил таблички на двери, — поддразнила я его, пусть даже сейчас он играл роль свирепого медведя.

Рейес смерил меня взглядом с головы до ног и обратно, причем оба раза задержался на губах. Неужто прикидывает шансы?

Девушка поднялась на ноги и выглянула из кабинки.

Я повернулась к студентке:

— Да, солнце, на другую.

— А я могу остаться, если захочу?

Она на меня так и не посмотрела, потому что сверлила взглядом моего мужа.

— Можешь, а можешь перейти, если пройдешь прямо сквозь меня, — подбадривающее отозвалась я. — Близким наверняка не терпится тебя увидеть.

— Что ж, — студентка тихонько помахала Рейесу, — я все-таки останусь.

Пришла моя очередь сложить на груди руки и смерить мужа сердитым взглядом. Двое. Двое за один день отказались перейти. Или уже трое? Как бы то ни было, я точно теряю сноровку.

Очень медленно, клеточка за клеточкой, Рейес дематериализовался в клубах черного дыма, явно намереваясь превратить свое исчезновение в натуральное шоу.

С одного взгляда на тоскливое выражение лица студентки стало ясно: ни за какие коврижки она теперь не уйдет. Проклятье. Я было подумала просветить ее по поводу ее же задницы, но решила промолчать. Перейдет, когда будет готова. По крайней мере барышня прекратила кричать.

***

В итоге я все-таки вернулась в аудиторию, поболтала с несколькими сокурсниками, а потом с парочкой из них заскочила в круглосуточную кафешку. С первого же занятия между нами возникла связь. В основном потому, что они почти так же поклонялись кофе, как и я. Почти.

К нам в нематериальном виде присоединился Рейес, а за ним и наш шотландский кореш. Эти двое не спускали друг с друга глаз, словно ждали, кто из них сделает первый шаг. Впрочем, ничего такого не произошло.

В конце концов нашу компанию выгнали из кафе. Видимо, слово «круглосуточный» я и работники заведения понимаем по-разному. Пришлось попрощаться с сокурсниками. Вышло бы лучше, если бы я помнила их имена. Вечно с именами память меня подводит. Была с нами и девушка, чье имя я вроде бы помнила, но каждый раз, когда обращалась к ней по имени, она странно на меня поглядывала. Поэтому я прекратила насиловать себе мозги. А насилие, надо признать, было самым что ни на есть настоящим.

Зато все в классе знали, как зовут меня. Наверное, потому, что мистер Хипл слишком часто называл мое имя. Хорошо это или плохо, но имеется у меня склонность производить впечатление.

Когда я добралась домой, Рейес уже спал. Или притворялся, что спит. Так или иначе, выглядел он притягательно. Стройное тело словно поблескивало в тусклом свете. Одна рука прикрывала глаза, другая спряталась под подушкой. Широкая грудь, казалось, занимала половину кровати. На одной ноге лежало одеяло, а вторую заливал лунный свет, сочившийся из огромных окон. Рейес был похож на греческого бога. Рельефный, импульсивный... Словно и не настоящий вовсе.

Неужели Фостеры рассмотрели живущую в нем тьму? Стало ли это той самой причиной, по которой они похитили его совсем еще младенцем?

На самую малость я соскользнула в другую реальность, чтобы увидеть то, что, может быть, увидели они. Разумеется, тьма никуда не делась, но в Рейесе крылась не только она.

Ночная чернота окружающего мира сменилась ослепительно яркими цветами. В бесконечной буре, где сталкивались молнии и смерчи, полыхали оранжевые, красные и желтые оттенки. И посреди этого буйства ярче всего горел Рейес, который сейчас казался таким безмятежным, но как истинное дитя ада был вечно объят пламенем. Однако в самой сердцевине, в самой глубине его естества клубилась тьма. Тьма, которую он изо всех сил скрывал и старался преодолеть.

Вернувшись в осязаемый мир, я переоделась в ночнушку длиной до бедер, залезла в

постель и легла рядом с мужем в любимую позу — «ложечками». В конце концов, ложка — мой любимый столовый прибор.

Всего каких-то пять секунд я наслаждалась близостью Рейеса, уткнувшись носом в густые волосы, как вдруг он спросил глубоким спросонок и гладким, как и его обладатель, голосом:

— Смогла?

— Что именно?

Он взял руку, которую я положила на него, поднес ко рту и подарил обжигающий поцелуй каждому пальцу, а потом проговорил:

— Бросить дело.

В этот самый момент я решила, что пора приручить наш новый диван по имени капитан Кирк¹³.

***

Капитан Кирк оказался не таким удобным, как можно было ожидать. Особенно после объятий с адским богом. Уснуть удалось только за три часа до того, как мистер Кофе запел мне серенады. Тот, кто придумал кофемашину с таймером, обязан получить Нобелевскую премию. Наверняка этот человек спас больше жизней, чем прозак.

Натянув трусы, я на цыпочках прошла в кухню мимо ангела, который прислонился к стене в гостиной. Сложенные крылья доставали до почти четырехметрового потолка. По-моему, наша кухня когда-то была соседней квартирой. Рейес отремонтировал весь дом, но, слава богу, сначала его купил.

Тем не менее, на верхнем этаже квартир осталось всего две: наша и та, где живет Куки. Моя же старенькая квартирка превратилась в нечто, ничем не уступающее пентхаусу на Парк-авеню. Впечатление усугублялось той самой новой кухней с потрясающей техникой и глубокими тосканскими оттенками. А еще в ней была моя любимая, самая настоящая буфетная. Иными словами — кладовая дворецкого.

Я хихикала каждый раз, когда думала об этой комнатухе. Если у нас когда-нибудь появится дворецкий, у него в этом мире будет свой собственный уголок. С водопроводом и винным стеллажом. Сплошная роскошь!

Я едва не поддалась порыву предложить небесному соглядатаю чашку кофе, но не хотелось, чтобы он тут задерживался. Обнаружив ангела у нас дома, Рейес может слететь с нарезки, а возвращать этого мужчину обратно на нарезку — задача не из легких.

За окном все еще было темно. С полной кружкой панацеи я вернулась к капитану Кирку, но живая вода, наполнившая клетки, мозгам не помогла. В голове будто ходуном ходил надувной домик с батутом. Сотни вопросительных знаков прыгали, сталкивались, отскакивали друг от друга и ломали ноги и руки. Прямо как дети на дне рождения у семилетки.

Что имел в виду ПОП Паркер, назвав меня пожирательницей богов? Вот Рейес например, бог, и мне действительно нравится время от времени его погрызть, но с названьем, по-моему, Паркер сильно переборщил. Правда, припоминаю, как однажды под мухой заказала МакБоггетсы (с картошкой, само собой), но, кроме того случая, никаких богов точно никогда в жизни не ела. Хотя, держу пари, с кетчупом они очень даже ничего.

Плюс эта заявочка, что ад должен замерзнуть... Я-то думала, это всего лишь поговорка.

А еще дядя Боб. Не знаю, какая муха его укусила, но лучше ему поскорее ее

прихлопнуть. Ну а Рейес... Что ж, вряд ли мне хватит терпения на мужиков, которые при первой же возможности раздают мне приказы. Мы как будто вернулись в Средневековье. Если бы, конечно, в Средневековье были кофеварки с таймерами, сотовые телефоны и водяные лифчики.

Но самый важный вопросительный знак из тех, что скакали на батуте у меня в голове, касался Дон Брукс — маленькой девочки, которую, очень вероятно, похитили Фостеры. Если все так и было, то где она теперь? И почему Шон подтвердил алиби предков?

Надо срочно подключить к делу мою лучшую подружку из ФБР, но я сомневалась, что она появится на работе до восьми утра. Я глянула на часы с кроликом Багз Банни. Ждать еще два часа.

А значит, у меня целых два часа, чтобы побольше узнать о новом члене нашего клана. Когда Рейес ремонтировал здание, он снес техэтаж с кладовками, после чего стали видны металлические балки, а часть потолка в квартире превратилась в огромное окно.

Однако, кроме балок, было наверху и кое-что более ценное. Маленький мальчик со светлыми волосами. Прямо-таки крошечный. Иными словами, слишком маленький для того, чтобы висеть (в буквальном смысле, потому что на какой бы балке он ни очутился, его ноги постоянно висели в воздухе) под семиметровым потолком. Мальчик торчал наверху с тех пор, как мы вернулись домой, и мне так и не удалось уговорить его спуститься. Впрочем, стоит признать, что вряд ли можно было заслужить его доверие, бросаясь в него мякишами хлеба. Но бросаться чем-то потяжелее было страшно. В конце концов, над головой висели огромные стеклянные плиты.

Я глянула вверх, где мальчик опять карабкался по балке. Если он не сидел, болтая ногами, то всегда пытался забраться повыше, соскальзывал вниз и начинал все сначала. Снова и снова.

Каждый раз, когда он соскальзывал, мое сердце оказывалось в горле. Вряд ли ему больше двух лет. Он совсем еще малыш, который лазает по балкам и скатывается по ним вниз на высоте семи метров посреди нашей гостиной.

Однако на этот раз я подготовилась — притащила из подвала лестницу. Таковую, которая раскладывается и удлиняется, и которую нужно приставить к какой-нибудь поверхности.

Прикончив первую чашку, послужившую аперитивом, я выволокла лестницу из буфетной, куда засунула ее как раз на такой случай. Лестница была металлической и всю дорогу грохотала, хотя я изо всех сил старалась не шуметь. Добравшись до стены, я съежилась и стала ждать, не нарисует ли хозяин дома, чтобы узнать, какого черта тут творится. Потом стала раздвигать лестницу, пока она не получилась нужной длины. Дальше все было гораздо сложнее. Я попробовала приставить приспособление к балке, но длины оказалось недостаточно.

Ангел, который до сих пор не обращал на меня ни малейшего внимания, стал коситься в мою сторону с чем-то очень напоминающим любопытство, а я в это время пыталась произвести в уме кое-какие расчеты. Зря. Эта затея никогда ничем хорошим не заканчивается. Тем не менее, я решила, что можно использовать капитана Кирка. Он даст мне парочку недостающих сантиметров, и я все же смогу добраться до мальчика.

Положив лестницу на пол, я чуть не надорвала почку, пока передвигала капитана, потом снова взялась за лестницу и по пути сбила лампу. Я снова съежилась, но каким-то чудесным образом лампа осталась цела. А кто еще мог творить настоящие чудеса, как не небесное создание, занятое слезжкой?

Я оглянулась на ангела. Того самого, который рыжий и в черном кожаном килте.

— Твоих рук дело?

Единственным доказательством того, что он меня слышал, была высокомерно изогнувшаяся бровь.

Ну конечно, он ничего такого не делал. Спасать лампу для какой-то там букашки вроде меня — ниже его достоинства.

Чтобы защитить шелковистую обивку, я набросила на капитана покрывало и с горем пополам установила на мягких подушках лестницу. И все равно этого оказалось мало. В конце концов я соорудила на капитане пирамиду из журнального столика и изящного стула, которую для надежности подперла несколькими томами энциклопедии. Получилось! Лестница уперлась в одну из нижних балок, а значит, я наконец могла подняться к мальчику.

Если удача не отвернется, Рейес проспит еще как минимум полчаса, и я успею познакомиться с нашим соседом.

В общем, я стала подниматься по лестнице, как бывалый альпинист, который карабкается вверх по отвесной ледяной скале. На полпути пришлось проигнорировать скрип и тот тревожный факт, что лестница слегка сдвинулась с одной стороны. Еще пара сантиметров — и несколько недель придется есть через соломинку и носить противный шейный фиксатор, который не скрасишь никакими аксессуарами.

К тому моменту, как я добралась до верхушки, руки тряслись, ступни болели из-за тонких перекладин, и страшно хотелось писать. Надо было, блин, заранее сгонять в туалет.

Усевшись верхом на балке, я обняла ее обеими руками и прижалась щекой к прохладной поверхности. Наблюдавший за мной все это время мальчик рассмеялся и побежал ко мне. Побежал! По балке шириной в двадцать пять сантиметров.

Я резко выпрямилась, чтобы успеть его поймать, если вдруг он свалится. Но он внезапно остановился и уставился на меня, пытаясь понять, кто влез в его владения. Улыбка сияла, как солнце, а синие глаза напоминали океан. Передо мной стоял крошечный викинг, который так и лучился жизнью.

Указав на мою грудь, он проговорил:

— Швет.

Хоть он и стоял близко, я все-таки не могла до него достать. А мне очень хотелось как-нибудь спустить его вниз. Пусть даже потом он наверняка залезет наверх по стене, я просто обязана была попытаться уговорить его подойти поближе.

Я широко улыбнулась:

— Как тебя зовут?

Мальчик показал на свою голубую пижаму с яркими разноцветными рыбками и ткнул пальчиком в одну из них:

— Лыбка.

— Рыбка?

Он кивнул и показал на рыбку у себя на груди, потом на колене и на локте.

От восторга, что мы наконец-то общаемся, я рассмеялась, отодрала одну руку от балки и показала на рыбку прямо над сердцем мальчика:

— Вот эта очень красивая. Тебе нравятся рыбки?

Он снова кивнул и опять показал на меня, так легко балансируя на узкой балке, словно гулял по парку. Словно одному из нас не грозило упасть и провести остаток ее дней в гипсе.

— Швет, — повторил мальчик, и до меня наконец дошло.

Свет. Он имел в виду мой свет.

— Ага, мне говорили, что я сияю. — Я рискнула наклониться вперед. — Правда, не так ярко, как твоя улыбка.

Мальчик рассмеялся и с искрящимся в синих глазах любопытством шагнул ближе. Еще чуть-чуть — и я смогу его обнять. Правда, я понятия не имела, как спуститься по лестнице с мальчиком в руках. К тому же, если он не захочет спускаться, то вся моя затея будет сродни похищению, но попробовать стоило.

Тяжело дыша от страха и чуть не свалившись несколько раз, я уселась поровнее, отодрала обе руки от металла и изобразила универсальный жест для объятий. Подняла руки ладонями вверх и стала подзывать мальчика, надеясь, что он все-таки подойдет.

И он подошел. Господи! Но не потихоньку, как я себе представляла, а бросился ко мне на всех парах.

— Погоди! — выдохнула я, но было поздно.

Мальчик уже перешел сквозь меня на другую сторону.

Дети видят волшебство, потому что постоянно его ищут.

Кристофер Мур 14

От красочности воспоминаний мальчика я затаила дыхание. В них были текстуры, запахи, эмоции... Он любил цветы, леденцы на палочке и, конечно же, рыбок. А звали его Каррен.

Зачастую, когда меня осыпает образами, чувствами и самыми дорогими воспоминаниями из чьей-либо жизни, все начинается с конца и идет к началу. Мне приходится самостоятельно искать нужный порядок, чтобы составить собственную хронологию событий. Но Каррен сперва показал мне самое важное. И начал с семьи.

Он показал мне, как мама каждую ночь обнимала его, укачивала и пела, пока кормила его грудью. Показал, как она щекотала его перед сном. Как ловила его с полочным, когда он пытался спрятать еду в кармашке слюнявчика, чтобы поскорее получить самое желанное — «мемемсы». «Эм-энд-эмс». Но мама всегда знала, что он затевает. Не иначе, как чудом, но всегда знала. А еще она пахла цветами, которые он так любил.

Он показал мне, как однажды папа взял его в хозяйственный магазин, и Каррен так собой гордился, что не переставал махать маме и братьям, улыбаться и посылать воздушные поцелуи всю дорогу до машины и даже тогда, когда папа пристегнул его ремнями в автокресле.

А все потому, что Каррен очень хотел, чтобы мама знала, как сильно он ее любит. Очень хотел, чтобы она поняла.

Когда случилось непоправимое, Каррен не столько испугался, сколько был застигнут врасплох. Однажды рано утром он вылез из кровати и решил забраться на комод. Когда комод на него упал, заключив в удушающую ловушку, мальчик думал только о маме. Он знал, что она вот-вот придет, потому что слышал на лестнице ее шаги.

Каррен очень любил гулять. Любил игрушечные машинки и цветы. Причем цветы любил так сильно, что после его смерти соседка посадила целый сад подсолнухов.

Каррена нашла мама. Он помнил, как она кричала. Как отчаянно звала на помощь, пытаясь поднять тяжелый комод. Помнил, как она старалась вдохнуть в него жизнь, вот только он уже не лежал на полу, а стоял рядом с мамой и пытался утешить ее, глядя по плечу. Его отвезли в больницу, но мама долго-долго обнимала его, потому что не могла отпустить. Однако тепло ушло, тело задеревенело, и маме пришлось отдать Каррена. От ее боли у меня в легких не осталось воздуха. У них с сыном была такая сильная связь, что я ощутила эту боль через него.

И все же я видела глазами Каррена. Он не понимал, чем занимается мама, зато понимала я. Она стала учить людей тому, как опасны комоды и вся остальная мебель. Рассказывала о детях, которых настигла бессмысленная смерть. Объясняла, как важно надежно крепить предметы мебели, чтобы обезопасить свои дома.

За свои взгляды она немало натерпелась. Идиоты бесконечно ругали ее за то, что она не присматривала за сыном и была плохой матерью. По-моему, если кого и можно назвать хорошей матерью, то точно эту женщину. У меня болело за нее сердце, но она не сломалась

и стойко держится до сих пор.

Мне хотелось, чтобы она знала, как бесконечно сильно любил ее младший сын, и что она ведет достойную и необходимую борьбу.

Если речь идет о призраках постарше, я могу от их имени написать письмо или сообщение на электронку и передать послание их близким. Но, имея дело с двухлетним ребенком, я представить не могла, как передать послание его родителям, чтобы не расстроить их еще сильнее. Они изо всех сил стараются жить дальше. Разве у меня есть право вмешиваться?

Что ж, я буду за ними приглядывать, а со временем придумаю, как сообщить о том, как сильно их любил и до сих пор любит их малыш. Ведь он, все в той же голубой пижамке с «лыбками», будет ждать их на другой стороне.

Я рухнула на балку, прижавшись к ней щекой и свесив руки и ноги. Все к лучшему. Я это знаю, но мне так хотелось... подержать мальчика! Покачать его, спеть колыбельную и зачекотать, пока он не рассмеется. Иными словами, сделать все то, чего я не могу сделать с Пип. Но теперь Каррен в объятиях родных людей, которые ушли до него. А они заслуживали его гораздо больше, чем я.

Одно я знала наверняка. Ни один родитель не должен проходить через такой кошмар. Не должен переживать вынужденную разлуку со своим ребенком. Я обязана найти Дон Брукс. Представить страшно, что сейчас происходит с ее родителями. И все же, зная Фостеров (если они действительно похитили девочку), она наверняка еще жива. И я обязательно ее отыщу.

***

Откуда-то снизу послышался мужской голос:

— Милая, с тобой все в порядке?

Разлепив веки, я глянула вниз на дядю Боба. На нем был темно-серый костюм, а в руках он держал папку. Я кивнула, надеясь, что он не заметит, как я заслунявила балку. А потом до меня дошло, что балка мокрая не от слюней, а от слез. Вытерев глаза, я очень-очень медленно села.

— Не расскажешь, что ты там забыла?

Я глянула на лестницу и покачала головой.

— Ладно, — кивнул Дибби. — Я принес документы, которые ты просила. Здесь все, что у нас есть по делу Дон Брукс.

Положив папку на журнальный столик, он взялся за лестницу, чтобы придержать ее для меня.

Я распласталась на животе и стала ногой нащупывать перекладины, однако ничего не нашла. Пришлось оглянуться, чтобы увидеть, куда поставить ногу, но лестницы уже не было. Она взяла и испарилась. Я глянула вниз. Дибби положил лестницу на пол и что-то с ней делал.

— Лестница была недостаточно высокая, — сказала я, — вот я и построила пирамиду.

— Теперь понятно, откуда эти самодельные строительные леса.

— Ага.

Я посмотрела на капитана Кирка и на все, что на нем наскладировала. Наверное, это была не самая лучшая идея в моей жизни.

— Похоже, лестница не очень надежная, — заметил дядя Боб и выпрямился. — Пусть

лучше тут полежит.

Он успел разобрать лестницу на две части. На две очень короткие, елки-палки, части. Теперь лестница, которая раздвигается, больше не раздвигалась.

— Что ты задумал, дядя Боб? — спросила я, причем мой голос дрожал не меньше, чем «самодельные строительные леса».

Дибби глянул вверх и пожал плечами:

— Придется тебе, видимо, повисеть там, пока мы не позовем кого-нибудь на помощь. На это может уйти немало времени.

— Чего?! — Кое-как я снова уселась. — Дядя Боб, а ну быстро поставь эту фиговину обратно!

— Извини, — он посмотрел на часы, — мне пора бежать на работу. Отправлю к тебе кого-нибудь как можно скорее.

— Дядя Боб! — проорала я ему в затылок.

Но он уже открыл дверь и вышел в коридор. Просто взял, блин, и вышел, бросив меня в подвешенном состоянии. Причем в буквальном смысле.

— Дядя Боб!!!

Не получив ответа, я покосилась на ангела. Улыбнулась, кивнула на лестницу и изобразила жалостливое выражение лица.

Он и ухом не повел. Только крылья слегка пошевелились, когда ангел сменил позу.

Я закрыла глаза и стиснула зубы. Ну уж нет. Я так просто не сдамся.

— Как тебя сюда занесло?

Голос Рейеса прозвучал так близко, что от неожиданности я подскочила и начала соскальзывать, получив железобетонное доказательство: нижняя половина моего тела и правда тяжелее верхней. Чтобы не разбиться насмерть или не устроить себе крайне болезненное приземление, я обеими руками вцепилась в металл и посмотрела на мужа. Он сидел на корточках на балке прямо передо мной и явно не испытывал никаких проблем с равновесием. К тому же, он был босиком и в одних серых пижамных штанах. Одна ладонь самым обыденным образом лежала на колене. Самым обыденным, елки-палки, образом! А это вам не какая-нибудь самая обыденная ситуация!

— Мне нужна лестница. Ее убрал дядя Боб.

— Понятно.

Рейес глянул вниз. Я опять соскользнула. Он посмотрел на меня. Я соскользнула еще сильнее, и меня с ног до головы бросило в пот.

— Рейес, лестница.

— Вижу.

— Она мне нужна.

— Это я тоже вижу.

Я закатила глаза:

— Серьезно?

— Я принесу лестницу, если ты бросишь расследование.

Мне хотелось обиженно уронить челюсть, но было страшно шевелиться. Обеими руками я изо всех сил цеплялась за жизнь, то бишь за балку, а все остальное опасно висело в воздухе. Ну не время сейчас для споров, е-мое!

— Рейес, — проговорила я достаточно громко, чтобы слова были слышно сквозь скрип моих зубов, — если ты не принесешь лестницу...

Угрозу я решила не заканчивать, чтобы придать ей вес. Однако Рейес лишь пристально смотрел на меня из-под длинных ресниц.

Я съехала еще ниже и поняла, что держаться за балку вспотевшими ладонями уже практически невозможно.

Визг Куки оказался неожиданным, но в то же время страшно приятным.

— Чарли! — крикнула она, вбегая в комнату. — Роберт сказал мне зайти к тебе. Ты что творишь?

— Можешь принести лестницу?

Куки осмотрелась по сторонам, а в это время в гостиную вошла Эмбер и застыла.

— Тетя Чарли?

У меня так тряслись руки, что держаться больше не было сил. Я попробовала закинуть на балку ногу, но из-за этого руки соскользнули еще ниже. Пытаясь скрепить части лестницы, Куки в процессе снесла со стены картину и все, что стояло на каминной полке. Мои ладони съехали еще чуть-чуть, и теперь я держалась одними кончиками пальцев. По крайней мере именно так мне казалось.

— Возьми меня за руку, — велел Рейес.

Я посмотрела на него. Он по-прежнему сидел на балке. Однако я достаточно знаю о законах гравитации, чтобы понимать: если я возьму его за руку, он просто-напросто упадет вместе со мной.

— Нет, — покачала я головой.

— Датч, — холодным, как огуречный сорбет, тоном поговорил Рейес, — возьми меня за руку.

— Нет. Ты тоже упадешь. Куки, как там у тебя дела?

Подруга выпрямилась и отступила на шаг, чтобы оценить результаты своих трудов.

— Как думаешь, я все правильно собрала?

С первого взгляда стало ясно, что нет. Верхняя часть лестницы была изогнута, а значит, вся конструкция долго не продержится.

— То есть ты не возьмешь меня за руку, потому что я якобы упаду?

С огромным трудом мне удалось оглянуться за плечо. Вот если бы как-то прицелиться прямо на капитана Кирка...

В следующее мгновение мои руки сорвались. Я громко вскрикнула и стала ждать, однако ничего не произошло. Зато на запястье ощущалось какое-то давление. Открыв глаза, я чуть не разревелась от облегчения. Рейес меня поймал. Теперь он стоял и одной рукой держал меня за запястье. Я ухватилась за него другой рукой, но все равно продолжала прикидывать, как нам спуститься вниз.

— Ну и? — спросил Рейес.

Тяжело дыша от волнения, я автоматически кивнула, а потом уточнила:

— Что — ну и?

— Ты бросишь дело?

Ну нет. Ну не мог он задать сейчас этот вопрос.

— Тебе решать.

В его тоне промелькнуло что-то тревожное. Как-то слишком беспечно он произнес эти слова. У меня по спине пополз холодный ужас. На чувственных губах заиграл намек на ухмылку, а после следующих слов мне понадобилось несколько драгоценных секунд, чтобы понять: муж меня шантажирует.

— Брось дело, или я брошу тебя.

Или это называется вымогательством?

Во мне вспыхнул гнев. Я сощурилась, дала Рейесу секунду обдумать то, что он сказал, а потом дематериализовала свою руку. Ту самую, за которую он меня держал.

Молниеносным движением он попытался схватить меня другой рукой, но я уже была вне досягаемости.

Не успев осознать, что падаю, я грохнулась на капитана Кирка. Со всей дури. Вот только с одной стороны на нем стоял журнальный столик. Поэтому, когда я приземлилась на капитана, мое лицо отдельно приземлилось на краешек столика, отскочило от него, и всю меня перебросило через спинку дивана на пол. Кто же знал, что мое лицо тренировали по системе крав-мага¹⁵?

Ко мне бросилась Куки.

— Чарли!

Эмбер стояла с отвисшей от шока челюстью, пока ее мать пыталась помочь, чуть не вывихнув мне в процессе плечо.

— Чарли, ты как?!

— Порядок. Кажется.

Я опять распласталась на полу. Слишком быстро он вращался подо мной, поэтому не стоило даже думать о том, чтобы встать. Прямо как в детстве, когда я пыталась слезть с вращающейся карусели. Результат всегда оказывался плачевным.

Мелодично звякнул чей-то телефон, а рядом со мной присел Рейес, у которого явно не возникло никаких проблем с тем, чтобы слезть с балки без лестницы.

Эмбер проверила свой сотовый:

— Мне пора собираться в школу, — и выскочила за дверь.

Я стряхнула с себя руку Рейеса и повернула к нему голову:

— Ты мог меня убить.

Абсолютное отсутствие беспокойства по этому поводу он продемонстрировал невозмутимым выражением лица.

— Сама виновата.

— Ага, но ты мне угрожал.

— Сын Сатаны, — отозвался муж вместо всяких объяснений.

Кое-как поднявшись на ноги, я заверила Кук, что все путем, и направилась в спальню. Не выскочи прямо из ниоткуда косяк, я бы шикарно вместилась в дверной проем. Но косяк все-таки выскочил, я споткнулась, а секунду спустя оказалась в объятиях Рейеса.

Он поднял меня на руки и понес в спальню. Я решила не спорить, раз уж шагу не могу ступить, не загремев под арест за пьянство в общественных местах.

— Папка, — сказала я Куки, заглянув за плечо мужа. За то самое широченное плечо, которое идеально подходило для моей головы. — Диби принес папку по делу Дон Брукс.

Подруга кивнула, а потом спросила:

— С тобой точно все в порядке?

В ответ я показала ей большие пальцы, пока Рейес не свернул за угол. Отпустив мои ноги, он стал ждать, когда я сползу по нему на пол. Потом проверил мой глаз, которым я пыталась нокаутировать журнальный столик.

— Тебе нужен лед.

— Мне нужен душ.

Отлепившись от мужа, я поковыляла в ванную и, только оказавшись внутри Джорджа (так я назвала душ, который, образно выражаясь, создал сам Господь), поняла кое-что важное. С кем-то в гостиной точно не было все в порядке. Даже сейчас ощущались отголоски беспокойства, напряжения, страха и даже отчаяния. И все это я бы сразу почувствовала, если бы не свисала с потолка, как чайный пакетик.

Эмбер. С ней что-то случилось.

Как обычно, Джордж оказался восхитительным. Из него я вышла полностью расслабленная и удовлетворенная, чего нельзя было сказать о моем муже. Он чистил зубы, а когда я вышла из душа, прополоскал рот и занял мое место.

Одевалась я с мыслями о том, что не желаю очередного противостояния на фронте Фостеров. Ни за что не позволю Рейесу угрозами заставить меня бросить дело, так что не вижу смысла ссориться по этому поводу. И вообще, между ним и Дибби...

Дибби, кстати, начинал всерьез меня беспокоить. Раньше он никогда бы не поступил так, как сегодня. Не бросил бы меня висеть под потолком. А сегодня он намеренно организовал мне ловушку, чтобы я не высовывалась из дома. Но почему? Мы всегда могли с ним поговорить, ничего не утаивая. Так почему же он не может довериться мне теперь?

Я почти решила не снимать с него адскую метку. Знать бы еще, как это делается... Что ж, есть только один способ все выяснить. А иначе поездку в один конец до адского захолустья не отменить, если Дибби не расплатится за свой поступок.

Сушить волосы я не стала, а собрала их в хвост, надела свитер и джинсовую юбку, обула пару суперских ботинок по щиколотку и вышла из квартиры. Пришлось вернуться за сумочкой, снова выйти и вернуться еще раз за ключами. Я уже сидела в Развалюхе, готовая выдвигаться в путь (мистер Фостер владел страховой компанией, а мне внезапно позарез понадобилось застраховать жизнь мужа), как вдруг поняла, что забыла сотовый на зарядке.

Святой ежик! Когда я успела накопить столько барахла, без которого уже не могу выйти из дома?!

Так я и сидела, маринуюсь в собственных мыслях (все маринованное я вообще люблю) и пытаюсь решить, возвращаться ли за телефоном с риском попасть в эпицентр очередного противостояния, как вдруг в окно постучали.

Я подпрыгнула на метр вверх и сердито уставилась на Рейеса. А секунду спустя меня обдало жаром. Отчасти из-за тревоги и отчасти из-за того, что я заметила наряд мужа. Точнее его отсутствие. Рейес стоял посреди стоянки в одном полотенце. В одном бежевом полотенце, которое низко сидело на бедрах.

С волос капала вода, ресницы слиплись, отчего казалось, будто темно-карие глаза блестят еще ярче, чем обычно. Хотя это могло быть и от гнева.

Повернув ключ в замке зажигания, я опустила стекло и переборола желание отчитать мужа на чем свет стоит. На улице, конечно, не мороз, но слишком холодно, чтобы расхаживать в мокром виде, да еще и практически нагишом.

В конце концов я просто спросила:

— Опять будешь мне угрожать?

Обе руки Рейеса лежали на двери. В одной он держал мой телефон.

— Нам нужно поговорить.

— Мы уже пытались, помнишь? Похоже, ты не видишь разницы между разговором и приказами. Вы с дядей Бобом как будто сговорились!

Темные брови сошлись над переносицей.

— В смысле?

— Мужчины, елки-палки! С чего-то вы вдруг решили, что можете раздавать мне приказы. Что имеете право указывать мне, что делать, за что бы я ни взялась. — Я подалась к окну. — Так вот, по-моему, никакого такого права у вас нет.

Обдумав мои слова, Рейес тоже наклонился ближе, и на меня хлынуло фирменное тепло.

— Категорический отказ с твоей стороны тоже мало похож на цивилизованную беседу.

— Да я... да ты... — Крепко стиснув зубы, я попыталась внятно сформулировать мысль. — Кажется, припоминаю, что совсем недавно мы уже вели цивилизованную беседу, когда согласились больше не держать друг от друга секретов. — Я присмотрелась к его лицу и заметила капли воды на ресницах и над верхней губой.

На челюстях Рейеса заиграли желваки, и он отвернулся.

— Все не так просто.

— Очень сомневаюсь, черт возьми.

Он молча посмотрел себе под ноги.

— Рейес, просто скажи мне, почему ты так не хочешь, чтобы я занималась этим расследованием? Чего ты боишься?

Реакция на мои слова последовала незамедлительно. Все мужское в Рейесе (нет, не мужское, а неандертальское) вспыхнуло от ярости. Мой муж надежен и стабилен во всех аспектах жизни, кроме одного. Когда речь идет о тьме, его невозможно предугадать. Я уже начинала медленно смиряться с тем, что у Фостеров (или как минимум у одного из них) действительно имеется способность заглядывать за завесу между мирами.

Ну и что с того? Рейес, без всяких шуток, создан из тьмы. И это никакой не секрет. В любой момент я могу заглянуть в нематериальный мир и увидеть его тьму собственными глазами.

— По-твоему, я боюсь? Кого? Фостеров?

— Чего? Нет. — Сама знаю, как странно прозвучали мои слова. — Конечно же, нет.

— Что ж, — сквозь зубы процедил Рейес, — делай, что хочешь. Как всегда.

Он был бесконечно зол. И, как обычно, в ярости не рассчитал силы.

Уходя, Рейес оттолкнулся от Развалюхи, отчего она встала на два колеса и с грохотом опустилась на все четыре.

Пришла моя очередь злиться. Я выскочила на улицу, чтобы оценить масштабы ущерба. На двери с одной стороны осталась вмятина. Я должна была быть благодарна, что дверь все еще открывалась и закрывалась, но почему-то никакой благодарности не испытывала. Наклонившись, я подняла брошенный телефон. Рейес бросил мой телефончик на землю! Экран разбился, но моя девочка все еще работала.

Когда я оглянулась, Рейес как раз заходил в дом.

— С тебя новый телефон!

***

Насытившись по горло мужиками и их искаженными понятиями о том, что нормально, а что нет, я решила нанести визит еще одному мужчине из моего черного списка — мистеру Аврааму Фостеру.

Даже с разбитым экраном я нашла адрес его фирмы. Моя девочка и не такое переживала. До сих пор с содроганием вспоминаю инцидент с текилой.

Когда я переступила порог, звякнул колокольчик, и меня в приемной встретила секретарша, которая явно не рассчитывала, что ее так рано начнут донимать клиенты. Я прямо-таки ощущала ее боль.

Поставив чашку с кофе, она выдавила силиконовую улыбку и проговорила:

— Здравствуйте. Чем могу помочь?

Я подошла к высокой стойке.

— Здрасьте. Мне, кажется, нужна страховка.

Силиконовая улыбка сменилась более искренней.

— Похоже, вы не слишком в этом уверены.

— Есть такое дело. Прошу прощения. — Я все еще кипела от злости, поэтому пришлось глубоко вздохнуть. — У вас можно застраховать жизнь?

— Разумеется. Желаете поговорить с агентом?

Я очень желала поговорить с агентом, только с одним конкретным — среднего роста и телосложения, с темными волосами и склонностью похищать детей.

— Подруга рекомендовала мне мистера Фостера. Он ведь здесь работает?

Секретарша весело изогнула бровь.

— Он владелец этого агентства, так что да. Но сейчас его нет.

— Вот гадство.

— Может быть, поговорите с другим агентом?

Не успела она закончить, как я заметила на парковке человека, подходящего под описание мистера Фостера. И направлялся он в кофейню по соседству.

— Нет, спасибо. Я найду в другой раз.

— Я могу записать ваши контакты, и он вам перезвонит. — Секретарша взяла ручку. — Как вас зовут?

— Эм-м, Корделия Чейз¹⁶.

Едва имя сорвалось с языка, я вся напряглась, опасаясь, что секретарша окажется такой же смышленной, как и Тиана из офиса педиатра, но она лишь записала имя на квадратном листочке бумаги, попутно поглаживая чашку с кофе. Из всех сил я старалась не пустить слюни. За все утро мне удалось выпить только одну чашку, а потом я так рассердилась и спешила поскорее добраться до мистера Фостера, что по пути забыла прихватить с собой большую чашку мокко с двойной порцией взбитых сливок.

Я уже подумывала выпросить хоть глоточек, как вдруг секретарша попросила дать ей мой номер.

— А знаете, я лучше сама потом найду. Но все равно спасибо.

Поспешно выйдя за дверь, я самым невозмутимым образом пошла в кофейню, надеясь, что секретарша не заметит, как я преследую ее начальника.

Кофейня на самом деле оказалась закуской в стиле ретро. Едва войдя, я заметила мистера Фостера и устроилась за соседним столиком.

Перед носом у меня оказалось меню, а пожилая женщина с бешеным начесом, из которого торчало целых три ручки, поинтересовалась:

— Кофе хотите, милочка?

— А вы как думаете?

Понимающе улыбнувшись, она налила мне в чашку кофе из кофейника, который держала в руках. Едва до ноздрей добрался богатый аромат, я с трудом подавила восторженный стон, который уже зародился в горле, и наградила женщину благодарной

улыбкой. В ответ она подмигнула и куда-то ушла, а я наконец заметила, что мистер Фостер обратил на меня внимание.

Не глядя в его сторону, я дала ему не меньше минуты поизучать меня с ног до головы, а потом повернулась. Когда наши взгляды встретились, он взял себя в руки, наклеил на лицо выражение сердечного дружелюбия и кивнул в знак приветствия. Лишь потом снова взялся за свою газету и стал переверачивать страницы. И все же наша встреча шокировала его даже больше, чем накануне — его жену.

А значит, либо он знал, кто я такая, либо сам видел. И все же удивился мистер Фостер не на шутку. Миссис Фостер была, конечно, поражена, но ее муж показался мне прямо-таки обескураженным. Наверняка она ему обо мне рассказывала, потому что меньше всего на свете он ожидал увидеть меня лично.

Я решила испытать удачу.

— Прошу прощения, вы мистер Фостер?

Он поднял голову, а внутри чувствовал себя так, будто ему дали под дых.

— Мы знакомы?

— Нет.

— Тогда откуда...

Я с улыбкой кивнула на билборд у дверей его компании. На тот самый, где красовалась фотография мистера Фостера.

Ему хватило смекалки напустить на себя скромный вид.

— Ну конечно.

— Не хотела вас беспокоить. Просто как раз зашла к вам в офис, а секретарша сказала, что вас нет. Вот я и решила выпить кофе и подождать.

Мистер Фостер всю на меня пялился, потом пришел в себя и отложил газету.

— А вы, простите, кто?

— Корделия Чейз. Хотела поговорить с вами по поводу страховки, но вполне могу подождать.

— Нет-нет, — он жестом предложил мне сесть напротив, — присоединяйтесь, будьте добры.

Я взяла сумочку, чашку и сделала, как просили.

— Значит, вам нужна страховка?

— Да. Хочу застраховать жизнь моего мужа. Он умирает.

— Вот как... — Мистер Фостер ни на йоту мне не поверил, но подыгрывал, так что и я не стала напрягаться. — Мне очень жаль.

— Все в порядке. Сам он еще не в курсе, но я всерьез подозреваю, что долго он не протянет.

Откашлявшись, мистер Фостер откинулся на спинку диванчика.

— Могу я поинтересоваться, где вы оформляли медицинскую страховку?

— Хороший вопрос. — Я задумчиво сморщила нос. Все документы у нас хранит Куки. — Названия я не помню, но логотип у фирмы красный. Кажется, с треугольником. Или с квадратом... Да, точно. С квадратом. А может быть, там нарисован круг...

— На самом деле это не имеет значения, мисс Чейз.

— Зовите меня просто Корди.

— Корди, мы можем начать с того, что вы дадите мне кое-какую основную информацию. Посмотрим, что можно придумать, а заодно и прикинем, во сколько вам

обойдется полис. Как вам такая идея?

— Замечательно, — с энтузиазмом кивнула я.

К сожалению, мне не удалось прочувствовать мистера Фостера, когда я назвала якобы свое имя, поэтому я до сих пор не имела понятия, знает он, кто я такая, или нет.

Мистер Фостер достал из внутреннего кармана блокнот с ручкой, и в этот самый момент в закуской из ниоткуда появился Ангел.

— Я увольняюсь, — заявил он и наклонился так близко, что между нашими лицами остались считанные сантиметры. Пришлось изо всех сил постараться, чтобы на него не смотреть. — Мне всего тринадцать! Есть вещи, которые мне просто-напросто не стоит видеть. Ау, *dios mio* ¹⁷! — Он отвернулся, и по резким движениям стало ясно, как он расстроен.

Секунду спустя Ангел поскреб затылок.

Я вытащила сотовый и подняла указательный палец, прикидываясь, будто мне позвонили.

— Прошу прощения. Надо ответить.

— Все в порядке.

Мистер Фостер опять наклеил на лицо отработанное, видимо, годами выражение и сложил пальцы домиком. Но тот факт, что во время его законного перерыва, который я и так испортила, я еще и отвечаю на звонки, его явно покорило. Как, собственно, и должно было случиться. Я вела себя грубо, и это мягко сказано, но мне было необходимо узнать, что произошло с моим лучшим и, между прочим, единственным детективом.

— Привет, Ангел. Что случилось? Я тут немного занята.

Он снова развернулся ко мне лицом.

— Я говорю о своей работе. Твой дядя, на секундочку, детектив полиции. Ты хоть понимаешь, что это значит?

— Дядя Боб? Все в порядке?

— Это значит, что его вызывают на всякие перестрелки, поножовщины, издевательства над детьми и к, мать их, мужьям, которые избивают своих жен до полусмерти. Это значит, что у него адская работенка. И это значит, что я увольняюсь.

Я вылезла из-за стола.

— Ангел, что случилось с дядей Бобом? С ним все в порядке?

Ангел зло уставился на меня.

— Нет, блин, не в порядке. Ты вообще меня слушаешь?!

От беспокойства к горлу подкатил ком.

— Тебе нужно успокоиться, солнце. Расскажи мне, что произошло.

Сделав несколько глубоких вдохов, Ангел наконец смог объяснить:

— Он на вызове. Рано утром на Централ стреляли. Там, где завтраки подают.

— В блинной или «У Денни»?

— Там был мальчик, — не отвечая, продолжал Ангел. — Сидел и ел с мамой яичницу перед уроками. Что, на хрен, не так с людьми?!

Как только он сказал о мальчике, по спине медленно, как похоронный марш, пополз страх. Я должна была собственными глазами увидеть, что так расстроило Ангела.

— Милый, где сейчас дядя Боб?

— Что? — Ангел словно и не слышал меня вовсе, но постарался взять себя в руки. — Нет, не в блинной. В кафешке с желтой вывеской. Там еще солнце в углу.

— Ладно, кажется, я знаю, какое место ты имеешь в виду. — Я влила в себя огромный глоток кофе, схватила сумочку и бросила на стол несколько долларов. — Рядом с трамвайной линией, да?

Ангел кивнул, а я повернулась к мистеру Фостеру:

— Прошу прощения, мистер Фостер. Долг зовет. Я заскочу позже, если вы не против.

— Разумеется, — ответил он, закрыл блокнот и засунул его обратно во внутренний карман. — Надеюсь, все хорошо.

— Ага, я тоже надеюсь.

К сожалению, перестрелки, как правило, ничем хорошим не заканчиваются.

Все жалуется на погоду, но никто не хочет приносить в жертву девственницу, чтобы погода стала лучше.

Факт

Назвать встречу с мистером Фостером информативной нельзя было даже с натяжкой, но кое-что я все-таки узнала: пусть даже совсем чуточку, но он определенно видел потусторонний мир. Дважды я заметила, как он косился на Ангела, причем в обоих случаях Ангел двигался очень быстро. Если мистер Фостер похож в этом на Пари, то сущность Ангела виделась ему серой дымкой. А может, он такой же, как Квентин, в которого по уши влюблена Эмбер. Благодаря трагической одержимости этот парень видит призраков так же ясно, как и я.

На всех парах я помчалась обратно на Централ, в кафе «Солнечная глазунья». Ангел повидал немало, хотя умер больше двадцати лет назад. После всего увиденного его реакция была более чем странной. Наверняка все дело в мальчике, о котором он упомянул. И это доказывало, что под показной бравадой скрывается золотое сердце.

Вот только мертвые дети встречаются ему постоянно. Может быть, всему виной стрельба. Может быть, случившееся всколыхнуло воспоминания Ангела о собственной смерти. В конце концов, он тоже погиб от пули, о чем напоминала рана на груди в темно-алых разводах. И с этим напоминанием он будет существовать до тех пор, пока остается в этом мире.

Так права я или нет? Раньше я никогда толком не задумывалась, как Ангел справляется с тем, что видит. Он был рядом, когда я училась в старших классах, когда поступила в колледж и когда присоединилась к Корпусу мира. Он работал со мной с первого дня существования моего детективного агентства, которое я открыла больше трех лет назад. Казалось, ему все нипочем, но, видимо, такое впечатление было ошибочным. Как только выпадет шанс, надо будет хорошенько с ним поговорить.

Найти место преступления не составило труда. Мигалки и желтая лента — всегда плохой знак.

Припарковаться пришлось у отеля рядом с кафе, после чего я пошла на поиски любимого и, прошу заметить, единственного дяди. Он стоял у машины скорой помощи и разговаривал с медиком. Тот кивнул, пожал Дибби руку, залез в фургон, и скорая уехала, врубив собственные мигалки и сирену.

Дядя Боб повернулся и заметил меня в толпе зрителей за лентой. Я уже собиралась было ему помахать, но он сорвался с места и направился напрямиком ко мне.

Осмотревшись по сторонам, Дибби затащил меня под ленту и поволок к кафе.

— Что ты здесь забыла?

Сказать ему, что Ангел следит за каждым его шагом, я, конечно же, не могла. Потом придется рассказывать почему. А дальше о том, что ублюдок, который мог отправить его на тот свет, все еще разгуливает на свободе, и что нам удалось предотвратить первую и, надеюсь, единственную попытку убийства. А еще придется рассказать, что Дибби обречен на вечные муки, опять рассказывать почему, признаваться, что я в курсе, что он для меня

сделал, что должна ему по гроб жизни и безмерно его люблю.

— Чарли Дэвидсон, вы арестованы.

А может, не так уж и люблю.

— Ты не можешь арестовать меня только потому, что тебе так захотелось.

Остановившись у входа в кафе, дядя Боб щелкнул пальцами, подзывая одного из патрульных.

— Сейчас увидишь. — Взяв у офицера наручники, Диби развернул меня и сурово сдвинул брови. — У вас есть право хранить молчание.

Стоило мне увидеть зал кафе, я застыла. Повсюду перевернутые стулья, разбитое стекло и кровь. Очень много крови.

— Дядя Боб, что тут произошло?

— Все, что вы скажете...

— Мальчик, — выпалила я, вспомнив слова Ангела, и повернулась к Диби, но продолжала держать руки за спиной, хотя он успел застегнуть наручники только на одном запястье. — Тут был мальчик. Как он? Его ранили?

Диби устало вздохнул:

— Откуда ты знаешь, что здесь был мальчик?

— Шпионы доложили. Так что тут случилось?

Весь гнев из моего дяди испарился, и нахлынула печаль. Дядя Боб тяжело опустился на ближайший стул.

— Очередной день в большом городе.

Я присела рядом и положила ему на колено закованную в наручники руку.

— Ну а мальчик? Как он?

Спустя несколько долгих секунд Диби все-таки ответил:

— Поправится. Поймал по пуле в голову и в плечо. На голове царапина, а плечо заживет.

— Слава богу!

Я огляделась по сторонам. Парочка офицеров подозрительно пялилась на меня, явно не понимая, что я делаю на месте преступления, которое вдоль и поперек прочесывают эксперты.

— Стрельба в общественном месте, — проговорил дядя Боб, вновь осматривая последствия. — Бездомный зашел в кафе и стал стрелять по посетителям. Двое убитых, пятеро раненых.

— Мне очень жаль. — Ничего лучшего в голову не пришло. Что можно сказать, когда видишь результат настолько бессмысленного поступка? — Стрелка взяли?

Диби покачал головой:

— Ищут. В последний раз его видели на федеральном шоссе.

Больше он ничего сказать не успел, потому что зазвонил его сотовый. Чтобы ответить, дядя Боб встал и отошел на пару шагов. Я двинулась следом.

— Где? Только пальто? Отправьте туда детектива и узнайте, есть ли поблизости камеры наружного наблюдения.

Повесив трубку, дядя Боб развернулся и поначалу удивился, что я стою у него за спиной, пока не осознал, кто я такая. Последнее прекрасно объясняло мои поступки для тех, кто меня хорошо знает.

— Хорошие новости? — спросила я.

— Возможно. В трех кварталах отсюда нашли пальто, которое, вероятно, принадлежало стрелявшему.

— Странновато.

— В каком смысле?

— Зачем обычному бездомному избавляться от пальто?

— Чтобы сбить нас со следа.

— Сейчас холодно, а если он бомж, то это пальто у него наверняка одно.

Дядя Боб задумчиво опустил голову, а я внимательнее присмотрелась к последствиям стрельбы и спросила:

— Кто погиб?

— То есть?

— Кого застрелили?

— Женщину тридцати с чем-то лет и пожилого мужчину.

Я кивнула, прикусила губу и стала потихоньку впускать в себя эмоции зевая за полицейской лентой. Какой-то человек ощущался отдельно от общего фона, но я списала это на журналистский энтузиазм. Только репортера может привести в восторг стрельба с жертвами. Особенно если на месте преступления он среди своих коллег окажется первым. Значит, за лентой находился как минимум один репортер. Но почему тогда такую же реакцию я ощущала от еще одного зрителя, у которого не было ни удостоверения журналиста, ни оператора на подхвате?

— Кто погиб первым?

— Пока не знаем. У тебя есть какие-то догадки?

— Ладно, спрошу по-другому. Кто получил первую пулю?

— По данным веб-канала охраны и по словам нескольких свидетелей, сначала стреляли в погибшую женщину.

— Мальчик, о котором мы говорили, был ее сыном?

— Да, — ответил дядя Боб, стараясь смотреть на случившееся исключительно с профессиональной точки зрения.

Однако что-то его серьезно задевало.

— В чем дело, дядя Боб?

— Тот мальчик... Он выскочил перед матерью, чтобы ее защитить. — Дибби посмотрел на меня так, словно кусочки мозаики у него в голове начали вставать на места. — Сначала стрелок выстрелил в женщину. Потом мальчик встал перед ней, а стрелявший... — Не договорив, Дибби направился в коридор, ведущий в рабочие помещения.

Я посеменила туда же.

— О чем ты думаешь?

— Пока не знаю. Сейчас вспомнил, что стрелок, кажется, пытался убрать мальчика с дороги, но сам стоял так, что камера мало что засняла, поэтому трудно сказать наверняка.

Мы оказались в кабинете, где еще один детектив просматривал записи с камер видеонаблюдения. Он кивнул дяде Бобу и вернулся к работе.

— Можешь отмотать назад? — спросил у него Дибби.

Детектив отмотал запись, и перед нами развернулась кошмарная сцена. Когда выстрелили в женщину, я обеими руками зажала рот. А когда мальчик бросился защищать маму, возродилась моя вера в человечество. Может быть, мы до крайности испорченная раса, но в этом мире все равно больше хорошего, чем плохого.

Несколько секунд стрелявший пытался оттолкнуть мальчика, а потом выстрелил прямо в него, правда, очень продуманно. Затем принялся стрелять направо и налево. Большинство работников кафе и посетителей успели убежать. Оставшиеся попрятались за стойкой и под столами, но стрелок все-таки задел самых невезучих. В том числе и пожилого мужчину с тростью, который не успел бы укрыться, даже если бы захотел.

Перед тем как уйти из кафе, стрелявший остановился возле женщины, прицелился ей в голову и пнул. Видимо, удовлетворившись результатом, он сбежал с места преступления через заднюю дверь.

Я упала на стул. Дядя Боб оглянулся:

— Ну, милая, что думаешь? Это был ее муж?

— Да. Хотя скорее бывший. Сына он убивать не хотел, только если придется. Но точно хотел убить жену. Причем так сильно хотел, что готов был попутно убить и остальных.

Второй детектив смерил нас с Диби мрачным взглядом:

— И все это вы поняли по одной только записи?

— Он на улице, — сказала я дяде Бобу, — среди зевак. Может быть, в его машине вы найдете парик и липовую бороду. И он наверняка готовился, так что будет выглядеть обезумевшим от горя. Больше всего его порадует, если в новостях его покажут как настоящего мученика, когда вы сообщите ему о смерти жены.

Диби кивнул:

— А ты, случайно, не знаешь его имени или номера социального страхования?

Я подняла руку с наручниками.

— Тебе это понадобится.

— Ты все еще под арестом, — покачал он головой.

— Ладно.

Спорить я не собиралась. Диби из-за чего-то страшно переживал, и это что-то пожирало его живьем. Дело явно касалось меня, иначе он не настаивал бы на том, чтобы я отсиживалась дома и не подвергалась опасности. Пускай у меня и в мыслях не было слушаться, но я все равно уважала его мнение.

Сурово поджав губы, он подозвал офицера, чтобы снять с меня наручники.

— Хочешь поучаствовать? — спросил дядя Боб, имея в виду, хочу ли я поучаствовать в аресте.

— Наверное, нет. Лучше тебе самому с этим разобраться.

— Хорошо.

Я встала и крепко-крепко обняла дядю. Слава богу, у меня нет родственников, которые ради моего убийства стали бы изображать массовый расстрел. Веселимся мы по-другому. Иногда самым странным образом, но крови жаждем редко.

Возвращаясь к Развалюхе, я прошла мимо стрелявшего, остановилась и сделала шаг назад. Теперь все стало очевиднее некуда. Эмоции этого человека казались совершенно неуместными. Мне страшно захотелось посмотреть ему в глаза, чтобы он понял: мы все знаем. Я сама почувствовала, как выражение моего лица становится насмешливым, но ничего с этим поделать не могла.

Мужик был высоким и тучным, с огромным пивным брюхом, явно обещавшим ему инфаркт.

— В чем дело? — спросил он, с любопытством глядя на меня. Потом, видимо, решил, что я могу оказаться кем-нибудь важным, и выражение его лица мигом изменилось. На

смену любопытству пришло беспокойство, а потом и полнейшее отчаяние. — Моя жена... Мне кажется, она была там, в кафе.

Я шагнула ближе и уставилась ему в глаза.

— Кажется, значит? — Потом повернулась к дяде Бобу и махнула на мужика. — Это он.

Впрочем, в этом не было необходимости. Дибби стоял прямо за мной и наверняка не упустил бы подозреваемого.

Он кивнул:

— Спасибо, милая.

— Прошу вас, — продолжал спектакль мужик, — я лишь хочу знать, что с моей женой.

Она уже должна была вернуться домой.

Он всерьез рассчитывал, что дядя Боб расскажет ему, как бедную женщину застрелили в случайном и бессмысленном нападении. И надо признать, мужик отлично отыгрывал свою роль. Его лицо прямо-таки дышало тревогой, сомнениями и терзаниями. У меня возникло ощущение, что на всякий случай он даже припрятал в рукаве хорошую дозу отрицания.

Однако, когда Дибби прижал его к джипу и велел ближайшему офицеру взять его под стражу, пока судья не выпишет ордер на обыск дома и машины, прекрасно отрепетированное поведение рассыпалось, как карточный домик.

— В чем дело? Что происходит? Я всего лишь ищу жену!

Он честно пытался доиграть роль, но перспективка просидеть до конца жизни за решеткой кого хочешь заставит понервничать. Из-за паники у мужика скукожились легкие, и, когда подошел офицер с наручниками, он начал сопротивляться. Чтобы повязать его и затолкать в джип, понадобилось целых три патрульных.

Не в силах больше выдерживать присутствие подонка, я нашла Развалюху, залезла внутрь и бог знает сколько просидела в ступоре.

Теперь мне ужасно хотелось завоевать мир и управлять им не так, как управляет Иегова. Он дал людям автономию, свободу выбора между добром и злом. Но что я-то могу сделать иначе? Исцелить болезни? Положить конец насилию? Стереть с лица земли остатки расизма?

— Иегова прав, — сказала я ангелу, который стоял у пассажирской двери и заглядывал в салон Развалюхи. — Контролировать человечество, даже совсем чуть-чуть... не выход. Чем тогда все закончится? Люди станут здоровыми и будут жить сотни лет, продолжая рожать детей. Земля станет такой перенаселенной, что нам придется собрать остатки ресурсов и искать другой мир. И что тогда? — Я вопросительно подняла брови. — Жизнь — это цикл. Я понимаю, правда. Он может вмешаться, только если его попросят. В молитве. Таков был уговор.

Слушая мои излияния, ангел склонил голову набок.

— Но ведь людей, которые все портят, не так уж много, понимаешь? Я к тому, что какого, блин, черта просто не развестись? А еще все эти несчастные случаи... Трагические, которые невозможно предотвратить... Все они кажутся ужасно несправедливыми. Я о тех, где никто не виноват. О тех, которые происходят по необъяснимым причинам. — Я сердито уставилась на небесное создание. — А мне нужны объяснения! Вот Каррен, например. Чтс такого он сделал?

Понятия не имею, с чего вдруг я решила открыть душу ангелу. Может быть, я слишком много повидала и уже насмотрелась по самое не хочу. А может, все дело в чудесном маленьком мальчике, который прошел через меня, и чья сущность все еще клубилась внутри.

Этот мальчик родился у достойных родителей, в любящей семье. А потом меня швырнули лицом в доказательство, что не все родители одинаковые. Не все соответствуют такой высокой планке. Некоторые, чтобы устранить помеху, стреляют в собственных детей. Другие бросают своих детей, совершают отвратительные поступки или делают вид, будто их дочери не существует.

— А знаешь что? Я солидарна с Ангелом. Поэтому я тоже увольняюсь.

Но ангел продолжал молчать с нечитабельным выражением лица.

Разливавшаяся все это время в животе ярость вспыхнула, словно к бензину поднесли спичку. Меня тошнило от того, как зверски поступают друг с другом люди. Мужчина стрелял в сына, чтобы убить жену. Я даже увидеть не могу свою дочь, чтобы не подвергнуть ее жизнь опасности, а кто-то берет и стреляет в собственного сына.

Стерев льющиеся ручьями слезы, я злобно уставилась на ангела. Он был здесь, в этом мире. И ничего не сделал. Могучее небесное создание молча стояло рядом и позволило тому мужику причинить вред стольким людям!

Тут-то и расходятся наши с Иеговой пути. Он мог хоть что-нибудь сделать. Мог остановить этот кошмар.

Я могла остановить этот кошмар.

Мир вокруг задрожал, и я закрыла глаза, глубоко вздохнула и попыталась усмирить клокочущую внутри ярость. Сердце бешено билось. Я должна была его успокоить. Как-то сгладить бурлящие эмоции, которые грозили разорвать меня на куски.

Вцепившись в руль так, что побелели костяшки, я крепко зажмурилась, но внезапно даже с закрытыми глазами стала ясно и четко видеть мир. Ничего не понимая, я поморгала, а мир накренился и стал вращаться с дикой скоростью. И тут меня осенило: мои молекулы начали распадаться.

До скрипа стиснув зубы, я старалась взять себя в руки, но ничего не получалось.

Из-за сдвига в реальности вокруг все тряслось. Мимо пронеслось время, и меня словно выдернули из одного места в другое. Под ногами оказалась сырая земля. Салон Развалюхи превратился в деревья, кусты и траву. До меня медленно доходило, что я уже не в Канзасе [18](#), разве что в Канзасе вдруг разрослась густая изумрудная зелень, воздух стал холодным и свежим, и где-то поблизости появился океан, разбивающий волны о камни.

А это очень маловероятно.

***

Стараясь сориентироваться, я снова и снова крутилась вокруг своей оси. Деревья. Луга. Опять деревья. Опять луга. Лежавший передо мной поразительный и неистовый в своей красоте пейзаж казался прямой противоположностью тому, что я привыкла видеть в Нью-Мексико.

Когда я вышла из себя в прошлый раз, меня занесло в штат Нью-Йорк. Однако плеск волн подсказывал, что я все-таки не в Нью-Йорке. Само собой, я училась перемещаться с помощью дематериализации, но до сих пор с трудом контролировала, где в итоге окажусь. Да что там! Не контролировала вообще. Так что одному Богу известно, где я очутилась на этот раз. Точнее Богу и моему старому доброму другу по имени GPS.

Молясь про себя, я похлопала по карманам юбки, но телефон так и остался в Развалюхе с сумкой, курткой и всеми документами.

Накатила паника из тех, когда обливаешься потом. Если я здесь умру, никто не узнает,

кем я была. Мое тело никогда не найдут, а если и найдут, то вряд ли сумеют опознать. Разве что заметят маленькую татуировку, которую сделала мне на запястье Пари, — надпись жирным шрифтом «МИССИС РЕЙЕС ФЭРРОУ». Может быть, это станет подсказкой. И все таки...

Надо срочно разобраться с этим дерьмом. Но сначала надо вернуться домой. Можно, конечно, дематериализоваться и попробовать найти обратный путь, но, зная меня, я вполне могу нарисоваться в тренировочном лагере террористов, в мужской тюрьме или в рекламе прокладок.

Выбора не было. Пришлось идти пешком.

С одной — хорошей и светлой — стороны, за мной не таскались ангелы.

А с другой, плохой и темной... Ну нет, темной стороне меня не заграбастать.

Повторяя эту мантру и изо всех сил взывая к своему внутреннему Люку Скайуокеру, я шла, кажется, уйму часов. Причем такого пейзажа отродясь не видела. По крайней мере в реальной жизни. Все вокруг было в камнях, траве и деревьях и пахло свежестью, словно кто-то смешал аромат земли, соль и озон. Звук плещущейся воды манил, и я вышла на поразительной красоты утес высотой метров в тридцать. Об острые, торчащие внизу камни разбивались белые волны. Потом я повернула направо, потому что внезапно решила, что это правильный путь.

От всего вокруг захватывало дух, но у меня было дел по горло, зато совершенно не было времени бродить по окрестностям в поисках признаков жизни.

Минуточку! А если я не переместилась с места на место, а вернулась назад во времени? Такое может быть? Покопавшись в памяти, я вспомнила все, что знаю о динозаврах. Все знания, как оказалось, свелись к двум фактам: плоские зубы — динозавр травоядный; острые зубы — беги, да побыстрее.

Мысленно я велела себе бежать в любом случае.

Еще семнадцать часов (или тридцать минут) спустя я заметила одинокий домик, примостившийся между двумя каменистыми холмами, как пристанище, настоящее святилище для заблудших путников. Или как логово маньяка. Так или иначе, вариантов было негусто, поэтому я пошла к дому.

Через два года, едва дыша и замерзнув до полусмерти, я постучала в дверь самого очаровательного домика из тех, где, по моим прикидкам, мог обосноваться серийный убийца. Открыла женщина лет пятидесяти с круглым лицом и румяными от суровых ветров в этой странной местности щеками.

— Божечки святы! — воскликнула она (кажется, именно такими словами), удивившись при виде меня не меньше, чем я удивилась ей. Потом отвернулась и крикнула кому-то в доме: — Берни! К нам девица нагрязнула!

— Хоть не жулька? — отозвался мужской голос.

Женщина смерила меня оценивающим взглядом:

— Да не похожа. Топлянка скорее.

Чтобы унять дрожь, я обняла себя и увидела, как к порогу подходит мужчина того же возраста, что и открывшая мне женщина. Его глаза блестели от волнения.

— Никак, девчура заскочила?

Женщина кивнула.

— Чавой на холоде таком шастаешь?

У них был такой сильный акцент, что я с трудом понимала, на каком языке они говорят.

— Эм-м, вы говорите по-английски?

Берни расхохотался и хлопнул себя по колену, а женщина, имя которой я пока не знала, проговорила:

— На нем и говорим, милочка.

— Простите.

Я знаю все языки, на которых когда-либо говорили на земле, причем и живые, и мертвые. Но с диалектами всегда нарываюсь на трудности. Как, например, с шотландским переливчатым говором.

— Вы правы. А я... — Произносить слова вслух было почему-то очень непросто. — Я в Шотландии?

Женщина весело рассмеялась:

— Ну какая ж ты прелестница! Ходи в дом, пока не простыла.

— Спасибо.

Я переступила порог, и мужчина куда-то поспешно ушел, но вернулся с одеялом, которое набросил мне на плечи.

— Грех вот так ходить, — сказал он, показав на мой наряд.

И, наверное, был прав. Я так промокла, что одежда больше показывала, чем скрывала. Если приютившие меня люди были религиозными, то вполне могли счесть такой внешний вид неподобающим.

— А то как же, — скептически поддакнула женщина, сердито воззрившись на мужа. — Это ж такой кошмар — увидеть добрую девицу почти что в неглиже!

Берни пожал плечами:

— Может, чаю?

— Девчурка явно из Америки, дурень!

— И то правда. Тогда кофею?

Это я уж точно поняла. Я все еще функционировала на одной чашке, а значит, больше не протяну ни минуты.

На моем лице расцвела улыбка. Точнее я надеялась, что именно так все и было, потому что лицо настолько замерзло, что я его практически не чувствовала. С тем же успехом я могла пустить слюни.

— С удовольствием.

Парочка принялась готовить «кофей», и наблюдать за ними было все равно что смотреть американский ситком. Они были ужасно забавными и так подшучивали друг над другом, что в каждом слове сквозили любовь и саркастичное благодушие. Как раз мой тип людей.

Когда я набила живот «бисквитами», которые вообще ни разу не бисквиты по нашим меркам¹⁹, Бертрис и Берни предложили мне воспользоваться их телефоном.

— Огромное спасибо! — ответила я, хотя понятия не имела, как дозвониться в Америку.

Бертрис показала, как вызвать оператора, и в итоге, после семи неудачных соединений, телефон таки достучался до другого конца света. Однако приблизительно на третьем гудке мои мысли унесло совсем в другую степь.

Я стояла в темном коридоре. На самом деле дом оказался круглым, а прямо посередине в нем находился деревянный восьмиугольный чулан. Я шагнула ближе, осмотрела резьбу и поняла, что дверь сдвигается в сторону.

Браммелы пользовались чуланом как кладовой, вот только я уже видела точно такую же

комнату в монастыре, где мы с Рейесом просидели в изоляции восемь месяцев. Целую вечность мы выясняли, как открыть чулан, а потом оказалось, что в нем мой свет исчезал с радаров сверхъестественной реальности. Причем исчезал полностью, будто просто-напросто испарялся.

Заблокировать мой свет не могут ни помещения, ни материалы, ни банковские хранилища. Даже сама Земля его не скрывает. Призраки видят его из любой точки мира, и именно мой свет, как маяк, указывает им путь к порталу, через который они могут перейти, когда будут готовы.

Единственный раз мой свет исчез несколько месяцев назад, когда я вошла в монастырский чулан. Тот, который находился сейчас передо мной, выглядел точно таким же, вплоть до дерева, из которого его соорудили.

— Чарли?! — в прямом смысле слова проорала в трубку Куки.

Слава богу, она приняла вызов, который ей придется потом оплатить. Второй раз я такое не переживу.

Домик стоял буквально на лоне природы, поэтому я ожидала, что связь будет так себе. Чего я точно не ожидала, так это ужаса в голосе подруги.

— Привет, Кук! Ни за что не догадаешься, где я.

— Где ты? — в панике спросила она.

— Так я и думала. Ни за что не догадаешься.

— Чарли, — укоризненно протянула Куки самым материнским на свете тоном.

— Фиг с тобой. Я в Шотландии, а этот звонок наверняка обойдется нам в копейку.

— Чарли, сейчас не время шутить.

— А я и не шучу. Звоню по стационарному телефону, так что готовься выложить целое состояние, подруга.

— Я и так поняла, о чем речь. Значит, ты в Шотландии?

— Прикинь! Случайно занесло.

Видимо, до Куки начало доходить.

— А ты... ты помнишь, кто ты такая?

— Помню, Кук. Воспоминания при мне, зато все остальное улетучилось. Ни денег, ни телефона, ни паспорта. Попадусь копам — мне конец. А еще я понятия не имею, как вернуться домой, но ни при каких условиях не говори...

— Ты пыталась трижды стукнуть каблуком о каблук и сказать «Нет места лучше, чем дом родной»²⁰?

— Я серьезно, Кук. Ничего не говори Рейесу. Умоляю.

Услышав в ответ затянувшуюся тишину, я осторожно спросила:

— Он рядом, да?

— Как тебе сказать...

— Погоди-ка. — Я закрыла глаза и на несколько секунд поддалась смеси смущения и облегчения, потому что почувствовала прямо за спиной до боли знакомый жар, силу и беспокойство. — Забудь.

— Прости, Чарли. Он тут метался из угла в угол и...

В этот момент Рейес протянул руку и разъединил звонок. Потом шагнул ближе, искупав меня с ног до головы в тепле, которое наполнило каждую клеточку и каждый темный уголок, наклонился и прошептал мне на ухо:

— Объяснишься, или как?

В конце концов я повернулась к нему лицом. Рейес возвышался надо мной. В его глазах плескались любопытство, тревога и капелька гнева. Я не знала, что сказать, поэтому решила сменить тему.

— Тебе этот чулан знакомым не кажется?

Рейес не обернулся и не отвел от меня глаз. Выражение его лица ни на йоту не изменилось.

— Он похож на тот, что был в монастыре, — добавила я.

— Неужели? — Он напрочь отказывался посмотреть на то, о чем мы говорили. — Довожу до твоего сведения, что прямо сейчас один из ангелов с раной от меча объясняет Иегове, как именно он ее заполучил.

— Рейес, — взвилась я, — что ты натворил?

— Что я натворил? — переспросил он и застыл, как статуя.

— Ну да. — Я его толкнула, но он ни на миллиметр не сдвинулся. — Ты ввязался в драку с ангелом?!

— С тремя. Я решил... — Рейес стиснул зубы, но отступить явно не собирался. — Решил, что они тебя забрали.

— Чего?! — офонарела я, но в то же время почему-то почувствовала себя польщенной. — С чего им меня забирать? Нет, минуточку. Куда бы они меня забрали?

— Не важно. Почему ты здесь?

Он осмотрелся по сторонам, и в этот момент у него за спиной появился Берни с мрачным лицом.

— Неси-ка мне тесак, женушка. Сейчас тут заварушка начнется.

— Берни, подождите, пожалуйста. — Я обошла Рейеса и подняла руки. — Это мой муж. Он пришел за мной.

Берни продолжал сверлить Рейеса взглядом, и тут прибежала Бертрис со здоровенным ножом.

— Как по мне, тут одного увесистого пинка хватит.

— Все в порядке, честное слово. Он хороший парень.

Берни остыл, правда, совсем чуть-чуть.

— Нечего тебя тискать, если ты того не хочешь.

Я повернулась к мужу:

— А Берни прав.

Смерив меня сердитым взглядом, Рейес сложил руки на груди, а потом, сразив меня наповал, сказал хозяину дома с чистейшим шотландским акцентом:

— От драки-то я не откажусь, но предупреждаю: меня голыми руками не возьмешь.

Тут-то я и растаяла. Немножко. Где-то в области колен.

*Слава богу, мне не нужно охотиться, чтобы есть.
Понятия не имею, где обитают тако.*

Мем

С раздувающейся от силы и бесстрашия грудью Берни шагнул к моему мужу:

— Возьмешь или нет, а еще разок вот так ее затиснешь — умоешься собственной кровью.

Несколько напряженных секунд они с Рейесом стояли нос к носу, пока Бертрис не хлопнула мужа по спине.

— Хорош, Берни. Этот пострел сведет тебя в могилу раньше, чем моргнуть успеешь. — Взглянув на меня, она подмигнула. — Ярый он у тебя, скажи?

— Ага, — отозвалась я, беря Рейеса под руку. Я понятия не имела, говорит Бертрис о храбрости или как-то по старинке о красоте, поэтому просто согласилась. — Еще какой ярый. Знакомьтесь, это Рейес.

Берни пожал Рейесу руку. Покончив с недопониманием, мы принялись за бисквиты. Кому могут не понравиться бисквиты, которые на вкус как сладкие печенюшки?

***

Попрощавшись с хозяевами дома, мы пообещали заскочить как-нибудь еще. У меня из головы не шел чулан. Вряд ли это простое совпадение.

Пока мы шли в темноте, я поняла, что рядом с Рейесом не так холодно. Как будто со мной был мой личный обогреватель и варитель латте. О да, этот мужчина однозначно умеет варить латте.

К тому же, он отдал мне свою куртку, которая укрывала меня, как большущее удобное одеяло, и пахла, как он. С большим трудом давалось не уткнуться носом в воротник и не вдохнуть родной запах.

Я не представляла, как нам вернуться домой (Рейес ведь буквально телепортировался сюда), поэтому повернулась к нему.

— Итак, — начала я, видя, как мое дыхание превращается в туман, — есть идеи, как нам добраться до дома?

Мы остановились в гуще деревьев. Прислонившись спиной к одному из них, Рейес пристально за мной наблюдал. А когда заговорил, в его голосе звучали все те же шотландские переливы, от которых таяли колени и труссы. В основном, конечно, труссы.

— Иди сюда, девчурка.

И я пошла. Разве можно было не пойти? Он привлек меня к себе, и в его объятиях, как всегда, было тепло и безопасно.

— Расскажешь, что произошло? — спросил он с обычным акцентом, но эффект почему-то оставался прежним.

Я пожалала плечами. Хочет поговорить — будет ему разговор.

— А ты расскажешь, почему хочешь, чтобы я бросила дело Фостеров?

Рейес напрягся, посмотрел куда-то вдаль, но ничего не сказал.

— Тогда как насчет того, что ты бог? В смысле ты практически только что об этом узнал. Ну и что ты обо всем этом думаешь? Что помнишь?

Ответом мне опять была тишина.

— Может, поговорим о божественном стекле? Тебя ведь явно расстраивает, что оно у меня.

И снова ни ответа, ни привета.

Вырвавшись из объятий мужа, я отошла к ручью, где в бурлящей воде поблескивала луна.

— Ну ладно. Всегда можно поговорить об обещании, которое ты дал Михаилу. Это-то ты точно помнишь.

Когда я повернулась, Рейес опять смотрел на меня. Глаза мерцали, словно в глубоких темных омутах танцевал лунный свет.

— Ты обещал ему прогнать из этого мира всех трех богов Узана. Ясное дело, он обвел тебя вокруг пальца, потому что тогда ты понятия не имел, что состоишь в этой троице. Но, может быть, есть какая-нибудь лазеечка? Как нам из этого выпутаться? — Я помолчала. Правда, недолго. — А по поводу божественного стекла... Там внутри невинные души. А теперь с ними в ловушке демон-убийца по имени Куур и злобный бог Мэлдисан. Я обязана вытащить оттуда невинных. Уже всю голову сломала, но так и не придумала как. Я ведь даже не представляю, как выглядит ад.

К этому моменту я уже практически озвучивала собственный поток сознания. Если Рейес не хочет со мной поболтать, я поболтаю сама с собой. Между прочим, я прекрасная компания.

— По словам Куура, вытащить душу из этого ада можно только одним способом — открыть медальон и произнести имя человека. Одна загвоздочка: освободить душу может только тот, кто ее туда послал. И если дела обстоят именно так, то у нас серьезные неприятности. Не говоря уже о том, что ни одного имени мы не знаем.

Я уже сто раз прокляла на чем свет стоит садиста-священника, который в пятнадцатом веке отправил в ад всех этих людей. Какие они теперь? И там ли они до сих пор? Осталось ли от них хоть что-то разумное, что нужно спасти? Представить страшно, что могут сотворить с душой шестьсот лет в адском измерении, но уж точно ничего хорошего.

— А знаешь, я тут размышляла о своих родственниках с твоей стороны. — Я медленно пошла к Рейесу, непреодолимо желая искупаться в его тепле, почувствовать его запах и ощутить силу, непрерывно гудящую в нем, как бездонный источник энергии. — То есть со сверхъестественной твоей стороны. Выйдя за тебя замуж, я стала снохой Сатаны, Иегова мне теперь деверь, а Иисусу я, получается, тетя. Обширное у нас, надо сказать, семейство. Кстати, ты не в курсе, что такое пожирательница богов? Похоже, я показала помощнику прокурора Нику Паркеру что-то пророческое, и он обозвал меня пожирательницей богов. — Я отвернулась от Рейеса, чтобы развеять чары, которые он явно пытался на меня наложить. — Вроде бы еще ад должен замерзнуть, так что это не просто поговорка, а все по-настоящему.

— Они меня не заслуживают.

Я резко развернулась и увидела, что Рейес перестал на меня смотреть и опустил голову.

— Кто тебя не заслуживает?

— Лоэры.

Я шагнула к нему, ничего не понимая. Лоэры — его биологические родители. Точнее

его человеческие родители. Из всех людей на земле Рейес выбрал именно их. Теперь они берегут Пип, заботятся о ней и любят так, как не смог бы никто другой.

— Рейес, они хорошие люди. И они заботятся о Пип, как о собств...

— Вот именно. Хорошие. Они не заслуживают меня, потому что я плохой. Фостеры оказали им услугу.

Как только до меня дошел смысл сказанных слов, я начала понимать, почему Рейесу не хотелось, чтобы я занималась делом Фостеров.

— То есть ты считаешь, что ничего страшного они не сделали?

— Я считаю, что они поступили правильно.

— Правильно? — Я положила ладонь ему на грудь. — Так в этом все дело?

Рейес опять не ответил, но под натиском неприятных эмоций стиснул зубы. А потом наконец проговорил:

— Мне кажется, они видят сверхъестественный мир. Наверняка не полностью, но достаточно, чтобы...

— Распознать зло?

Он засунул руки в карманы.

— Нет, но, вероятно, именно так они и находят своих жертв. Я так понимаю, ты с ними разговаривала? С мистером Фостером тоже?

— Да. Утром ездила к нему в офис.

— Они тебя любят. Как и Шона.

— Как и Шона? Почему? Он-то тут причем?

Рейес отвернулся. В теплом свете желтой луны профиль с идеальными углами и чувственными чертами почти сиял. На щеках от ресниц лежали темные тени. Эффект весь вид Рейеса оказывал поразительный.

— А что такого в Шоне? Я ничего особенно не заметила, кроме чистой ауры.

— Потому что ты никогда не заглядываешь глубже того, что лежит на поверхности. Всегда полагаешься только на человеческие эмоции.

— Пока они меня еще ни разу не подводили. И что значит заглядывать глубже? В смысле смотреть из другого измерения? — Молчание со стороны мужа я приняла за положительный ответ. — Ладно, пусть так. И что бы я увидела, если бы присмотрелась повнимательнее?

— Мою полную противоположность.

Супер. Рейес решил говорить загадками. То бишь собеседник сейчас из него был, прямо скажем, не очень.

— Противоположность, говоришь. Как тьма и свет?

Наконец Рейес посмотрел мне в глаза.

— Он нефилим.

— Нефилим? То есть...

У меня отвисла челюсть, и приблизительно на час я лишилась дара речи. Как так может быть, что нефилимы — наполовину люди и наполовину ангелы — настоящие?

— Они и правда существуют?

— Шон произошел от союза григори²¹ и человека.

— А сам он в курсе?

— Сомневаюсь.

— Святой ежик! — Я вернулась к ручью. — Это обалдеть какая новость! Как найти

Ноев ковчег. Или Святой Грааль. Или потерпевшее крушение НЛО.

— Все не так просто, как тебе кажется.

Я повернулась к Рейесу:

— Не так просто?! Почему я вообще ничего такого не знала?

— Лучше тебе вернуться ко мне. — На красивых губах заиграл намек на улыбку.

— Лучше нам вернуться домой.

— Тогда тем более тебе надо подойти сюда.

Я подошла к мужу, и он снова заключил меня в объятия.

— Держись покрепче, — предупредил он, и я расслышала в глубоком голосе нотки веселья.

— Минуточку! Сегодня утром ты бы и правда меня бросил?

Рейес наклонился и шепнул мне на ухо:

— И ты бы грохнулась прямо на задницу.

Не успела я ответить, как мне в лицо захлестал, завыл, заклубился потусторонний мир. Внезапно все исчезло, и мы оказались в кабинете Рейеса.

Покачнувшись, я пришла в себя и сердито уставилась на мужа.

— Это просто ужас какой-то! — продолжила я с того места, где мы закончили, отчаянно жалея, что не могу точно так же контролировать свои перемещения. — Ты должен заботиться обо мне, защищать и готовить мне тако!

— Я тебя умоляю! — Рейес уселся за стол, развалился в кресле и опять принялся пристально на меня смотреть. — В тот день, когда тебе понадобится чья-нибудь защита... ну, замерзнет ад. Впрочем, сомневаюсь, что старый добрый папочка оставит все как есть. Поэтому, полагаю, мне стоит за тобой приглядывать. А до тех пор...

Ладно, с этим я жить могу.

— Как думаешь, когда приблизительно я должна превратить логово твоего папочки в шоу «Адские танцы на льду»?

— Здорово, босс, — проговорила появившаяся в дверном проеме голова Сэмми. — Фритюрница опять накрылась.

Я тут же вставила свои пять копеек:

— Карбюратор проверял?

Вот что бы они без меня делали?

Сэмми рассмеялся и покачал головой:

— Что, Дэвидсон, опять бросила пить таблетки?

— В смысле? Тебе кто-то что-то рассказал?!

— Я позвоню Солу, — проговорил Рейес.

И все?

Сэмми показал ему большие пальцы, а в мой адрес покрутил пальцем у виска. Меня тут явно недооценивают.

Но все это ерунда. Рейес наконец-то разговорился, и я не стану упускать такую возможность только потому, что ему надо звонить какому-то Солу.

Рейес взял телефон, а я продолжила свой спич:

— Короче говоря, у меня есть идея по поводу божественного стекла. — Помолчав, я подождала реакции, но никакой реакции не было. — Существуют определенные правила, так? Я не знаю имена людей, которых послал туда гадский священник, и сама я тоже никого туда не посылала. Зато я могу сгонять в ад и притащить оттуда гада.

Покачав головой, Рейес оставил сообщение Солу на голосовой почте, повесил трубку и сказал:

— Ты не понимаешь. Люди не горят в аду целую вечность. Это миф. Того священника давным-давно нет.

— Зато люди в адском измерении в камешке все еще есть. Может, нам его просто разбить?

— Насколько я могу судить, божественное стекло — это врата. Портал в адское измерение. Вдруг вместо того, чтобы освободить людей, ты заключишь их там навеки? А может быть, разбив камень, ты разрушишь весь мир внутри него, и люди окажутся в вечной ловушке?

Что ж, Рейес прав. Я удрученно уселась напротив него.

— Кроме того, если это действительно божественное стекло, очень сомневаюсь, что его можно взять и разбить молотком.

И тут он тоже прав.

— Тебя беспокоит, что кулон у меня?

— А должно беспокоить?

Я распласталась по столу. Иногда этот мужчина просто невыносим!

Рейес еле слышно рассмеялся.

— Тебе, наверное, работать надо.

— Обойдутся без меня. Не хочешь поделиться, как тебя занесло в Шотландию?

Я пожала плечами, ощущая тяжесть его куртки:

— Я разозлилась.

— На меня?

— На мужиков вообще.

— Ясно.

— Ты знаешь, когда я родилась?

— Не понял.

— Ну, в какой эре? Сколько мне лет? Речь идет о мезозое? Или сразу не мелочась о палеозое?

— Не знаю. Твой мир намного старше, чем этот.

Я тут же выпрямилась.

— Старше?!

— Обычный подход тут не прокатит. В разных измерениях время течет по-разному. Хронологическая структура на земле не совпадает с хронологической структурой твоего мира. Поэтому трудно сказать что-то наверняка.

— Это вежливый способ намекнуть, что я настолько древняя, что установить мой возраст можно только с помощью радиоуглеродного анализа?

— Да, — источая сарказм, ответил Рейес. — Именно так.

— Ладненько. Ну а как насчет тебя? Сколько тебе лет? Тебе и Иегове? И каким образом вы стали братьями? Значит ли это, что у вас есть мама и папа?

Рейес задумчиво нахмурился, но лишь на мгновение.

— Не помню. К тому же, вряд ли тут работают человеческие схемы.

— Прощу прощения. Ну а что тогда ты помнишь?

Глубоко вздохнув, он опять откинулся на спинку кресла.

— Я помню, что обращался с тобой по-скотски. И знаю, что ты этого точно не

помнишь, потому что если бы помнила, то ненавидела бы меня всеми фибрами души.

— Очень сомневаюсь. Но почему ты так ужасно ко мне относился?

Рейес задумчиво прикусил нижнюю губу.

— Ты же знаешь, как в младших классах мальчики таскают за косички девочек, которые им нравятся?

— Я тебе нравилась? Минуточку! Ты таскал меня за косички?!

— Ты, за неимением более подходящей фразы, была мне не по зубам.

Я фыркнула и только потом заметила, что Рейес не шутил.

— Видишь ли, в это довольно трудно поверить. Когда в последний раз ты видел себя в зеркале?

Несколько долгих секунд он молча смотрел на меня, а потом спросил:

— Ты простишь меня, если вспомнишь?

Я обошла стол, прислонилась к нему задницей и уставилась на мужа.

Он не возражал.

Как так вышло, что мы с этим мужчиной оказались на одной орбите? И это я ему не по зубам? Вот уж вряд ли.

Придвинувшись ближе, Рейес обеими руками сдвинул мою юбку вверх, посмотрел мне в глаза и сказал глубоким бархатным голосом:

— Скажи «да».

— Да.

От предвкушения в животе поднялся трепет.

Усадив меня на стол, Рейес снова отодвинулся, и горячий взгляд прошелся по мне сверху вниз, задержался на миг в районе «молнии» на юбке и скользнул дальше по ногам.

Под тканью джинсов отчетливо виднелись очертания члена, и мой пульс ускорился.

Не успела я и глазом моргнуть, как Рейес взял и поставил мою обутую ногу на подлокотник. Потом сделал то же самое с другой ногой и раздвинул мне колени. Лишь после этого он крепко сжал мои щиколотки прямо через ботинки, откинулся на спинку кресла и снова смерил меня взглядом.

Слава богу, Сэмми закрыл дверь, иначе посетители бы не только покушали, а еще и на шоу поглазели.

Пристально глядя мне в глаза, Рейес проговорил:

— Намочи пальцы.

Я подняла руку ко рту.

— Не здесь.

Немало удивившись, я опустила ладонь между ног и скользнула пальцами в трусы, а когда пальцы оказались внутри меня, тяжело задышала.

— Глубже.

Я послушалась, ощущая, как в животе завихрилось желание.

Дыхание Рейеса тоже стало тяжелым.

— Погладь клитор.

И снова я сделала, как мне велели. Вот только первобытный голод, отразившийся в глазах Рейеса, возбуждал сильнее, чем мои собственные прикосновения.

Несколько долгих мгновений он просто наблюдал, а потом поерзал, словно в джинсах ему стало тесно.

И вдруг глубокий бархатистый голос проговорил:

— А теперь кончи.

Это был четкий и ясный приказ. Никогда в жизни я не ублажала себя у кого-то на глазах. Однако выражение лица мужа и мерцавшее в глазах желание убедили меня, что терять абсолютно нечего.

Прикасаясь к себе двумя пальцами, я смотрела, как возбуждение Рейеса становится все более заметным. Пальцы у меня на щиколотках сжались крепче. Скулы стали резче из-за стиснутых зубов. Чтобы лучше видеть происходящее, Рейес сдвинул мои трусы в сторону, и внутри меня разгорелся нешуточный пожар. Между ног все набухло, и каждое новое прикосновение ощущалось все острее и острее. Я бы взорвалась от легчайшего касания длинных пальцев, но Рейес лишь молча смотрел.

Внезапно он повернулся и осыпал мое колено легкими поцелуями. Моя кожа так натянулась, что каждый поцелуй отзывался болью. Мне хотелось большего. Хотелось ощутить на себе горячие губы, почувствовать внутри внушительный член.

Вот только Рейес опять вернулся к наблюдению. Начала я медленно, но постепенно угольки разгорались, пожар разливался по всему телу, и мои пальцы, словно сами по себе, задвигались быстрее.

Не в силах больше бездействовать, Рейес встал, задрал мой свитер и стянул вниз лифчик, открыв себе доступ к затвердевшим соскам. Потом навис надо мной и втянул губами сначала один, а за ним и другой. Прикосновения горячего языка казались по-настоящему обжигающими и рождали ощущение, будто между сосками и клитором натянуты невидимые струны. Напряжение росло. С каждым движением языка Рейеса он сам дышал все чаще, а я, дрожа с ног до головы, схватилась свободной рукой за край стола. Еще несколько секунд, и внизу живота разлилось знакомое, сладкое до боли наслаждение. Такое острое, что содрогнулись все мышцы, и такое горячее, что им наполнилась каждая клеточка. Подсунув мне под спину руку, Рейес прижал меня к себе, и я выгнулась, не в силах контролировать собственное тело.

Не знаю, громко ли я стонала, но, когда он расстегнул джинсы, мне уже было все равно — шепчу я его имя или кричу до срыва голоса.

Примостившись у меня между ног, Рейес легко оказался внутри. С каждым ударом моего бешено бьющегося сердца все еще пульсировал волнами экстаз. Когда член оказался во мне, именно там, где я так ненасытно жаждала его почувствовать, следующая волна разрослась до небес, и меня вновь затопило жидкой, горячей, восхитительной лавой, подарившей телу самые невероятные на свете ощущения.

Однако Рейес не двигался, а только крепко прижимал меня к себе, лишая возможности пошевелиться. И все это время отголоски моего оргазма сжимали и отпускали член, пока не взорвался и Рейес. Схватив за волосы, он еще крепче прижал меня к себе, и из широкой твердой груди вырвался стон. Все вместе казалось настолько неземным, настолько потрясающим, что я чуть не кончила еще раз.

Не отрываясь друг от друга, мы наслаждались близостью и плыли на последних волнах экстаза, пока оба не перестали дрожать.

Сжав меня обеими руками, Рейес выдохнул:

— Охренеть.

Я мысленно согласилась, вот только еще не готова была его отпустить. И Рейес, вместо того чтобы привести себя в порядок, поднял меня со стола и сел в кресло вместе со мной. Все еще находясь во мне.

— Поцелуй меня.

Это был еще один приказ, который я с удовольствием выполнила. Но на этом, ей-богу, все.

Едва мои губы коснулись губ мужа, я почувствовала, как он улыбается.

Отодвинувшись, я облизнулась, почавкала и облизнулась опять.

— Ты на вкус — как сахарная вата.

Рейес с довольным видом улыбнулся:

— Неужели?

— Ужели.

Он тоже облизал губы и задумчиво запрокинул голову.

— А ты на вкус как...

— Жаркое? — предположила я, а когда Рейес усмехнулся, продолжила: — Мясо в чили? Булочки с корицей? Аккумуляторная кислота? Блин, мне надо прекращать этим питаться.

— Как соль, — сказал он наконец. — Морская.

— Из Шотландии?

Он кивнул, и я придвинулась ближе.

— Поверить не могу, что побывала в Шотландии. Ты хоть представляешь, сколько мы можем сэкономить на перелетах? Кстати, надо назвать твой член Вампир Лестат.

— Серьезно? Я думал назвать его Буйный Джонни²².

— Ну ладно, — хихикнула я, — давай позже обсудим этот вопрос.

Пока мы сидели, дверь слегка приоткрылась, и чья-то рука бросила ключи на журнальный столик. Причем ключи были мои. Видимо, Рейес попросил Гаррета забрать Развалюху. Класс. Не придется никуда ехать.

— Спасибо, Гаррет! — крикнула я.

Рука показала мне большой палец и закрыла дверь.

— Как думаешь, откуда он узнал, что мы тут оказывали друг другу сексуальные услуги? — поинтересовалась я, снова прижимаясь к своему мужчине.

— Видимо, подсказало то, что ты раз семь прокричала мое имя.

Я резко выпрямилась и с отвисшей челюстью уставилась на Рейеса.

Он выдал самую лукавую на всем белом свете улыбку:

— Это всего лишь предположение.

Я никогда не говорила, что без кофе умру.

Я говорила, что если у меня забрать кофе, то умрут другие.

Мем

Куки забрала Эмбер из школы, и, перед тем как идти домой, мы прошлись по всему, что моей помощнице удалось найти на Фостеров. В какой-то момент поисков Куки зашла в тупик, но, видимо, ей помогал какой-то друг. Понятия не имела, что у нее есть друзья.

И все же ей удалось узнать кое-что о двух усыновлениях, которые оформило подозрительное агентство под названием «Божественное вмешательство».

— Итак, — проговорила подруга, вручив мне лист бумаги, — обоих детей усыновили в Альбукерке. Мальчика и девочку. Мальчик несколько лет назад погиб при пожаре. Пожарный инспектор установил факт поджога, но виновного так и не нашли. — Куки указала на второе имя: — А девочка сейчас твоего возраста и до сих пор живет здесь. Ах да! Еще я узнала, кто арендовал здание, где работало агентство.

Всю найденную информацию она передала мне.

— Спасибо, Кук.

Подруга выглядела усталой, и я не на шутку встревожилась. Куки никогда не устает.

— Как там дядя Боб?

Она пожала плечами:

— Мы больше не живем вместе.

— Он переехал? — обалдела я.

— Нет. Я имею в виду, что мы не живем вместе в эмоциональном смысле. Его как будто несколько дней не было дома.

Я коснулась ее руки.

— Все из-за работы, Кук. Классические симптомы. Вот увидишь.

Она кивнула и ушла домой пораньше, а я поехала знакомиться с барышней, которая арендовала здание.

***

Женщина, чье имя было указано в документах агентства по усыновлению, жила в Тейлор-Ранч, поэтому путь предстоял неблизкий. Нет ничего хуже, чем оказаться на дорогах в час пик. К счастью, все было не так уж плохо. Отштукатуренный дом Карен Клэффи, той самой женщины, стоял недалеко от железной дороги и мог похвастать лепниной и выцветшими искусственными цветами вдоль подъездной дорожки.

Постучав в дверь, я услышала лай какой-то маленькой собаки, а через пару секунд увидела, как к дому подъезжает машина. Из салона вышла женщина лет пятидесяти с хвостиком и направилась к багажнику за пакетами с едой.

Когда она пошла от машины к дому, я улыбнулась и помахала:

— Здравствуйте. Вы Карен Клэффи?

Она кивнула и переложила пакеты в одну руку, чтобы открыть дверь.

— Меня зовут Чарли Дэвидсон. Я частный детектив. Расследую дело, в котором

фигурирует агентство по усыновлению «Божественное вмешательство», и...

— Я ничего об этом не знаю.

Подобная резкость меня ошарашила, но лишь на мгновение.

— Да неужели? — Я достала папку. — Согласно архивным записям, вы арендовали здание, в котором работало упомянутое агентство.

— Нет, не я. Я ничего об этом не знаю.

Будь у нее на шее табличка, на ней было бы написано «ВРЕТ КАК ДЫШИТ».

— Как скажете. Но, наверное, вам стоит знать, что я работаю с полицией Альбукерке. Мне придется отчитаться перед копами, и через пару-тройку дней они сюда нагрянут. Ну, знаете, обычный рабочий процесс. Волноваться не о чем. — Я двинулась к Развалюхе. — Всего доброго.

— Никакого отношения к агентству я не имею.

— Прошу прощения?

В женщине бурлило раздражение с хорошей примесью страха.

— Я тут ни при чем. Мое имя указали в документах только потому, что я ходила в их церковь, и мы с ними подружились.

— О ком речь, миссис Клэффи?

— О Еве и Аврааме. Фостеры. Им было нужно помещение, но они не хотели оформлять аренду на свои имена.

Я шагнула обратно к дому.

— Они не говорили почему?

Карен открыла дверь и остановилась на пороге, намекая, что у нее есть дела поинтереснее.

— Говорили только, что хотят усыновить нескольких детей и открыть собственное агентство. Насколько мне известно, никакого агентства они не открывали. Здание пустовало. Я лишь забирала адресованную им почту и отвозила к ним домой. Вот и все. Ко всему остальному я никакого отношения не имею.

— Миссис Клэффи, я просто обязана спросить: что значит «все остальное»?

Она задумчиво опустила голову. А может, молилась.

Короче говоря, она так долго молчала, что у меня дважды успела наступить овуляция, а потом Карен все-таки предложила мне войти.

В доме оказалась такса по кличке Марли. Кличку я узнала только потому, что хозяйка семнадцать раз проорала ей заткнуться. Но Марли и не думала сворачивать свой террор и лаяла на меня добрых три минуты, пока не решила, что я не представляю угрозы. После этого начались сплошные чесания живота и настоящий водопад игрушек. Марли сочла своим долгом показать мне все свои игрушки, причем за каждую мы боролись не на жизнь, а на смерть, пока очередная игрушка не надоедала таксе настолько, чтобы притащить новую.

Свалив пакеты на стойку в кухне, Карен запустила кофеварку, и от аромата я оказалась прямым ходом в самом счастливом своем месте под названием Кофеленд.

— Не так давно, — заговорила Карен достаточно громко, чтобы ее было слышно сквозь рычание Марли, с которой мы сражались за розовую одноухую мышь, — была небольшая шумиха. Заезжал один следователь. По его словам, он работал на адвоката, госзащитника. Ему требовалось все, что мне известно об агентстве. Я пыталась его убедить, что ничего не знаю. Аренда оформлена на мое имя, да, но с самим агентством я никак не связана.

Едва не потеряв руку, я уточнила:

— Он не объяснял, что за расследование велось?

Карен принялась разбирать пакеты.

— Арестовали какую-то женщину за похищение и убийство ее же ребенка. Но она божилась, что не убивала свою дочь. Сказала, что с ней связалась пара из агентства по усыновлению. А двадцать пять лет спустя останки ребенка нашли меньше чем в пятидесяти метрах от дома, где она тогда жила.

Я встала и пошла к Карен. Точнее поковыляла, потому что Марли резко вспылала симпатией к моим ботинкам. Неужели Фостеры удочерили девочку только для того, чтобы в итоге убить? Зачем им вообще такие хлопоты?

— По-вашему, Фостеры способны на такой отвратительный поступок?

— Само собой! — фыркнула хозяйка дома. — У этой женщины такая история... Не подкопаешься.

Я печально склонила голову и задумалась. Мне нужно поговорить с тем следователем.

— Миссис Клэффи...

— Просто Карен.

— Карен, следователь не оставил вам визитку или хотя бы номер телефона?

— Оставил визитку, но я ее выбросила. Мне очень жаль.

— Ничего страшного. Сама все разужаю. Большое спасибо, Карен. — Я взяла ее за руку и сжала в ее кулаке собственную визитку. — На случай, если вспомните что-нибудь еще.

Визитку она взяла, но я была на девяносто процентов уверена, что Карен ее выбросит, как только я уйду.

Уже собравшись уходить, я подумала, что не помешает кое о чем предупредить эту женщину.

— Не хочу вас пугать, но, пожалуйста, ничего не говорите о нашей встрече Фостерам. Боюсь, вам могут грозить неприятности.

Карен стиснула зубы, и я ощутила, как в ней поднимается волна негодования и враждебности.

— Я с ними больше не вижу. Перестала ходить в их церковь давным-давно.

— Не поделитесь, что произошло?

Она отвернулась. И я слишком хорошо знала, что это означает. Больше Карен не скажет ни слова.

— Нет.

Что ж, хотя бы честно.

— Как называлась церковь Фостеров?

— «Народ божественного пути».

— Нравится им слово «божественный», как я посмотрю.

— Они и себя такими считают. — Карен серьезно посмотрела мне в глаза. — Божественными людьми. Помазанниками божьими.

— Разве не все мы от бога? — отозвалась я с робкой улыбкой, почесала Марли по брюшку в последний раз и ушла.

С Куки я созвонилась раньше, чем добралась до Развалюхи.

— Куки, срочно выясни, как зовут женщину, которая сейчас под следствием по обвинению в убийстве ее же ребенка. Убийство совершено двадцать пять лет назад. Недавно нашли...

— Вероника Айзом.

Я застыла.

— Ничего себе скорость!

— Так ведь по всем новостям трубили.

Блин, давно пора начать смотреть вечерние новости.

— Спасибо, Кук. Можешь выяснить, где ее держат?

— Конечно, солнце. Дай мне пять минут.

— Даю.

Я залезла в Рахвалюху, но не завела ее, а стала ждать, когда о своем присутствии объявит звереныш на пассажирском сиденье.

Девочку я, конечно же, знала. Это была светловолосая голубоглазая красавица, которая утонула в девять лет. Сейчас она жила с бандой Рокета в заброшенной психлечебнице, поэтому виделись мы с ней нечасто. Друзей ей хватало, а вот времени на старую скучную меня — нет.

Слива, она же Сахарная Слива (так я окрестила ее из-за пижамы, которая была на ней), сидела и притворялась, будто ест из миски мороженое. Одну ложку она отправляла в рот, а вторую давала кукле. Естественно, лысой.

Имеется у Сливы пунктик на тему кукольных волос. Да и вообще волос в целом. Ей постоянно хотелось меня то расчесать, то заплести мне косу, то быстренько постричь. Оценив коллекцию ее кукол, я решила, что буду все-таки обращаться к специалистам.

— Тебе нравятся куклы? — с бухты-барахты спросила Слива.

— Только надувные. Это считается?

— Мне тоже такие нравятся! У моего друга Алекса была такая кукла. Мы ее били по лицу, а она отпрыгивала обратно.

Мы точно говорили не об одном и том же.

— Что ты здесь делаешь, солнышко?

— Увидела тебя в машине, вот и пришла.

— Ясненько.

— Ты Ангела не видела?

Недавно у Сливы стала наблюдаться симпатия к моему тринадцатилетнему детективу.

— Он периодически появляется, а что?

— Ничего. Я хочу, чтобы ты поговорила с моим братом.

Ее брат, Дэвид Тафт, служит в полиции. Время от времени мне нравится над ним поиздеваться.

— Неужто опять со шлюшками якшается?

Слива покачала головой:

— Он упал, и я его больше не вижу.

Я застыла.

— То есть как это — упал?

— Не знаю. Я видела, как он падает, и теперь не могу его найти. Ты должна его поискать.

Что ж, призракам прекрасно удастся говорить загадками, и Слива тут не исключение, но если она не видит брата...

По спине змеей поползла тревога. А вдруг он действительно откуда-то упал? Неужели он погиб и перешел на другую сторону?

— Хорошо, солнце, я обязательно его поищу.

Слива кивнула и скормила кукле очередную ложку мороженого.

— Тебя я тоже искала. Тебя не было целую вечность. Я думала, ты уехала.

Я пригладила прядь волос у нее на плече.

— Извини.

Мне не хватило духу сказать, что мы виделись пару дней назад. Время призраки чувствуют по-разному. Может быть, с Тафтом у нее такая же история.

— Ничего страшного, — пожалала плечиками Слива.

— Хочешь со мной покататься? Я еду к женщине, которую обвиняют в убийстве.

Зевнув, Слива опять пожалала плечами:

— Ну ладно.

Ох уж эти детки! Ничем их не развлечь.

Я завела Развалюху, вытащила из кармана телефон и набрала дядю Боба.

— Чем занимаешься? — сказал он вместо «Алло».

— Никуда не еду, если ты об этом. Звоню спросить об офицере Тафте. Как он?

Дибби помолчал, а потом уточнил:

— Ты о Дэвиде Тафте?

— О нем, ага. Сестра не может его найти.

— У него есть сестра?

— По ту сторону.

— А-а, точно. Не думал, что вы с ним так хорошо знакомы. Дэвид Тафт в отпуске.

— В отпуске? С каких пор?

— Уже месяца четыре. Странно все случилось. Как-то он пришел, поговорил с капитаном, освободил свой стол и больше не появлялся.

— Его точно никуда не перевели?

— В наших записях ничего такого нет.

Если Тафт решил, так сказать, передохнуть от работы, то почему Слива его не видит? Она, конечно, не самый надежный источник, но...

— И какова теория? — спросила я.

— Какая еще теория?

— Ну же, Дибби! Что ты думаешь по поводу этого отпуска?

— Даже не знаю, милая. Может, он перегорел. Такое постоянно случается.

Только не с Дэвидом Тафтом, которого я знала и почти уважала. Он любил свою работу, да и служил всего год или два. К тому же, по моим сведениям, он учился на снайпера. Значит, у него были надежды, стремления и наверняка ЗППП после всех его шлюшек, если само собой, верить Сливе.

— Не думаю, что он мог так поступить.

— Не знаю, милая. Такая жизнь не для всех.

О да, я поняла намек.

— Ладно, дядя Боб. Спасибо. Держи меня в курсе, если что узнаешь.

— Без проблем. Ты дома?

Я поморгала.

— Да.

— Хорошо. Никуда не выходи. Я буду примерно через час.

— Ла-а-адненько.

Повесив трубку, я уже собралась спросить Сливу, то бишь Ребекку Тафт, заглядывала ли

она к брату домой, как вдруг она выпалила:

— Я скоро вернусь, — и исчезла.

Вот черт. Ее сосредоточенность длится еще меньше, чем моя. То есть детектива из нее точно не выйдет. Может, попробовать вызвать...

— Я вернулась!

От неожиданности я подскочила до потолка Развалюхи.

— Мне нужна была расческа. — Повертев перед глазами нечто, напоминающее использованную зубочистку, Слива протянула: — Фу-у! — и опять испарилась.

Так называемый «отпуск» Дэвида Тафта всерьез меня беспокоил. Зачем ему вот так уходить с работы? И почему Слива не может его найти?

У службы в правоохранительных органах имеется целый ряд побочных эффектов, и среди них — самоубийства. А вдруг Тафт и правда перегорел? Вдруг он сделал или увидел что-то такое, чего не должен был делать или видеть? Вдруг его уже нет?

Подъехав к светофору на красный, я опустила голову и призвала Тафта:

— Дэвид Тафт.

Если он погиб и остался на земле, то появится или рядом, или у меня на коленях, или на капоте. Мне подойдет любой вариант. Однако брат Сливы не появился.

К сожалению, это вовсе не значило, что он жив. Он мог отправиться на небеса сразу после смерти, а оттуда вызывать людей я не умею. По крайней мере точно не знаю как. Ангел клянется, что мне и такое по зубам, но я никогда не пробовала.

Когда позвонила Куки, мне до офиса оставалась всего пара кварталов.

На звонок я ответила просто и изящно:

— Привет, Кук.

— Привет, солнце. В общем, за нее внесли залог, и сейчас она у родителей.

— Рада за нее. Там, наверное, хорошо. Родители помогут успокоиться и разложить мысли по полочкам. А о ком мы говорим?

— О Веронике Айзом, — усмехнулась подруга. — О той, которую обвиняют в убийстве...

— Ну да, точно. — Ребус Тафта совсем перепутал мне мозги.

— Они живут в трейлер-парке Зеленая Долина.

— Супер. Скинь мне адресок. Загляну туда.

— Не вопрос. Почему Роберт думает, что ты дома?

— А он так думает? Странно.

— Чарли, — угрожающе процедила Куки, — я не стану ради тебя врать мужу.

— Это еще почему? Я же ради тебя вру!

— Верно, но ты любишь врать. Для тебя этот как вызов самой себе. Видимо, потому, что врать ты совершенно не умеешь.

— Ну надо же! Меня пинают все, кому не лень.

— Будь осторожна, — добавила Куки, хотя в ее голосе слышались скорее нотки веселья, чем беспокойства.

— Ничего не обещаю.

Повесив трубку, я развернулась прямо на дороге, чтобы не пропустить ближайший переулок, и поехала на поиски Вероники Айзом, надеясь, что она со мной поговорит.

Двадцать минут и половину мокко латте спустя я добралась до Зеленой Долины, расположившейся у Четвертого шоссе. Родители Вероники жили в ухоженном трейлере

зеленого, как авокадо, цвета, при виде которого мне резко захотелось гуакамоле. Кроме того, недалеко от парка находился ресторанчик «Эль Бруно», из которого даже сюда сочились аппетитные запахи жаркого и чили, наполняя мой рот предвкушением и слюной. В основном, конечно, слюной.

Пока я шла по дорожке к дому Айзюмов, в животе урчало. Я постучала в металлическую дверь и стала ждать. Из трейлера доносились негромкие звуки телевизора, однако мне никто не открыл, пока я не постучала еще трижды. Причем открывшего пожилого мужчину нисколько не обрадовала моя настойчивость. Он раздраженно распахнул дверь.

— Мистер Айзюм? — спросила я, молясь, чтобы он не захлопнул дверь сразу же и дал мне хотя бы несколько секунд.

Мужчина смерил меня сердитым взглядом из-под кустистых бровей. На нем была выцветшая синяя рабочая рубашка с эмблемой «Автомастер». Значит, он был механиком. Что ж, я легко нахожу общий язык с механиками. Да и вообще с мужчинами.

— Простите за беспокойство, но, может быть (и это очень большое «может быть»), я смогу помочь вашей дочери.

Внимание я привлекла, но не такое, на какое рассчитывала.

— Если моей дочери и нужна помощь, то только с тем, чтобы согласиться на предложение прокурора и подписать чистосердечное признание. С этим вы можете помочь?

У меня упало сердце. Очевидно, этот человек, как и все остальные в городе, считал, что его дочь убила собственного ребенка. Или так, или он попросту не верит, что они могут выиграть дело. Видимо, придется попотеть.

— Мистер Айзюм, она здесь?

Он снова сердито уставился на меня, и я отчетливо ощутила, как от него исходит презрение. Нутро подсказывало, что дочери он помогает исключительно из чувства родительского долга, но сердце этого мужчины разбито. Мне ли не знать, каково это.

— Меня зовут Шарлотта Дэвидсон. Я частный детектив. Мне кажется, что дело, над которым я сейчас работаю, напрямую связано с делом вашей дочери. И я абсолютно уверена, мистер Айзюм, что она невиновна в том, в чем ее обвиняют.

— Что же вас так убедило? — поинтересовался он, но лишь для того, чтобы доказать мою неправоту. Ни на секунду он не поверил, что его дочь может оказаться невиновной.

— Те же люди, которые якобы представляли агентство по усыновлению и забрали вашу внучку, похитили моего мужа, когда он был еще младенцем. И еще как минимум одного мальчика.

Мистер Айзюм выпрямился, но по-прежнему придерживал сетчатую дверь, давая понять, что в дом меня не впустит.

— Не было никакого агентства.

— Было, — возразила я, — и у меня имеются доказательства.

Никаких доказательств у меня не было, по крайней мере физических, но ему об этом знать необязательно.

Несколько секунд он обдумывал мои слова, а потом крикнул:

— Рони!

У двери появилась женщина, которая явно только что вышла из душа.

— Эта женщина с потрохами купилась на твои рассказы. Вы прекрасно проведете время.

Ладно, сойдет и так.

— Я Чарли Дэвидсон, — сказала я, пока отец Вероники не обсыпал меня очередной дозой сарказма, — и я знаю, что вы не лжете.

Женщина превратилась в статую. Мистер Айзом ушел, и сетчатая дверь едва не захлопнулась, но Вероника пришла в себя и приоткрыла ее шире.

— Заходите.

У Вероники были длинные темные волосы, свисавшие по плечам мокрыми прядями, глаза цвета бурбона и роскошная фигура. До нашей встречи она сушила волосы и снова стала сжимать концы мокрых локонов влажным полотенцем.

Поднявшись по шатким ступенькам крыльца, я вошла в маленький трейлер, где повсюду были разбросаны игрушки.

— Игрушки моего племянника. Моя мать взяла его с собой в магазин, — объяснила беспорядок Вероника, пнула несколько игрушек, чтобы не мешали, и предложила мне сесть. — Хотите чего-нибудь выпить?

Вела она себя весьма вежливо, но сердце в ее груди стучало, как военный барабан. Руки, державшие полотенце, тряслись. И было что-то неестественное в каждом ее движении. Двигалась Вероника резко и нервно, словно ее частично парализовало от мощного эликсира надежды и страха.

— Нет, спасибо. Все в порядке.

Присев, она отложила полотенце, сжала на коленях руки и стала ждать. Нет, она не ждала, а надеялась, молилась, умоляла.

— Вероника, вы помните, как выглядели люди, которые связались с вами много лет назад?

— Что вы знаете о деле? — внезапно спросила она, явно ничего не понимая. — Вы работаете с моим адвокатом?

— Нет. Прошу прощения, нужно было сразу все объяснить. Я частный детектив. Работаю над делом, которое связано с вашим.

Красивые брови сдвинулись.

— Как именно связано?

— Не могу сказать. Конфиденциальность и все такое. Но могу сказать, что знаю, кто с вами связался и почему.

Вероника опустила голову:

— Я жила на улице с новорожденным ребенком на руках. Вот почему они на меня вышли.

Я не собиралась говорить, что у ребенка была особая аура, которая могла привлечь внимание Фостеров, поэтому подыграла:

— Так и есть. Но почему вы жили на улице?

Мистер Айзом стоял в кухне, прислушиваясь к нашему разговору.

Покосившись на отца, Вероника ответила:

— Со мной было непросто. Периодически я сидела на наркотиках, но тогда не употребляла. Узнав о беременности, бросила и больше к этому не возвращалась. А когда родила Лиану, в поле зрения опять появился ее отец.

Откуда-то со стороны мистера Айзома понесло глубокой горячей яростью. Бывший дочери явно не вызвал в нем положительных эмоций.

— Он сказал, что хочет помогать с дочкой. Уговорил переехать к нему. А через месяц... — Вероника совсем поникла. — Через месяц я опять сидела на наркоте, и мы

постоянно ругались. Он меня выгнал, а домой вернуться я не могла. Не была готова опять через это проходить.

— Проходить через... — Я замолчала раньше, чем задала вопрос. — Через ломку.

Прикусив губу, Вероника кивнула.

— Он вас снова посадил на наркотики?

— Он ни к чему меня не принуждал.

Из нее лилось такое чувство вины, что я едва дышала.

Я наклонилась к ней.

— Но он воспользовался ситуацией, Вероника.

— Он принимал, да, но это не значит, что я была обязана следовать его примеру. И вот как все обернулось.

В груди у Вероники сдавило, и я стала обрывать катышки со свитера, чтобы дать ей время прийти в себя.

Спорить я не собиралась. Она права. Но и ее бывший внес свою лепту.

Я решила вернуть разговор в русло текущего дела.

— Есть причина, почему вы не можете найти доказательства существования агентства. Его никогда не оформляли документально.

— Так следователь и сказал, — кивнула Вероника. — Но ему не удалось выяснить, кто заправлял этим липовым агентством.

Я достала фотографию Фостеров, которую нашла Куки, и которую сделали приблизительно в то время, когда они забрали ребенка Вероники.

— Понимаю, вспомнить наверняка трудно, но посмотрите, пожалуйста. Это они?

Взяв фотографию, Вероника сощурилась и повернула ее слегка влево.

— Не думаю.

Все мои надежды рухнули. Может быть, я вышла на неверный след. Лаю не на то дерево. Хватаюсь за соломинки. И все в том же духе.

— По-моему, — продолжала Вероника, глядя на Фостеров, — это те люди, которые удочерили Лиану.

Чувствуя, как возрождаются надежды, я резко выпрямилась.

— Вы их помните?

— Нет. — Она встала и взяла сумку. — Я их никогда не видела, но агенты дали мне снимок людей, которые хотели удочерить Лиану, чтобы мне было легче. Я не сразу приняла решение. А снимок опять отыскала, когда... когда ее нашли.

Вероника вручила мне фотку, и я чуть не воскликнула «Ура!».

— Это они, — сказала я, мысленно ликуя. — Значит, с вами связывались другие люди от имени этой пары?

— Да. Со слов эта пара казалась слегка помешанной на религии, но я подумала, что любой вариант лучше, чем жить в нищете с наркозависимой матерью.

— Вы могли жить с нами, — горько вставил мистер Айзом.

— Папа, не начинай. Дело не в тебе, и ты это прекрасно знаешь.

Он отвернулся и ушел обратно в кухню.

— Вероника, сколько вам было лет?

— Шестнадцать. — Она оглянулась. — Когда Лиану забрали, я снова завязала. Решила, что постараюсь ее вернуть. Знаю, это подло, но все случилось так внезапно! На раздумья мне дали всего пару дней. Я думала, что у нее будет хорошая семья. Все это время я верила, что

она живет той жизнью, которую не могла дать я. Лучшей жизнью. А они... они ее убили.

Задыхнувшись под натиском горя, Вероника прикрыла ладонями рот. У нее так тряслись плечи, что я подошла ближе, обняла ее одной рукой и стала размышлять, пока Вероника приходила в себя.

Если Фостеры похищали других детей, то зачем сфальсифицировали удочерение ребенка Вероники? Почему просто не забрали девочку?

— Вероника, где именно вы жили?

— Тогда — в приюте.

Кое-что прояснилось. В определенное время приюты закрываются. Может быть, Фостеры могли подобраться к Веронике только тогда, когда она попрошайничала на улицах? А это наверняка происходило в светлое время дня с кучей людей вокруг. Да, наверняка все так и было.

— В общем, я работаю над этим делом с детективом полиции. Точнее скоро его привлеку. Обещаю, Вероника, я сделаю все, что в моих силах, чтобы вам помочь. А тем временем отправьте вашего следователя к детективу Роберту Дэвидсону.

В тот же миг в комнате градусов на пятнадцать стало холоднее.

— В чем дело? — спросила я, уже догадываясь, что услышу в ответ.

— Меня арестовал именно он.

— Вот и хорошо. — Я сделала заметку в телефоне. — Значит, он уже занимается этим делом. — Я подалась к Веронике. — Мы справимся, Вероника. А вы пока позаботьтесь о себе. — Уже у дверей я добавила: — И ничего не подписывайте.

Я всегда ругаю тех, кто не может надеть трусы и не споткнуться.

Надпись на футболке

Вернувшись домой с ужином из «Эль Бруно», я обнаружила, что Дибби опять слинял. Куки снова в панике, а Эмбер прячется у себя в комнате. Я пыталась дозвониться до сварливого дядюшки, но он так и не перезвонил. Видимо, злился на мое вранье, что я якобы дома. Вот ведь чудак!

Мы с Рейесом пробежались по текущему расследованию. Я рассказала все, что знаю о Фостерах и Веронике Айзом. Рейес слушал, но в разговоре практически не участвовал. Он вообще не из разговорчивых, конечно, но хоть не засыпал меня приказами.

Позитивчик я могу найти в любых обстоятельствах. Такой вот у меня дар.

Впрочем, сама идея расследования Рейесу по-прежнему не нравилась.

Как только мы прибрались после ужина, в дверь постучали. Я притворилась, будто удивлена:

— Кто бы это мог быть в такое время?

Рейес подозрительно сощурился, а я побежала открывать. На пороге стоял Шон Фостер. Руки он засунул в карманы и, судя по легкому налету смущения, явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Заходи, — пригласила я Шона, очень надеясь, что познакомившись с ним и разобравшись в ситуации, Рейес поймет, почему я взялась за это дело.

Зайдя в квартиру, Шон быстренько осмотрелся по сторонам (причем очень впечатлился), а потом молча кивнул Рейесу в знак приветствия. До сих пор я и не подозревала, что Шон хочет с ним познакомиться. А теперь сердце нашего гостя бешено билось, и из него так и лилось теплыми волнами нетерпеливое беспокойство.

— Очень рада тебя видеть, — проговорила я. — Все в порядке?

Шон нахмурился:

— Ага. Ты же сама сказала, чтобы...

— Рейес! — перебила я и махнула ему. — Это мой муж, Рейес. Рейес, это Шон Фостер. Ну, сын Фостеров.

В какой-то момент мне показалось, что Рейес вот-вот сбежит. Он глянул в сторону спальни, словно прикидывал, сколько до нее шагов.

Затаив дыхание, я изо всех сил надеялась, что Рейес не поведет себя так грубо и не разобьет в пух и прах надежды Шона. Те самые надежды, которые мой муж улавливал так же четко, как и я.

Однако Шон уже понял, что Рейес раздражен. Даже почти повернулся к выходу, как вдруг Рейес подошел ближе и пожал ему руку. Меня обдало волной облегчения.

— Хотите кофе? — спросила я у обоих, и с намеченного пути меня не сбил даже недовольный взгляд благоверного. — Сейчас сделаю. А вы пока присаживайтесь и знакомьтесь.

Я ушла в кухню и запустила кофеварку, а мужчины тем временем уселись за обеденным

столом. Мы ведь не из тех, кто садится в гостиной у камина, блин, иначе гости подумают, что мы им слишком рады.

— Извини, что появился так внезапно, — начал разговор Шон.

С точно таким же легким смущением Рейес покачал головой:

— Ничего. Я все равно собирался...

— Ага, я тоже.

Рейес кивнул и заметил татуировку на предплечье Шона:

— Симпатично.

— Спасибо. — Шон протянул руку, демонстрируя красочную татушку-рукав. — Сделал пару лет назад. Маму — то есть Еву — чуть удар не хватил.

Рейес тихо рассмеялся.

— Ты в курсе, кто твои настоящие родители?

Я застыла, не зная, как отреагирует Шон на подобную прямоту.

— Нет. Поэтому и нанял твою жену.

— Тогда ты нанял лучшего в своем деле профессионала.

Лед, как говорится, тронулся, и разговор потек, как подогретый виски. Мужчины говорили обо всем, в том числе и о том, что, по сути, они хоть и ненастоящие, но почти что братья.

— Я слышал о тебе с самого рождения.

Рейес поежился:

— Вряд ли обо мне говорили хоть что-то хорошее.

— Ни разу. И поэтому мне еще больше хотелось с тобой познакомиться.

Опять смутившись, Рейес опустил голову.

— Давно ты знаешь о моем существовании? — поинтересовался Шон.

— Уже несколько лет.

— А ты знал, что я им неродной сын?

— Подозревал. Но тебя они оставили. Должно быть, полюбили с первого взгляда.

За удивление, которое в этот момент отразилось на лице Шона, можно было отдать полцарства и коня в придачу.

— Ничего себе! Видимо, ты их совершенно не знаешь, да?

Рейес усмехнулся и покачал головой:

— Не могу сказать, что хотел бы узнать.

— Понимаю, — рассмеялся Шон.

Эти двое легко и быстро нашли общий язык. Я принесла им кофе и внезапно почувствовала себя такой усталой, что едва открывала глаза. А где-то в квартире валялась подушка, которая звала меня во все горло. Чтобы не мешать Рейесу и Шону, я ушла спать, но еще долго лежала в постели, прислушиваясь к тому, как они беседуют, смеются и сочувствуют друг другу.

Через три часа ко мне пришел Рейес, однако лечь в постель оказалось не так-то просто: Артемида заняла почти всю его сторону. В конце концов он улегся, сдвинув ротвейлершу, и долго-долго просто молча лежал. А я все это время, затаив дыхание, тонула в агонии. И все-таки сон меня одолел. Мы оба почесали Артемиду за ушами, а потом я взяла мужа за руку. Он переплел длинные пальцы с моими и, перед тем как уснуть, тихо проговорил:

— Брось дело.

Накатило разочарование, пока до меня не дошло: сегодня я кое-что узнала. Бесился

Рейес не из-за Шона. Он ему понравился, ужя-то точно знаю. А значит, Рейеса пожирало что-то другое. Что ж, это уже любопытно.

***

Позже той же ночью я ощутила, как мне в ребра тычется локоть, причем точно не мой. Этот локоть не дал мне досмотреть потрясающий сон. Я уже собиралась потыкать в ответ, но чья-то рука накрыла мне рот.

Я распахнула глаза. Крепко прижав меня к себе, Рейес прошептал мне на ухо «Ш-ш!» и куда-то кивнул. Офонарев, я посмотрела туда же, куда смотрел муж, и опять подскочила. Еще крепче меня сжав, он подождал, пока мое зрение не прояснится. А когда это случилось, я увидела, что у нашей кровати стоит Эмбер.

Мне хотелось встать, но Рейес по-прежнему крепко меня держал и зажимал рот, так что спросить «Какого хрена?!» не представлялось возможным.

А потом я поняла, почему он так себя ведет. Высокая и тоненькая, как тростинка, Эмбер стояла у нашей кровати в ночнушке. Длинные темные волосы упали на лицо, но глаза я все-таки видела. Она смотрела на нас из-под локонов, и ее лицо не выражало ровным счетом ничего.

Какой-то проблеск света привлек мое внимание к рукам Эмбер. Точнее к ее правой руке, в которой она держала разделочный нож. Наш разделочный нож. Тот самый, которым Рейес шинкует овощи. Этот нож был настолько острым, что однажды я, слегка прикоснувшись к лезвию, чуть не истекла кровью. А Эмбер стояла и резала этим ножом себе ногу.

Ночная сорочка пропиталась кровью, и на ткани образовалось еще одно большое темное пятно, когда Эмбер опять резанула себя по бедру.

Я рванулась к ней, но Рейес не дал мне сдвинуться с места. Я начала бороться, а он лишь крепче меня стиснул и прошептал в ухо:

— Я обойду кровать и заберу нож. Сиди здесь.

Но прежде чем я успела в ответ кивнуть, Эмбер заговорила тихим монотонным голосом:

— Моря вскипят, погибнут пески, а виновата только ты одна.

— Сиди здесь, — повторил Рейес и начал потихоньку отодвигаться, продавливая матрас.

— Если ты его не поглотитшь, плоть сползет с костей твоих.

Рейес слез с кровати и, не успела я и глазом моргнуть, оказался за спиной у Эмбер.

— Берега покрыты осколками стекла.

С осторожностью заклинателя змей Рейес взял Эмбер за запястье, но она уже успела нанести себе очередной порез. Кровь уже не просто расплывалась, а текла по ткани ночнушки. Я в ужасе прижала руки ко рту.

— Рыбы сердятся.

Рейес медленно забрал нож, и я бросилась вперед, встала на колени прямо на кровати и взяла лицо Эмбер в ладони.

— Эмбер?

Выбросив нож, Рейес взял ее за плечи, чтобы она не упала.

— Эмбер, золотце, ты меня слышишь?

Она сжала руки в кулаки и смерила меня злым взглядом.

— Кровь испаряется так быстро, что птицам нечем дышать.

Убрыв с ее лица волосы, я заметила, что оно покрыто потом и слезами.

— Эмбер, это тетя Чарли.

Наконец она посмотрела мне в глаза, а через несколько долгих секунд проговорила:

— Unofanira kudya iye.

Язык удалось определить не сразу, но потом до меня дошло, что Эмбер говорила на шона — языке большинства жителей Зимбабве. «Ты должна его съесть», — сказала она. На шона. С каких пор Эмбер говорит на шона?!

Не успела я ничего сказать, как она упала. Я крикнула, но Рейес вовремя ее подхватил.

— Держи ее, — сказала я, вылезая из кровати, и бросилась за халатом.

Рейес, который успел натянуть пижамные штаны, поднял Эмбер на руки и двинулся к двери. Я забрала аптечку из ванной и метнулась следом.

Положив Эмбер на обеденный стол, Рейес включил свет, а я подняла ее сорочку, чтобы осмотреть раны. От мозга отлила вся кровь, и мир чуточку накренился. Эмбер постаралась на славу. Лишь чудом ни один из порезов не был достаточно глубоким, чтобы пришлось накладывать швы, зато ран было много.

— Иди, — велел Рейес, открыл аптечку и нашел перекись.

Я отошла на шаг, но не могла отвести глаз от порезов.

— Датч, — твердо проговорил Рейес, — приведи ее.

Я встряхнулась и кивнула:

— Я мигом.

И наша дверь, и дверь Куки были настежь открыты. Я промчалась пулей через обе, а потом вспомнила, что муж моей подруги детектив. У которого есть пистолет. Оставалось лишь надеяться, что он меня не пристрелит, потому что будить соседей осторожно я точно не намеревалась.

Ввалившись в спальню, я врубила свет и подскочила к Куки.

Дядя Боб тут же проснулся и сразу потянулся за пистолетом в кобуре, который лежал на тумбочке. Прежде чем стрелять, ему придется расстегнуть кобуру, а это даст мне достаточно времени объяснить, кто я такая.

— Это я, дядя Боб, — сказала я, уже всюю тряся Куки.

— Чарли? Какого черта?

— Эмбер. — Я еще раз трянула лучшую подругу. — Кук, солнце, просыпайся скорее.

Куки резко села, и глаза у нее были почти такие же дикие, как и прическа.

— Кук, только не паникуй.

Дядя Боб уже выскочил из постели, потому что давно привык просыпаться в любое время дня и ночи. А вот Куки, к сожалению, нет.

— Что такое? — спросила она, бешено оглядываясь по сторонам. — В чем дело?

Я развернула ее к себе:

— Куки, ничего ужасного не произошло, но тебе нужно зайти к нам.

Наконец-то она посмотрела на меня.

— Что? С кем не произошло?.. — А потом до нее дошло. — Эмбер!

Выбравшись из кровати, Куки натянула один носок и набросила халат. Диви уже стоял в штанах и футболке.

Мы побежали к нам, где Эмбер уже сидела на стуле за обеденным столом, а Рейес оказывал ей первую помощь.

— Эмбер! — Куки подлетела к дочери и присела перед стулом. — Господи! Что

случилось?

— Мы проснулись, — ответила я, — а она стоит у нас в спальне. Пришла во сне.

— Как это? — Кук поражено уставилась на дочь. — Эмбер?

Эмбер пожала плечами:

— Не пом... — и тут же зашипела, когда Рейес вылил еще немного перекиси на дрожащую ногу. Впрочем, дрожала Эмбер вся целиком.

— Да что тут произошло?! — отчаянно воскликнула Куки, глядя на кровь.

— Может, отвезем ее в больницу? — предложила я Рейесу.

— Нет! — тут же крикнула Эмбер, а потом уже тише добавила: — Нет. Не надо. Порезы совсем не глубокие.

Я наклонилась, коснулась ее лица и руки и спросила:

— Как вот эти?

Поджав губы, Эмбер поникла. У нее на руке было множество порезов разной длины и глубины.

Куки громко ахнула и прикрыла ладонью рот.

— Это не то, что вы думаете, — пробормотала Эмбер.

— Ты... ты причиняешь себе боль?

— Нет, — затрясла головой она. — Нет, мам, я бы никогда такого не сделала.

— Тогда... я ничего не понимаю.

Эмбер пожевала нижнюю губу.

— Раны неглубокие, — заметил Рейес. — Швы не понадобятся, но пару раз в день нужно промывать и раз в несколько дней менять бинты. На всякий случай.

Словно ища поддержки, Эмбер обняла его одной рукой. Рейес глянул на нее:

— Все будет хорошо, принцесса.

Она кивнула. Слегка, конечно, растаяла, но все-таки отважно кивнула, глядя в лицо смертельному очарованию.

Куки подошла ближе и, начиная сердиться, поинтересовалась:

— Что происходит, Эмбер?

— Я себе не режу, мам. Клянусь.

Рейес начал бинтовать ногу, и я осторожно выпрямила колено Эмбер, чтобы помочь.

— Ты была расстроена. Я почувствовала сегодня утром.

— А-а, ты об этом! — Эмбер покачала головой, отменяя мои предположения. — Ерунда. Я всего лишь... узнала плохие новости.

— Какие еще плохие новости? — подал голос дядя Боб.

У Эмбер округлились глаза, и я отчетливо ощутила вспышку страха. Во мне самой разгорелся гнев. Неужели все из-за Диби и из-за его поведения в последнее время? Неужели она так расстроилась из-за него?

Я оглянулась и смерила дядю сердитым взглядом.

— Что?! — одними губами отозвался он.

— Эмбер Оливия Ковальски, — проговорила Куки строгим тоном, — я жду объяснений.

Эмбер еще немного пожевала нижнюю губу и только потом ответила:

— Я проснулась, а на мне уже порезы. Не знаю, откуда они взялись. Специально я ничего такого не делала.

Какого черта?

— Эмбер, ты помнишь, как разговаривала с нами?

Мой вопрос явно ее удивил.

— И что я говорила?

— Что-то о кипящих океанах и битом стекле. А потом, — я покосилась на Куки и Дибби, — она заговорила на шона.

Куки недоуменно уставилась на меня.

— Это родной язык жителей Зимбабве.

— Повтори, — встрял дядя Боб.

— Эмбер говорила на шона. Сказала, что я должна его съесть.

— Кого съесть? — уточнила Эмбер, на лице которой промелькнуло отвращение.

Я чуть не хихикнула:

— Думала, ты мне скажешь.

Эмбер беспомощно пожала плечами:

— Извини, тетя Чарли. Я ничего не помню.

Когда Рейес закончил бинтовать ей ногу, я притащила ему стул, потом притащила по одному нам с Куки, а вот дядя Боб обойдется. Пусть себе стоит и кипит от злости, зараза.

— Я и не надеялась, что ты что-то запомнишь, — сказала я Эмбер. — Ты и раньше так делала.

— Делала что?

— Пророчила.

— Чарли, — покачала головой Куки, — ты же не принимаешь всерьез тот случай на школьной ярмарке?

Тогда Эмбер играла роль гадалки, а вот когда появилась я, ей уже не нужно было притворяться. Она впала в транс и начала пророчить о Дюжине — двенадцати адских псах, которых послали на защиту Пип, хотя в то время мы об этом и не догадывались. Еще Эмбер говорила о предстоящей моей дочери войне с Сатаной. И ни в чем не ошиблась.

— Она крутая, — сказала я подруге, — и я не раз тебе уже об этом говорила.

Куки ничего не желала слышать о восприимчивой натуре Эмбер и о ее даре. Кузина подруги тоже обладала даром и со временем слегка тронулась. Кук ужасно пугало, что Эмбер может обладать такими же способностями.

— Ну уж нет. Не может быть, чтобы ты это всерьез.

— Еще как всерьез. И не называй меня Ужом.

Куки выдала мне нечитабельное выражение лица. Может быть, не поняла шутку. Поразмышляв с минуту над моими словами, она наконец тряхнула головой:

— Допустим, у нее есть... какие-то способности. Как это связано с тем, что она режет себя во сне?

Я уселась на стул.

— Хотела бы я знать. Солнце, ты хоть что-нибудь помнишь?

Эмбер опять покачала головой:

— Только то, как очнулась на вашем столе, а дядя Рейес поливал меня перекисью.

— Почему ты была так расстроена? — спросила я. — Я это точно почувствовала, так что даже не пытайся спрыгнуть с крючка.

Дядя Боб тоже сел на стул в паре шагов от нас.

Эмбер сложила на груди руки, прикусила губу и потерла подбородок о плечо.

— Из-за стресса могут случаться приступы лунатизма. А еще, судя по всему, приступы самоповреждений и предсказаний будущего. — Наклонившись вперед, я засунула прядь

волос за ухо. — Нам ты можешь сказать что угодно. И не важно, кто сейчас находится в комнате. Ты ведь это понимаешь?

Эмбер кивнула.

Я дала ей время немножко расслабиться, а потом спросила в лоб:

— Ты боишься своего отчима?

Если она действительно его боится, то скорее всего ничего при нем не ответит. Зато ее реакция скажет мне все, что нужно, я тут же велю Диби проваливать, и мы докопаемся до истины. Вот только вместо этого Эмбер бросилась его защищать.

— Чего? — обалдела она и расправила плечи. — Вовсе я его не боюсь.

На меня накатила волна облегчения. Как оказалось, долгожданного. Все это время я на самом деле очень переживала. Повернувшись, я наградила дядю красноречивым взглядом на тему «Повезло тебе, гад». В ответ он уставился на меня с отвисшей челюстью, а я снова повернулась к Эмбер.

— Ну ладно, детеныш. Выкладывай все как есть.

— Да нет тут ничего особенного. Честное слово.

— Эмбер, — протянула Куки фирменным материнским тоном.

— Ну, я думаю... То есть мне кажется, что меня преследуют.

Дядя Боб тут же вскочил на ноги, а я взяла Эмбер за руку.

— Почему ты так решила?

— Мне... ну... присылают сообщения.

— Какие сообщения? — спросила Куки.

Диби пулей выскочил из квартиры, а через тридцать секунд вернулся с сотовым Эмбер в руках и сунул его Куки. По мере чтения сообщений выражение лица Куки трижды изменилось: сначала был шок, затем недоумение, а в конце натуральный ужас.

Она прижала руку ко рту, а я спросила:

— Можно?

Подруга протянула мне телефон. Не хотелось смущать Эмбер, но преследования — это вам не шутки.

Прочитав три сообщения, я впала в самый настоящий шок. Дядя Боб отобрал у меня телефон и стал читать сам.

— Все началось, когда мы с Брэнди были в торговом центре. — Эмбер стыдливо поникла. — Мы делали селфи с высунутыми языками, а через пять секунд пришло сообщение: «Еще раз высунешь язык, и я покажу тебе, что с ним делать». — Она посмотрела на меня так, словно хотела о чем-то попросить. — Мы перепугались и позвонили маме Брэнди. Попросили нас забрать. Потом поехали к ней и стали смотреть фильм.

— То есть это началось в тот день, когда ты осталась там ночевать? — уточнила Куки.

— Да. Мне папа разрешил. Недели три назад.

Эмбер тогда жила с отцом, потому что Куки нянчилась со мной в Нью-Йорке. Я спятила и забыла собственное имя вместе со всем остальным. В итоге из-за меня Куки не оказалось рядом с дочерью, когда той больше всего была нужна мама.

— Итак, вы смотрели фильм, — напомнила я.

— Ага. Брэнди уснула, а я досмотрела до конца. Мы были в пижамах, и я положила ноги на журнальный столик. А потом пришло сообщение: «Раздвинь колени, чтобы мне было лучше видно».

Куки затрясло.

— Мам, мы сидели в подвале, а там одно крошечное окошко. Тот, кто писал сообщение, наверняка был на заднем дворе Брэнди.

— Ох, милая! — воскликнула Куки и обняла дочь.

Все это время Эмбер обеими руками сжимала ладонь Рейеса, а теперь одной обняла маму. Рейес спокойно сидел, поглаживая большим пальцем костяшки Эмбер. Глядя на него, я чувствовала, как разливается в груди тепло. Когда мы вернем Пип, он станет замечательным отцом.

— Я выключила телевизор, но уснуть не смогла. Было так страшно, что я всю ночь смотрела на окно.

— Мне очень жаль, солнышко, — сказала я.

— Он везде, куда бы я ни пошла. Если я иду в кино, он спрашивает, не хочется ли мне спать, потому что он якобы что-то подсыпал мне в минералку. Если мы с Квентином идем в парк, он пишет: «Если не перестанешь наклоняться, я отлуплю тебя по заднице».

Куки, по венам которой струились страх и беспокойство, закрыла глаза.

— Потом сообщения стали еще хуже, — добавила Эмбер.

С этим я была согласна на все сто. Даже от тех, что я прочла, покраснела бы и матерая порнозвезда. Такое и взрослому говорить стремно, а уж тем более — тринадцатилетней девочке.

— Он начал угрожать расправой. Например, однажды в школе мы обедали, и он откуда-то знал, что я в платье. Он грозился... — Эмбер тяжело слотнула. — Грозился отрезать мне ноги, если я раздвину их еще шире. Назвал меня шлюхой и сказал, что ему видны мои влажные трусики.

Я застыла. До этого я точно не дочитала.

— Откуда у него номер? — спросила я у Диби.

— Он даже в школе за ней следит, — добавила Куки.

Дядя Боб до сих пор просматривал сообщения.

— Это может быть кто угодно, — сказал он и через долю секунды опять выскочил из квартиры.

Вернулся он уже со своим телефоном и начал кому-то названивать.

— Эмбер, почему ты нам ничего не сказала? — спросила я.

Она откинулась на спинку стула.

— Не могла. И рассказывать больше нечего.

Лицо Куки на одну треть выражало недоумение и на две трети — решительность.

— Этого мало, барышня. Я требую объяснений.

Я коснулась ее руки. В жизни не слышала, чтобы она называла Эмбер барышней. Это совсем не в духе Куки.

— Ты была в Нью-Йорке, — вдруг огрызнулась Эмбер. — Я не хотела тебя волновать.

— Волновать? Эмбер, я поверить не могу, что ты ничего мне не рассказала!

— Прости, мам...

— Сейчас же! — внезапно повысил голос дядя Боб, прикрикнув на кого-то в трубку.

— Я заблокировала номер, с которого мне писали, — добавила Эмбер, — но сообщения стали приходиться с других номеров. Каждый день — новый номер.

— Может, просто сменим Эмбер номер? — предложила Куки.

— Чтобы весь следующий год, если не дольше, гадать, придет ли он за ней? Кук, эти сообщения так и кричат о жестокости и насилии. Может быть, их пишет какой-то кретин,

который живет неподалеку и в жизни не наберется храбрости приблизиться к своей жертве. Может, он из тех преследователей, которые абсолютно безобидны, — соврала я сквозь зубы. На свете не существует абсолютно безобидных сталкеров. Все они так или иначе причиняют своим жертвам вред. — Но нам нужно убедиться наверняка. — Я глянула на Эмбер. — Квентин в курсе?

Она покачала головой:

— Нет. Я боялась, что... — Эмбер покосилась на Диби. — Боялась, что он скажет маме.

Тем временем дядя Боб превратился в статую. Говоря по телефону, он продолжал просматривать сообщения в сотовом Эмбер, но внезапно перестал водить пальцем по экрану и развернулся к ней.

Она тут же опустила голову, прижала к груди колено здоровой ноги и сжала ладонь Рейеса.

— Так вот почему ты нам ничего не рассказывала? — спросил разъяренный Диби, а когда Эмбер промолчала, заорал: — Эмбер!!!

Я встала:

— Хватит, дядя Боб, — и забрала у него телефон.

— Нет, — еле слышно отозвалась Эмбер. — Поначалу я сглупила. Боялась, что, если расскажу, вы заберете у меня телефон. Но потом...

После очередного и особенно гадкого сообщения Эмбер ответила преследователю, написав: «Мой отчим детектив. Если не прекратишь, он тебя найдет».

Ответное сообщение сталкера было, наверное, самым страшным: «Не смей угрожать мне, сука. Если эта свинья хоть что-то узнает, ему в тот же день перережут плотку». В следующих семи сообщениях были сплошные фотографии дяди Боба. На работе, в «Вороне», перед нашим домом, когда он вылезал из джипа. Этот парень постарался на славу.

Диби вернулся к своему телефону:

— Мне не нужен ордер. Этот человек угрожает моей дочери. МОЕЙ ДОЧЕРИ. Выполняй. Сейчас же. — Повесив трубку, он гневно сжал в руке телефон. — Техник уже проверяет все входящие и исходящие сообщения с этого номера. Раз сталкер писал тебе с разных номеров, то скорее всего пользовался одноразовыми телефонами. Но даже так у нас есть шанс отследить его хотя бы до магазина, где он покупал...

Диби не договорил, потому что Эмбер бросилась ему на шею. Пару секунд он ошеломленно стоял, а потом обнял ее, погладил по волосам и чмокнул в макушку.

— Ты самая храбрая девочка на свете.

— И вовсе я не храбрая, — покачала головой Эмбер. — Я испугалась. Он сказал, что убьет тебя.

— Никуда я не денусь, бусинка.

Мы с Рейесом украдкой обменялись взглядами, после чего он встал со стула и начал сворачивать пункт скорой помощи.

— Я так переживала из-за Роберта, — пожираемая чувством вины, проговорила Куки, — что ничего не замечала.

Я погладила ее по руке:

— Это да. Ты худший родитель со времен Джоан Кроуфорд²³. Слава богу, у тебя есть я, потому что у меня есть план.

Диби смерил меня подозрительным взглядом:

— Твои планы часто плохо заканчиваются.

— Чего? — фыркнула я, махнула на дядю рукой и повернулась к подельнице. — А ты что скажешь? Ловим поганца, или как?

Куки глубоко и нервно вздохнула:

— Я скажу «да», однозначно ловим. Но, думаю, решать должна Эмбер.

— Это потому, что ей придется быть наживкой?

От страха у Куки глаза полезли из орбит.

— Наживкой?!

— А я разве не говорила?

Иногда я остаюсь дома только потому, что в мире бывает слишком людно.

Факт

Около двух часов ночи Эмбер уснула на диване, а все мы занялись детальной проработкой моего плана. Дяде Бобу понадобится какое-то время, чтобы собрать команду для главной разборки, поэтому осуществление плана пришлось отложить еще как минимум на день.

Куки боялась отпускать Эмбер в школу, но я убедила подругу, что заманить гада в ловушку удастся только в том случае, если внешне все будет выглядеть как обычно. Именно в такие моменты уровень моего интеллекта (разумеется, при поддержке этапов самого плана) поднимается с отметки «банальная острячка» до отметки «абсолютный гений».

Наверняка будет непросто уговорить бывшего демона-раба пойти в человеческую школу пусть даже на один денек, вот только у нас было всего шесть часов, чтобы найти того, кто прокатит за ученика старших классов и при этом сумеет защитить Эмбер от любого нападения. Чтобы заполучить настоящего копа, который сможет поработать под прикрытием, придется покувыркаться в бюрократической мясорубке, поэтому выбор пал на даэву.

Тщательно изучив все сообщения, мы пришли к выводу, что у преследователя нет никаких паранормальных способностей, а значит, он не сможет понять, что новый лучший друг Эмбер — сверхъестественное существо.

Осталось только уломать упомянутое сверхъестественное существо.

Очень-очень осторожно дядя Боб поднял Эмбер, которая казалась хрупкой, как крылья бабочки, на руки и отнес домой, а мы с Рейесом наспех оделись и направились к Ошу. Вместе. В одной машине.

Я даже удивилась, что муж решил поехать со мной. Надо было меньше удивляться и больше думать. Как-то чересчур много он выразил энтузиазма.

К счастью, Ош оказался дома и, как всегда, в надежде на очередной перекус оставил дверь открытой. Рейес стучать не стал, а просто-напросто вошел в дом и направился прямо туда, где, по моим прикидкам, должна была находиться спальня. Я посеменила следом.

Открыв дверь в комнату, Рейес включил свет.

— Черт, — выругался Ош, прикрывая рукой сонные глаза от света, льющегося с потолка, — может, прикрутишь яркость? Ты и мертвого разбудишь.

— Тут нет регулятора яркости, — отозвалась я, разглядывая выключатель.

— Я имел в виду твою.

— А-а, — протянула я, кутаясь в куртку. — Прости, но тут я ничего не контролирую.

Я точно знала, что Ош напрягся в ту самую секунду, как мы вошли. Может, тоже почувствовал настроение Рейеса?

Спал Ош в одних клетчатых пижамных штанах (как и еще одно сверхъестественное создание, с которым я хорошо знакома). Откинув темно-синее одеяло, он подвинулся и прислонился спиной к изголовью кровати.

Рейес уже всюду проводил обыск. В буквальном смысле. Открывал ящики и заглядывал внутрь. Вытаскивал вещи из комода и все внимательно осматривал. Проверил шкаф и перекопал одежду Оша. И все это было обалдеть как грубо.

— Не расскажешь, что на уме у Шерлока? — поинтересовался Ош.

— Да ничего особенного, — махнула я в сторону благоверного. — Он всего-навсего обыскивает твои манатки. Короче говоря, нам нужно, чтобы ты завтра сходил в школу в качестве ученика и присмотрел за Эмбер.

— Нет.

— Ну пожалуйста!

— Нет. Что вы вообще навывдумывали? Какая школа? Я понятия не имею, как себя там вести.

— Пожалуйста, Ош. Ты знаешь о людях больше, чем они — сами о себе. Но никаких душевных перекусов. Там же все-таки дети.

Глубоко вздохнув, Ош почесал лицо обеими руками.

Тем временем Рейес поднял брошенные на пол штаны, достал из кармана бумажник и стал в нем копать. Сгорая от стыда, я ущипнула себя за переносицу.

— Вы издеваетесь? — процедил Ош, глядя, как Рейес изучает содержимое кошелька.

— Прямо сейчас дядя Боб вводит в курс дела капитана, так что вся операция будет почти что официальной. Только без ордеров и прочей лабуды. Остается лишь надеяться, что в школе не поднимут шум.

— И что мне делать?

— Ходить с Эмбер на уроки. Присматривать за ней. Оберегать. Ее преследуют.

Ош перевел взгляд с Рейеса на меня.

— Преследуют? Кто?

— Это мы и хотим выяснить. Но завтра пятница, а нам нужен еще один день, чтобы подготовить команду. Это значит, что еще один день все должно выглядеть как обычно. Если Эмбер прогуляет школу, сталкер поймет, что что-то не так.

— Черт с тобой. Я все сделаю, но домашние задания выполнять не буду.

Я рассмеялась, а Рейес открыл прикроватную тумбочку и достал «Плейбой».

— Там интересные статьи, — проговорил Ош.

Я закатила глаза, а потом резко посерьезнела:

— Ты ее видел?

Ошу не нужно было уточнять, о ком я спрашиваю.

— Вчера весь день был на посту.

Я кивнула, стараясь не обращать внимания на бездну боли в сердце.

— Она удивительная, — добавил Ош. — Уже улыбается. Слегка криво, как и ты.

Я просияла. Рейес — нет.

— Значит, тебе уже полегчало? — спросил он.

Ош покосился на него:

— Здоров как бык.

Рейес кивнул, подошел ближе и уставился на даэву сверху вниз. Они прекрасно ладили, пока я не сказала Рейесу, что Ошу суждено стать частью жизни Пип. Что она полюбит его, а он — ее.

— Заруби себе на носу, — процедил Рейес. — Абсолютно все, что ты сделаешь с моей дочерью, я сделаю с тобой.

— Чего?! — взвился Ош, у которого отвисла челюсть. — О чем, мать твою, речь? Я тут жизнью ради нее рискую, а ты...

Ош тут же заткнулся, когда Рейес наклонился ближе и еле слышно повторил:

— Абсолютно все.

Эти двое — темпераментные и непреклонные демоны, и открытое их противостояние не сулило ничего хорошего. Однако со стороны выглядело до странности сексуально.

Вот только им нельзя было драться. Ош мне нужен целым и невредимым, без единого синяка. Чтобы в школе его не приняли за драчуна и задиру. Нам позарез необходимо, чтобы администрация школы была на нашей стороне.

— Рейес, может, обсудим твоё мнение об Оше позже? — Муж уже собирался возразить, но я подняла вверх указательный палец. — Сейчас главное — Эмбер.

Стиснув зубы, Рейес швырнул Ошу бумажник и отошел в сторону.

— Ну уж нет, — запротестовал Ош. — Я хочу знать, что, на хрен, это было. Если я, по-твоему, не могу ее защитить, так и скажи.

— Дело вовсе не в этом, — встала я. — Ты как раз один из тех, кто может. Просто у Рейеса был трудный день. Мы побывали в Шотландии, а он плохо переносит путешествия.

Судя по выражению лица, Ош ни на йоту мне не поверил. Я бы тоже не поверила, но у нас не было времени вдаваться в подробности.

— Итак, — начала я, подходя к шкафу, за копания в котором минуту назад испепеляла Рейеса взглядом, — тебе нужно выглядеть помоложе.

— Учитывая, сколько мне лет, я и так выгляжу молодо.

— Да нет же. Тебе нужно выглядеть по-настоящему юным. На вид тебе лет девятнадцать, а Эмбер — тринадцать. Она сейчас в девятом классе. Чтобы все сработало, тебе нужно...

Ош вылез из постели и, протянув руку передо мной, не дал мне и дальше копаться в его вещах.

— Я здесь не первый день и прекрасно знаю, как выглядеть юным.

Я с сомнением смерила его взглядом:

— Точно?

— Ты серьезно?

— Ну ладно. — Я дала Ошу адрес и стала выталкивать Рейеса из комнаты. — Приходи к половине восьмого. Перед уроками нужно обо всем договориться с администрацией.

— Понял.

— И никакого флирта!

— Что? — прикинулся оскорбленным даэва. — Да я бы никогда...

Может быть, все это очень плохая затея.

***

Через три часа мы стояли в кабинете директора, то бишь в том самом месте, находиться в котором мне никогда не нравилось. Дядя Боб посвятил женщину в детали нашей операции и попросил сохранять строгую конфиденциальность. Даже жетоном сверкнул и заверил, что все делается с одобрения капитана. Похоже, директорисе этого хватило, и слава богу. Она вполне могла потребовать какой-нибудь ордер.

Чтобы все казалось максимально нормальным, в школу мы с Дибби приехали без Эмбер, а Куки привезла ее в то же место, в которое привозила каждое утро. С рюкзаком на спине

Эмбер прошла мимо нас, сделав вид, будто нас и не заметила. Молодчина. Зуб даю, с нашей задачей она справится великолепно.

До звонка на первый урок оставались считанные минуты, а Оша все еще не было. Я опять высунулась в коридор, но там ничего не изменилось.

— Я могу чем-то помочь? — спросила у кого-то секретарша.

Я повернулась и увидела, что в углу приемной сидит пацан со скейтом под боком. Под капюшоном безразмерной толстовки торчали темные волосы. Мешковатые штаны были заправлены в высокие ботинки, которые пацан и не подумал зашнуровать. Правда, он не просто сидел, а явно решил превратить сутулость в некую форму искусства.

Когда я снова выглянула в коридор, пацан пожал плечами:

— Я жду, когда дядя решит вопросы с директором. Он хочет записать меня в эту школу.

Услышав голос, я резко развернулась и ошеломленно ахнула:

— Ош?!

В знак приветствия он приподнял подбородок и криво ухмыльнулся.

Я подошла и присела рядом.

— Святой ежик, Ош! Ты выглядишь... потрясающе!

— Неужели? — поддразнил он. — То есть ты одобряешь?

— Ну-у... да. — Дар речи еще не до конца ко мне вернулся, а потом я вдруг осознала, на что пошел Ош ради нашего дела. — Ты постригся!

Несколько секунд он смотрел мне в глаза.

— Немного. Волосы быстро отрастут.

— Я... даже не знаю, что сказать.

— Речь ведь об Эмбер, да? А ты за нее сильно переживаешь.

— Это точно.

— Тогда и я за нее переживаю.

Я как будто разговаривала с ребенком. С настоящим пятнадцатилетним ребенком, который точно сойдет за девятиклассника, правда, за очень высокого.

Сжав ладонь даэвы, я повела его в кабинет директора. Внимательно рассмотрев Оша, дядя Боб так же офонарел, как и я. После знакомства директриса выдала длинную тираду на тему того, что Ошу можно делать, а чего нельзя. К сожалению, о высасывании душ из школьников никто не упомянул.

— Ты никогда не думал о карьере в правоохранительных органах? — спросил Дибби у Оша. — Нам бы не помешали копы под прикрытием в школах.

— Я смотрел «Джамп-стрит, 21»²⁴, - усмехнулся Ош. — Вряд ли впишусь в образ.

Дядя Боб покачал головой:

— Жаль.

— В общем, не забудь, — проговорила я, отдавая Ошу расписание Эмбер, — ты кузен Эмбер из Денвера. Твоя семья только что переехала в Альбукерке. Твой отец...

— Сладенькая, — перебил меня даэва, ошарашив южным акцентом и чувственной ухмылочкой, — я все помню.

— Ну ладно. Извини.

Ош нам отсалютовал, тем самым, как и любой старшеклассник, насмехаясь над властью взрослых, и направился на первый урок Эмбер.

Мы не знали, имеется ли у преследователя доступ к сообщениям Эмбер (он вполне мог клонировать ее телефон), поэтому попросили ее писать в обычном режиме маме, друзьям и

даже Квентину — ее бойфренду, у которого на этой неделе был выездной матч по баскетболу.

Некоторые сообщения сталкера навели меня на мысль, что у него и правда есть доступ к эсэмэскам Эмбер. Слишком уж много он знал о ее семье и друзьях.

Стоит признать, что кое-что хорошее благодаря нашей операции уже произошло. Сказав нам правду, Эмбер стала чувствовать себя в эмоциональном плане гораздо лучше. Утром, когда мы обсуждали план, я прямо-таки ощущала, какое на нее снизошло облегчение. Теперь ей было намного спокойнее от того, что мы занялись этим вопросом и уберем ее от беды.

Впрочем, в сложившихся обстоятельствах у меня болело сердце, и по коже ползли мурашки. Сталкеры — особый тип людей, причем ужасно непредсказуемый. По крайней мере те, что мужского пола. Женщины-преследователи редко обращаются к насилию, а вот мужчины — совсем другое дело.

Я смотрела, как Ош идет по коридору, собирая многочисленные взгляды. Еще бы! В школе появился новичок. Загадочный и... Да что там! Все девчонки в школе начнут по нему сохнуть. Почему я раньше об этом не подумала? Ош — самый неисправимый вертихвост на белом свете.

В общем, пусть будет как будет.

Мы внесли в список контактов Эмбер новый номер с одноразового телефона, который поручили мне. Я буду какой-то Джесс и приглашу ее составить мне завтра компанию в торговом центре. Учитывая обстоятельства, Эмбер будет отнекиваться, утверждать, что у нее куча дел, но в конце концов я ее уговорю. А в субботу утром мы уже будем готовы поймать преступника.

Еще мы договорились о кое-каких шифрах в эсэмэсках, чтобы я могла узнать, все ли в порядке, не вызвав подозрений у преследователя, которого я решила назвать Джо Сталкером. Надо будет спросить у Эмбер о кузене. Просто чтобы убедиться, что он не успел назначить несколько свиданий на потом. С первого взгляда стало ясно, что многие старшеклассницы в школе Родраннер-Хай вполне могли подрабатывать в качестве моделей. Может, им тут что-то в воду подмешивают? Не припомню, чтобы в моей школе девочки выглядели, как певицы и кинодивы.

— Все готово, — сообщил дядя Боб, выйдя из кабинета директора.

Под внешним дядибобовским спокойствием билось сердце фирменной дядибобовской взбешенности. Кем бы ни был преследователь, его жизнь вот-вот кардинально ухудшится. Я хорошо знаю, что происходит с теми, кто связывается с дорогими дяде Бобу людьми.

Мы шли к его джипу, и по пути я задумчиво замедлила шаг. А ведь я и правда знаю, что происходит с такими неудачниками. Проклятье! Теперь придется сделать так, чтобы я до Джо Сталкера добралась раньше Дибби. Выйти сухим из воды после убийства — большая редкость. Вряд ли дяде Бобу удастся достать этого кролика из шляпы дважды.

Глядя, как он выходит на улицу через главную дверь, я ощущала, как прогрызает в животе дыру дурное предчувствие.

***

Пройдя по школьным коридорам, я вышла на улицу и тут же ощутила в толпе восторженный трепет. Это означало лишь одно. Где-то поблизости находилась донельзя сексапильная особь мужского пола. Девочки во дворе тихонько переговаривались, хихикали и ахали. Или Ош уже успел произвести впечатление, или мой муж явился лично осмотреть

толпу молодняка.

И точно! Направляясь к стоянке, мы с Диби свернули за угол здания, где я и заметила мистера Рейеса Фэрроу рядом с потрясной «плимут-кудой» семидесятого года. Темная мускулистая классика. Да и машинка тоже супер.

Рейес кивнул дяде Бобу и стал ждать меня, явно намереваясь стать причиной опоздания на урок как минимум двадцати школьников. Девочки шептались и бросали на него мечтательные взгляды. Словосочетание «магнит для барышень» слишком слабо описывает привлекательность моего мужчины. Если и говорить о магнитах, то Рейес скорее из тех, которые на свалках перетаскивают машины. Остается только заменить машины на девичьи сердца.

— В общем, — начал Диби, — я еще раз пройду по деталям плана с командой. Ты ведь будешь на связи с Эмбер весь день?

— Само собой, дядя Боб. Мы поймаем этого парня.

Он неуверенно кивнул. Ну хоть перестал донимать меня приказами отсиживаться дома.

— Хорошо. А теперь двигай домой.

— Да что, блин, происходит? С чего вдруг мне резко понадобилось сидеть в четырех стенах?

Диби покачал головой и соврал сквозь слегка кривые зубы:

— Просто подумал, что тебе не помешает передохнуть.

— Что ж, я только что вернулась из отпуска в Шотландии, так что отгулы мне не нужны.

— Я серьезно, Чарли.

— Это я вижу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Не зная наверняка, согласилась я или нет, Диби пошел к своему джипу.

Из-за чего он так расстроен, что не может поделиться со мной? Зачем скрывает правду? Может быть, он как-то узнал, что мы за ним следим? Но ради его же блага, ясное дело.

На другой стороне улицы я заметила черный грузовик Гаррета. Значит, Своупс все еще на посту. Герина мы до сих пор не нашли, и я ужасно боялась, что, так и не воплотив благодаря нашим усилиям свой изначальный план по убийству дяди Боба, он рано или поздно доведет начатое до конца. Судьба — штука изменчивая. Как знать, к чему приведет изменение малюсенькой детальки? Я, например, свято верю в эффект бабочки.

— Привет, красавчик, — поздоровалась я, подходя к мистеру Фэрроу.

Он смерил меня взглядом с ног до головы, и на одной щеке появилась ямочка. Впрочем, смотрел он в основном на мою футболку с надписью «В СВОЮ ЗАЩИТУ СКАЖУ, ЧТ МЕНЯ ОСТАВИЛИ БЕЗ ПРИСМОТРА».

— Что привело тебя в это захолустье? — спросила я, натягивая поверх футболки свитер.

— Подумал, что мы могли бы провести утро вместе.

— Неужели? — Я поднялась на цыпочки за поцелуем, и Рейес поцеловал меня, согрев губы фирменным теплом. — Ты сговорился с моим дядей?

— Сговорился? — переспросил муж, изогнув бровь. — Ничего такого не знаю.

— И твоя затея не имеет никакого отношения к моему текущему расследованию?

— Ни малейшего. Куки в режиме поисков, так что...

— Дочери Куки грозит опасность. Сомневаюсь, что ей удастся много сегодня накопать.

— Согласен, но одно утро безделья никак не повлияет на твои шансы прищучить

Фостеров.

— Может быть.

Я помахала проехавшему мимо Дибби, обошла зверюгу, на которой приехал Рейес, и с трудом выдавила:

— Статус Дибби остался прежним?

Мысль о том, что чувак, которого Рейес видел в тюрьме, до сих пор хочет убить дядю Боба, не давала покоя. В этом смысле я мало что знаю о судьбе. Если одну попытку убийства мы предотвратили, последует ли за ней вторая?

Разочаровав фанаток, Рейес сел в машину и завел мощный двигатель, отозвавшийся львиным рычанием.

— Чтобы это выяснить, мне нужно не дядю твоего увидеть. Глядя на него, я вижу лишь, почему он должен отправиться в ад. Понять, грозит ли ему опасность, я смогу, только увидев Гранта Герина.

— Значит, мы все еще в состоянии повышенной боеготовности.

— В данный момент — да. Но мы уже достаточно вмешались в дела судьбы, чтобы шансы твоего дяди на очередную встречу с Герином значительно снизились.

— Минуточку. Хочешь сказать, раз Грант Герин не убил дядю Боба, то есть не совершил плохой поступок, то его теперь не ждет путешествие в ад?

— Герин принимает плохие решения одно за другим, поэтому рано или поздно наверняка причинит кому-то вред. Я могу увидеть только тот поступок, за который его изначально приговорили к вечности в аду. Сколько преступлений ему суждено совершить потом, узнать невозможно. Вероятность того, что так или иначе он отправится в пекло, очень высока.

— Жаль, что я всего этого не вижу.

— Ты можешь, но сама не хочешь видеть все то зло, что творят люди.

— Сомневаюсь, что тут учитываются мои желания.

— Разумеется, учитываются. Ты жнец. Видеть все эти вещи — в твоей природе. Ты даже можешь сама посылать людей в ад. Что и делала раньше.

— Было дело, ага. Но когда я поставила метки на тех людях, я находилась в состоянии повышенного возбуждения.

— Неужели?

— Я не о том возбуждении, о котором ты подумал. В тот момент в мою нервную систему потоками вливался адреналин. Я вообще ни о чем не думала. Отметила их и все.

— Ясно.

— Ош сказал, я могу снять метку с Дибби.

— Можешь.

— Класс. Значит, если дядя Боб протянет достаточно долго, чтобы я успела понять, как это сделать, все будет хорошо. Какие у нас на сегодня планы?

Из-за лукавой улыбки на губах Рейеса пришлось пересмотреть свои протесты по поводу впустую потраченной половины дня. Знай я заранее, что задумал муж, лично бы умоляла дать мне отгул.

***

— Что и куда я должна засунуть?!

Вопреки моим предположениям и надеждам, в постель Рейес меня тащить не стал, зато

притащил в еще одно почти такое же прекрасное место. В кофейню. Нет лучшего способа сказать «Я тебя люблю», чем привезти свою робеющую невесту в кофейню. Или в кафе-мороженое. Или на битву тракторов, но только по особым случаям.

Рейес наклонился ко мне, и внезапно крошечный столик в углу показался просто-напросто огромным. Темные глаза мерцали, а легкая щетина, которая, как обычно, появлялась раньше положенного, идеально обрамляла самые красивые на свете губы.

Момент очарования рухнул, когда Рейес повторил:

— Я хочу, чтобы ты просунула руку сквозь мое сердце.

Ну да, точно. На всех парах Рейес мчался на поезде напрямик к станции Шизоленд.

— Сквозь сердце, говоришь? Ладно. Я, конечно, в курсе, что ты бог и все такое, но разве тебя это не убьет?

— Скорее всего. Это урок по контролю над собственными силами. Сейчас покажу.

Когда он протянул ко мне руку, я резко отстранилась. Рейесу я могу доверять и сердце, и жизнь. Но сейчас и то, и другое одновременно стояло на кону!

Впрочем, с дематериализацией Рейес знаком намного дольше, чем я.

— Значит, ты хочешь преподать мне урок?

— Да, если ты не будешь дергаться.

Я осмотрелась по сторонам.

— А точно надо засовывать мне руку в грудь на глазах у кучи людей? Убийства вроде как удобнее совершать в темных переулках.

— Я все-таки рискну.

— Фиг с тобой. — Глубоко вздохнув, я сцепила на столе руки в замок. — Ну давай. Вырви мне сердце.

Рассмеявшись, Рейес взял меня за руку, посмотрел прямо в глаза, перевернул мою ладонь и коснулся ее чувственными губами.

Я ощутила легкое покалывание от щетины, гладкость губ и прикосновение горячего языка.

В этот момент я так сосредоточилась на том, что делал Рейес с моей ладонью, что даже не заметила, как его свободная рука легла мне на грудь, растворилась и погрузилась внутрь.

Я громко ахнула. Рука не прошла сквозь меня, как проходят призраки, отправляясь на другую сторону. Молекулы Рейеса разделились внутри, и в меня теплым медом полился его жар. Сначала в грудь, затем ниже и выше... Повсюду.

Жар двинулся к моему затылку, прошелся за ушами, пролился на губы и в то же время собрался в животе и потек ниже, к плоти между ног.

Молекулы объединялись в спирали и кружились, пока я обеими руками не вцепилась в край стола, запустив ногти в столешницу. Ужасно хотелось как-то позвать шторм ближе, оказаться в самом центре этого вихря удовольствия и получить в награду яркую вспышку экстаза.

Я почувствовала, как Рейес обнимает меня за шею и целует. Голодный, требовательный язык прошел по моим зубам и скользнул глубже. Вот только внутри меня, как готовая взорваться бурлящая лава, уже скапливалась энергия. Из всех сил я старалась не издавать ни звука, не застонать, когда энергия сгустилась и давление стало непереносимым. Все усилия оказались напрасными. Вот почему теплая рука накрыла мне рот, а ухо уловило тихий успокаивающий шепот.

Однако Рейес не спешил. Я уже готова была криком умолять, а он продолжал медленно

ласкать меня изнутри жаром, легкими и дразнящими движениями молекул, словно заманивал к краю пропасти, испытывал на смелость.

Не в состоянии спокойно сидеть, я раздвинула ноги и съежилась под мощным потоком вливающейся в меня энергии, которая закружилась и смешалась с моей, вырвав из груди похожий на плач стон. Все внутри запульсировало. По телу пронеслась волна крошечных сладких спазмов, когда Рейес сосредоточил восхитительное трение в самом сердце моего естества. А через несколько мгновений откуда-то издалека ко мне со скоростью света помчался раскаленный добела оргазм. Врезавшись в меня, он взорвался внутри, обдав мощными волнами неземного наслаждения. И где-то на задворках сознания появилась мысль, что в трусах стало как-то чересчур влажно.

Рейес сжал меня в объятиях, и, когда ко мне вернулась способность ясно мыслить, я поняла, что он сидит рядом и держит меня, не давая упасть под натиском удовольствия, подаренного самым настоящим экспертом в этом деле.

Но внезапно Рейес убрал с меня руку и схватился за мягкую спинку диванчика. Я крепко обняла мужа. Отчасти для поддержки и отчасти для того, чтобы самой удержаться на земле, в то время как в Рейесе тоже вспыхнул экстаз, который вырвался из него ослепительно сияющими волнами, чуть не подтолкнув меня к оргазму во второй раз.

Когда все закончилось, мы еще долго сидели, молча переводя дух.

А потом я вспомнила, где мы находимся. Распахнув глаза, я быстро поняла, что со стороны мы выглядели, как обычная парочка, которая обжимается на людях. Сама я всегда считала, что это форменная наглость, но елки-палки! Ради таких вот землетрясительных оргазмов я готова хоть сейчас выкинуть к чертям собачьим «Учебник Чарли Дэвидсон по этикету и борьбе в грязи».

— Твою мать, — выругался Рейес, положив голову мне на плечо. — Такого не должно было случиться.

— Чего именно?

Если он не хотел, чтобы я кончила, я буду разочарована до глубины души. То есть буду разочарована не в том, что это все-таки случилось (и слава богу!), а в нежелании Рейеса, чтобы я достигала максимума своего потенциала в любой ситуации.

И все же стоит признать, что этот мужчина безмерно талантлив. Лично я была уверена, что все это было подстроено специально.

— Я не планировал... Это должно было быть только для тебя.

— Я, конечно, благодарна тебе за намерения, но рада, что ты ко мне присоединился. Секс с другом всегда лучше, чем в одиночку.

Рейес выпрямился и продемонстрировал мне пару ямочек на щеках. А когда его лицо с манящими чувственными губами оказалось в считанных сантиметрах от моего, я заглянула в поразительные глаза и тихо проговорила:

— Это был самый лучший в мире урок. Тебе надо стать профессиональным учителем.

— По-моему, это незаконно.

— Есть такое дело.

Откашлявшись, Рейес вернулся на свое место.

Я села ровнее, глотнула кофе и изо всех сил постаралась прийти в себя. Рейес одним глотком осушил свою чашку и заметил:

— Я бы сказал, что теперь твоя очередь, но для начала мне нужно переодеться.

— Запачкался?

Он кивнул, а я протянула под столом руку и погладила ширинку мужа, ощутив тепло. У меня в трусах резко стало мокрее.

— Да уж. Мне, наверное, тоже не помешает переодеться.

Шизанутость подчеркивает цвет моих глаз.

Надпись на футболке

Через час мы сидели за нашим кухонным столом. За маленьким, который действительно стоит у нас в кухне, а не за тем гигантским, где можно посадить больше людей, чем у меня есть друзей.

Я написала Эмбер эсэмэску узнать, как идут дела. Все шло как по маслу, не считая того, что все ее подружки без ума от «кузена». Кто такой Ош на самом деле, Эмбер не знала, но понимала, что он сверхъестественное существо. А еще ее раздражало, что девочки, которые раньше с ней даже не здоровались, внезапно стали напрашиваться в лучшие друзья.

Я покосилась на Рейеса. Даже странно, как порой складываются обстоятельства.

Еще я успела заскочить к Куки, но она потребовала не мешаться под ногами. Видимо, разнюхала что-то дикое по поводу Фостеров и продолжала идти по следу. Каждый раз, когда она впадает в такое волнение, я тоже волнуюсь. И сгораю от любопытства.

— Итак, — вырвал меня из раздумий Рейес, придвинувшись ближе, — рука сквозь сердце.

— Может, не надо?

— Датч, — едва сдержал улыбку он, — разве есть способ лучше научиться контролировать свои силы, чем предложить тебе страшные последствия в случае неудачи?

Мужская логика во всей своей красе, леди и джентльмены!

— Хотя бы попробуй.

— Нет, Рейес. Я не стану рисковать твоей жизнью, чтобы научиться контролировать, где во вселенной я окажусь после очередной дематериализации в приступе ярости.

— Вот именно. Во вселенной. А если тебя занесет на темную сторону луны?

— Ты про альбом²⁵?

— Нет, про круглый камешек в небе.

— А-а! Про ту светящуюся штуку! Все равно нет.

— Датч, ты меня не убьешь. Мы же боги, помнишь?

— Кстати, хотела кое-что прояснить. Как именно это работает? Что будет, если я вдруг окажусь в щеподробилке, например?

— Об этом позже. Сейчас на повестке дня рука в сердце.

Раздраженно вздохнув, я повернулась к мужу:

— Все это дикость какая-то.

— Сосредоточься.

— А если я материализуюсь, еще будучи у тебя в груди?

— Ничего такого не случится. Для этого нужно больше концентрации, чем для того, что ты будешь делать.

Я положила ладонь ему на грудь.

— И что конкретно для этого нужно?

— Большое желание отнять жизнь.

— Ты же говорил...

— Не мою, а вообще. У тебя это получится только тогда, когда ты очень сильно захочешь кого-нибудь убить. В ином случае материализоваться внутри меня ты не сможешь. Это как встроенный предохранитель.

— Откуда ты все это знаешь?

— Было время попрактиковаться.

Я убрала руку с груди Рейеса и выпрямилась.

— Ты практиковался убивать с помощью этой способности?

Он опустил голову:

— Да.

Я моргнула.

— А ты... ты когда-нибудь...

Повисла долгая пауза, после чего Рейес проговорил:

— Один раз. В конце концов, я сидел в тюрьме строго режима, Датч. — Будто это все объясняло, он замолчал, а потом снова посмотрел на меня. — Рука и сердце.

Я тоже опустила голову, сосредоточилась и начала разделять молекулы ладони. Как песчинки на ветру, они зависли в воздухе, и я стала потихоньку направлять их в грудь Рейеса. Мне казалось, я должна была что-то почувствовать. Мышцы, ребра, левый желудочек. Но не ощутила ровным счетом ничего.

— Это потому, что ты больше не в том измерении, где находится мое тело, — сказал Рейес, прочитав мои мысли.

Не буквально, конечно. То есть я очень-очень надеялась, что он не читает мои мысли на самом деле.

— И нет, я не могу прочитать твои мысли.

Святые райские яблочки!

— Сейчас ты, точнее твоя рука находится в потустороннем мире, а весь я и все остальное в тебе — в материальном. Вся соль в переходе из одного измерения в другое.

— Тогда как тебе удалось... То есть почему я в кафешке испытала оргазм?

— Это уже следующая ступень обучения. Продвинутый курс манипуляции на клеточном уровне ради совмещения приятного с полезным.

Я рассмеялась и вдруг поняла, что моя ладонь материализовалась и спокойно лежит на груди Рейеса. Прямо над сердцем.

— Я тебя не убила.

— Я же говорил, — заразительно улыбнулся он. — Без практики материализоваться внутри кого-то не выйдет.

— Как и без тонны гнева, насколько я понимаю.

— Верно. Попробуй еще раз.

Немного потренировавшись проворачивать фокус с рукой и сердцем, мы перешли на новый уровень, где Рейес спокойно стоял, а я проходила сквозь него. То есть сквозь его тело в прямом смысле слова. Муж застывал передо мной, засунув руки в карманы, а я дематериализовала всю себя и проходила через него насквозь.

Когда получилось в первый раз, я рассмеялась и захлопала в ладоши, как ребенок в аквапарке. Потом откашлялась и вернулась в свое обычное состояние совершенной невозмутимости.

Шучу. До Совершенной Невозмутимости мне далеко, а вот Дибби уверяет, что однажды проезжал мимо городка с таким названием.

— Увидимся там, — заявил Рейес, дематериализовался и возник в другом конце комнаты. А комната, надо заметить, немаленькая. — Твоя очередь.

Я наполнила легкие воздухом и переместилась в потусторонне измерение. В лицо захлестал ветер. Ревела гроза. Повсюду били зигзаги молний. Цвета оказались настолько яркими, что я потеряла Рейеса из виду и материализовалась там же, где стояла.

— Еще раз, — потребовал Рейес-Ван.

— Я тебя там не вижу.

— Значит, плохо смотришь.

Потрясающе полезное замечание. Я опять переместилась и пошла туда, где стоял Рейес.

— Не иди сюда, а будь тут.

На этом я сдалась:

— А знаешь, я уже не могу понять, на кого ты больше похож: на Оби-Вана или на Йоду.

— Не заставляй меня идти к тебе, Датч.

Это сильно смахивало на угрозу. Переместившись в семимиллионный раз, я попыталась отгородиться от бушующей бури, от обжигающего ветра, угрожающего содрать с меня кожу живьем, и от оглушительного громового рева, кроме которого ничего не слышала. Рядом расступились тучи, и сверху ударил луч света, чтобы забрать домой очередного покойника.

Итак, не идти, а быть.

Что ж, быть я могу.

Вдалеке появился Рейес, однако намного дальше, чем можно было ожидать. Пришлось бороться с естественным желанием передвигать поочередно ноги. В конце концов, здесь у меня нет физического тела. Я всего лишь туман. Может, получится поплыть по воздуху?

Я попробовала оторваться от земли, но ничего не вышло.

Раз я не могу плыть по воздуху (хотя тысячу раз видела, как это делает Рейес), то как мне попасть из одного места в другое?

— Датч, будь здесь.

Я смерила мужа сердитым взглядом, сжала кулаки и... молча велела пространству проваливаться с дороги. А секунду спустя появилась прямо перед Рейесом.

— Хорошо. Теперь туда. — Он снова испарился и показался метрах в тридцати от меня.

Опять приказав пространству посторониться, я с широченной улыбкой возникла перед Рейесом.

— Молодец. Материализуйся.

Я заставила свои молекулы собраться заново. Рейес сделал то же самое. Вокруг все было залито солнечным светом. Муж кивнул и жестом предложил мне осмотреться по сторонам. Я обернулась и увидела, как прямо на нас мчится фура.

Водитель посигналил, я заорала и прыгнула Рейесу в руки. А потом стала смотреть, как фура со всеми ее шестеренками, болтиками и прочими механическими штуковинами проезжает сквозь наши нематериальные тела. Две секунды спустя то же самое сделал «ниссан-максима». За ним — «бьюик-энклейв», маленькая белая машинка, которую я не узнала, пикап «додж» и внедорожник «мерседес». И так снова и снова, пока до меня не дошло, что мы на федеральном шоссе. А точнее на I-25.

Я повернулась к Рейесу и стукнула его в плечо. Он ухмыльнулся и опять исчез. Закатив глаза, я двинулась следом. Мы оказались в «Вороне», на кухне, где всю работу делали два повара и понятия не имели, что мы здесь. В общем, целая пачка возможностей!

Когда мы материализовались, я повисла у Рейеса на шее, чтобы он не вздумал опять

куда-нибудь переместиться. Он рассмеялся, и смех показался мне мягким, глубоким и хриплым.

— Все это, конечно, круто, но что делать, если я захочу пойти туда, где тебя нет?

На звук моего голоса оба повара оглянулись, обменялись недоуменными взглядами и вернулись к работе.

Рейес обнял меня за талию.

— Главное — не спеши. Хорошенько подумай, где хочешь оказаться. Мысленно представь себе цель. Это может быть определенное место или человек. А потом отправляйся туда.

— Отправляться туда, значит. Ладненько.

На самом деле я была в восторге от того, что наконец-то хоть чему-то учусь. Чему-то такому, что Рейес умеет с детства, пусть даже дематериализацию собственного человеческого тела он освоил относительно недавно.

— А вдруг кто-нибудь заметит, как мы возникаем из ниоткуда? Неприятностей не будет?

— Человеческий разум сам заполняет пробелы. В таком случае он убедит своего обладателя, что мы просто-напросто незаметно подошли или вышли из какого-нибудь чулана. Но с детьми стоит быть осторожнее. У них это умение развивается не сразу.

— Какое умение? Отрицать очевидное?

— Вроде того.

— До сих пор не верится, что нас не размазало по асфальту.

— Тебя нельзя размазать.

Усадив меня на рабочий стол, Рейес отошел к кофеварке. Все-таки моя наука не прошла даром.

— А вот я уверена, что можно. Как жука, только большого и с кучей кишок. И вот что я тебе скажу, всезнайка. Пусть я бог и не могу умереть, я все равно остаюсь человеком.

Рейес вернулся ко мне с двумя чашками. Я забрала обе, и он высокомерно изогнул бровь.

— Ой, пардон. Одну ты для себя сделал?

Не отвечая, он наклонился, поцеловал тонкую кожу под моей скулой и взялся готовить нам обед.

Одну чашку я поставила рядом. В основном потому, что с двумя почувствовала себя нелепо, когда в кухню вошел Сэмми, шеф-повар Рейеса, бросил на меня странный взгляд и опять вышел, укоризненно качая головой. Впрочем, может быть, ему захотелось в туалет.

— Короче говоря, при условии, что я не могу умереть, что произойдет, если в меня действительно врежется фура? Или меня забросит в огромную мясорубку? Или я застряну в машине, которую раздавят и перемелют на свалке в труху? Я точно отброшу коньки.

Рейес вручил мне бутерброд.

Я откусила кусочек.

— Арахисовое масло и желе?

— У нас с тобой есть еще парочка дел.

— Очередной урок?

— Можно и так сказать.

Да уж, сегодня он явно в ударе на тему обучения. Рейес откусил свой сэндвич, а я продолжила:

— Итак, автопресс. После такого никто не выживет. И никакими швами меня уже не соберут по кусочкам заново.

Рейес-Ван ел и внимательно слушал, но не стал утруждать себя какими бы то ни было объяснениями.

Я откусила еще один кусок и заговорила с набитым ртом:

— Я понимаю, что сверхъестественная часть любого человека умереть не может. У всех есть душа.

Эти мои слова привлекли внимание мужа. Он бросил на меня короткий взгляд, снова вгрызся в свой бутерброд и стал просматривать счета по последней доставке.

— Ну, может быть, и не у всех. Так или иначе, мое тело не выживет. — Я проглотила прожеванное и подумала о другом варианте развития событий. — Точнее будет лучше, если оно не выживет. — Рейес продолжал молчать, и у меня в груди зародилась паника. — Я же права? Я точно умру. Ни за какие коврижки не хочу быть живым гамбургером. И зомби становиться не хочу. Ты видел их кожу? Никакой солнцезащитный крем не поможет.

Рейес по-прежнему молчал. Я спрыгнула со стола и подошла ближе.

— Может, скажешь что-нибудь, Рода? — спросила я, объединив его имя с именем Йоды.

Однако муж юмора не оценил. Что ж, такое бывает. Зато наконец-то подал голос:

— Все происходит совсем не так. По крайней мере у нас.

Он отвернулся поговорить с Сэмми, который снова нарисовался в кухне. Сэмми давно усвоил, что на наши разговоры лучше не обращать внимания. Или он считал нас чокнутыми, или ему просто-напросто было наплевать, о чем мы говорим.

Кстати, почему у нас частенько чокнутых называют бешеными летучими мышами? А когда кому-то на что-то наплевать, говорят, что «он не даст за это и крысиной задницы»? Кто выбирает животных для таких эвфемизмов? Почему именно летучая мышь, а не корова или кузнечик? И почему отдавать надо задницу крысы, а не задницу, скажем, хомячка?

Все это я к тому, что при Сэмми могу говорить практически о чем угодно. А вот ангелу у здорового холодильника придется взять и смириться.

— Я же все еще человек, правда? Меня ведь родили человеком.

— Да, — не обращая на меня внимания, ответил Рейес на какой-то вопрос Сэмми. — Только не забывай следить за водителем.

— Будет сделано, — отозвался Сэмми и, заметив мое праведное возмущение, не сумел сдержать улыбки. — Чем планируете заняться?

Наконец Рейес соизволил посмотреть на меня:

— Поедем на пляж.

Кла-а-асс!

Когда Рейес за руку повел меня к выходу из кухни, Сэмми опять покачал головой. Может быть, потому, что в Альбукерке никаких пляжей нет. Настоящих точно нет.

В баре, как обычно, было не продохнуть от обеденной толпы. Правда, в последнее время главная достопримечательность часто отсутствовала, поэтому некоторое количество женщин сменилось представителями мужского пола. По крайней мере, мне так показалось.

Едва мы вышли в зал, шум тут же стих. Несколько барышень повытаскивали телефоны и уже бубнили в трубки что-то вроде «Он сегодня здесь!» и «Бегом сюда!». Другие напisyвали сообщения и делали фотки. Рейес у нас что-то вроде интернет-сенсации, но сам или не в курсе, или ему совершенно до лампочки. Наблюдать за всем этим было забавно, особенно

зная, что ночью спать он будет со мной.

Во мне поднялась волна восторга. Не злорадного, а скорее смешанного с недоумением. Скажи мне кто-то два года назад, что я буду проводить ночи с этим мужчиной... Ну, я бы поверила, конечно, но только потому, что с первого же взгляда предложила бы ему свои услуги. А вот если говорить о тех же ночах, но с точки зрения брачных уз... О лучшем и мечтать нельзя.

Тем временем Рейес зашел в мужской туалет и меня затащил туда же.

— Здравсьте, мистер, — разыгрывая скромницу, проговорила я и невинно похлопала ресницами. — Мне нельзя говорить с незнакомцами. И ходить в туалеты со взрослыми дяденьками. Папочка меня накажет.

Прижав меня к груди, Рейес впился в мои губы, подарив поцелуй, на который явно надо было повесить табличку «Только для взрослых». В уборной оказался Донни — наш бармен. Закончив свои дела по маленькому, он вышел, но руки не помыл. Надеюсь, алкоголь их простерилизует. Правда, понять его можно. Поцелуй был очень чувственным. С эротическими полутонами и сексуальным донельзя уклоном в нуар.

Оторвавшись от меня, Рейес заглянул мне в глаза.

— Продолжишь в том же духе — затащу тебя в кабинку.

— Ты такой романтик!

Честно говоря, после поцелуя я едва дышала, поэтому вариант с кабинкой прозвучал очень даже заманчиво.

— Готова?

— К туалетному сексу? На все сто, черт возьми.

Губы Рейеса сложились в улыбку, очень похожую на ту, что я видела в день гинекологического обследования с помощью кухонной утвари. От предвкушения я прямо-таки растаяла. Точнее начала таять, пока муж не взял меня за руку со словами:

— На этот раз я перемещу нас обоих.

Внутри меня и вокруг завихрилась неземная буря, а мгновение спустя я ослепла от яркого солнечного света, какого отродясь не видела. А ведь я, на секундочку, из Нью-Мексико. Глаза улавливали лишь один оттенок синего и один оттенок желтого.

Все еще цепляясь рукой за футболку Рейеса, другой я прикрыла от света глаза. Окружающий мир постепенно прояснялся. То есть он и до этого не расплывался, зато теперь я все поняла.

— Мы в пустыне.

Рейес кивнул. Сам он и не потрудился осмотреться по сторонам, а вместо этого почему-то смотрел на меня.

— Господи, Рейес... — Я стала поворачиваться вокруг своей оси. — Это поразительно!

Нас окружали лишь две вещи: небо такое синее, что как будто сияло изнутри, и пустыня такого богатого золотисто-рыжего цвета, что от увиденного захватывало дух. Ноги тонули в песке, и вокруг них образовывались песчаные холмики. Взяв горсть песка, я стала смотреть, как он сыплется сквозь пальцы, а потом упала на колени, и колени тоже нырнули в бескрайнее тепло.

— Мы там, где я думаю?

Рейес присел рядом.

— Если ты думаешь о Сахаре, то да.

У меня отвисла челюсть. Я стояла на коленях посреди самой Сахары!

— Даже не знаю, что сказать. Никогда в жизни не видела ничего настолько... идеального.

— Я привел тебя сюда не просто так.

— Да неужели?

Усевшись на задницу, я принялась играть в самой огромной в мире песочнице.

Муж все еще пристально смотрел на меня, а я гадала, что он обо мне думает. Должно быть, я казалась ему жалкой неудачницей, потому что снова и снова ковыляла по его миру и спотыкалась, как ребенок в ходунках натывается то на стены, то на шкафы, то на колени взрослых.

Внезапно накатила неуверенность в себе. Пришлось встряхнуться. Наверняка все дело, блин, в Сахаре. Если в мире существует нечто, что способно заставить человека почувствовать себя абсолютно ничтожным, то уж точно огромная территория земли. Прекрасная и в то же время смертельно опасная.

Я бросила раскаленный песок Рейесу на джинсы.

— Мог и предупредить. Солнцезащитные очки тут бы оченьгодились.

Сверкнув идеальными зубами, он набрал в ладонь песка, который тут же стал сыпаться сквозь длинные сильные пальцы, и приступил к главному уроку:

— Возьми одну песчинку.

Я сгребла рукой целую горсть и с гордостью показала мужу.

Он терпеливо улыбнулся, а я стала высыпать песок, чтобы на ладони осталась одна-единственная песчинка. Пришлось отряхнуть руки и начать все сначала. В конце концов после невероятных усилий у меня на ладошке осталась одна песчинка. Я назвала ее Дигби.

Рейес отобрал у меня Дигби, и я не на шутку расстроилась. Ради этого парнишки я старалась изо всех сил!

Положив Дигби себе на ладонь, Рейес протянул его мне:

— Ровно столько в тебе человеческого.

— О'кей.

— Посмотри вокруг.

Я послушалась, а потом опять уставилась на мужчину, которого всегда считала вменяемым.

— Если сравнить тебя с пустыней, то эта песчинка представляет то, что есть в тебе от человека.

— Не понимаю. Да и не может такого быть! Я человек и всегда им была.

— Значит, по-твоему, ты... кто? Наполовину человек и наполовину бог?

— Вообще-то, еще несколько месяцев назад я считала, что на девяносто девять процентов я человек и на один — ангел смерти. А потом мне сказали, что этот один процент поделен две части. Одна от жнеца, вторая от бога.

— Ты не можешь быть наполовину жнецом. Это как сказать, что почтальон — наполовину человек и наполовину почтальон.

— Или что адвокаты — наполовину люди и наполовину демоны? Сто раз такое слышала.

Уголок красивых губ потянулся вверх.

— Вроде того. Быть жнецом — твоя работа, а не наследие, за неимением более подходящих слов. Но нельзя быть получеловеком и полубогом одновременно. От человека в тебе — одна песчинка посреди девяти миллионов квадратных километров, которые

составляют площадь этой пустыни. Божественная часть в тебе слишком сильна. И тебе нужно с этим смириться.

Я поглазела на Дигби.

— В голове не укладывается.

— Ты продолжаешь говорить так, словно твое человеческое тело может умереть. И оно может, да, но для этого понадобится нечто очень мощное.

Я встала и бросила Дигби на произвол судьбы, отойдя на несколько шагов.

— Значит, если меня пошинкуют и бросят в щепдробилку...

— Фура тебя убила?

— Нет, но мы же не были материальны. Причем намеренно. А если я потеряю сознание, или меня свяжут...

— Датч, этой песчинке неподвластны размеры и вид пустыни. Она не контролирует ни формирование песчаных дюн, ни их перемещение. Одна песчинка бесконечно мала по сравнению с целой пустыней.

— Ну ладно.

— Все, что есть в тебе от бога, — это то самое целое, чем ты и являешься. По сути своей, разумное существо, наделенное невероятной силой и властью.

— Вид пустыни формируется ветрами, — возразила я, — а это внешние силы.

— В любом из измерений внешние силы оказывают свое влияние, но тело в любом из них у тебя одно. Чем лучше ты это понимаешь, тем меньше человеческая часть тебя, — Рейес снова протянул мне Дигби, — контролирует твою жизнь.

— И это важно, усекла.

— Важно еще и потому, что в этом мире свободно разгуливает еще один бог.

Ага! Так и знала, что рано или поздно мы вернемся к этой теме.

— И сейчас он намного сильнее тебя, потому что знает одну простую истину.

— А именно?

— Он не может умереть. Только от рук другого бога. — Рейес подошел ко мне. — Как и ты.

Я кивнула, пытаюсь осознать все услышанное. Более того, я усиленно старалась разложить все по полочкам, но какая-то часть меня по-прежнему не могла во все это поверить.

— Я могу поймать его в ловушку, как поймала Мэлдисана.

Рейес стиснул зубы, поскольку эта тема все еще серьезно его волновала.

— Тебе всего лишь повезло.

С этим я уж точно поспорить не могла.

— Согласна, но...

— Возможно, нам придется с ним драться. Но у нас есть преимущество.

— Правда?

— Он — один бог, как и я. Но ты, Эль-Рин-Алитхиа, тринадцать богов сразу. Насколько мне известно, ты самый могущественный бог из всех, что когда-либо существовали.

Я снова кивнула, чувствуя себя такой же могущественной, как Дигби.

— Ты мне не веришь.

— Нет-нет, верю. Seriously. Я все понимаю. Ну, почти. Мне просто трудно осознать всю необъятность этой информации. Это как взять того, кто вырос в джунглях, и впервые показать ему огромное поле. Он увидит вдалеке коров и подумает, что это мухи. Потому что

его сознание не сумеет понять, что бывают такие огромные открытые территории и что-то может находиться так далеко.

Рейес легонько коснулся костяшками пальцев моей щеки, но этого оказалось достаточно. Приливной волной в меня ударил потусторонний мир, выдернул куда-то и закружил, но лишь на секунду. Мгновение спустя мы оказались на тротуаре.

Я покачнулась и глянула вниз. Нет, это был не тротуар. С первого взгляда стало ясно, что мы на крыше какого-то здания. Причем очень высокого.

На самом деле высоты я не боюсь, но в трехмерном пространстве это не самое мое любимое измерение. Я предпочитаю глубину. Например, глубокие здания. Однако Рейес переместил нас на крышу Альбукерке-Плаза — самого высокого здания в городе.

Казалось, будто от легчайшего дуновения ветерка я упаду и разобьюсь насмерть, поэтому я снова вцепилась в футболку мужа, словно этот предмет одежды в состоянии уберечь меня от падения. А все потому, что Рейес переместил нас не в центр крыши. Нет, блин! Прямо сейчас мы стояли на самом краю и смотрели на землю с высоты в сто с лишним метров.

В защиту Рейеса стоит сказать, что крыша у Альбукерке-Плаза не плоская. Если бы мы приземлились в самом центре, то просто-напросто скатились бы вниз. И все же сейчас мы находились наверху самого высокого здания в городе. Мир, конечно, отсюда выглядел суперклассно, но все-таки торчать тут не было ни малейшего желания.

— Рейес, это не смешно.

— А я и не собирался шутить.

— Почему мы здесь?

Он обнял меня обеими руками.

— Я хочу, чтобы ты поняла. Ты — пустыня. Не часть, а целое. Пока ты в это сама не согласишься, тебе грозит опасность. — Рейес посмотрел на лежавший у наших ног город. — Ты не знаешь, на что способен Эйдолон. Все в этом городе и вообще в мире сейчас в опасности. — Муж посмотрел на меня в упор. — И наша дочь тоже.

Он прав. Если я могу хоть что-то сделать, чтобы остановить Эйдолона, я должна хотя бы попробовать.

Отойдя на шаг, Рейес крепко взял меня за плечи, но для собственного спокойствия я все еще цеплялась за его футболку.

— Ты можешь всех спасти. Ты — самый могущественный бог во всех мирах, вместе взятых. — Для проформы он меня тряхнул. — Ты всего лишь должна поверить в это всей душой.

— Постараюсь, — кивнула я.

Слегка расслабившись, Рейес привлек меня к себе и поцеловал в макушку.

— Этого мало.

А секунду спустя я поняла, что падаю.

Если с первого раза не получилось, то это всего лишь «покушение» на убийство.

Мем

В жизни мало что может удивить сильнее, чем когда твой собственный муж, которому ты отдала сердце и душу, сбрасывает тебя со стометровой высоты. Уж я-то знаю.

В ту самую секунду, когда я почувствовала толчок и мои ноги оторвались от края крыши, я замедлила время и в прямом смысле слова зависла в воздухе, затаив дыхание. Внутри бушевала смесь из шока и легкого раздражения.

— Рейес Александр Фэрроу! — гаркнула я, потому что в сложившихся обстоятельствах это показалось самым верным решением.

Муж стоял на крыше Альбукерке-Плаза, сложив на груди руки и улыбаясь.

— Время ты остановила быстро, а это хорошее начало.

У него был план. Наверняка был.

— Ладно-ладно! Я все поняла! Я бог. И должна верить в это до мозга костей. Только если мои кости будут валяться кучкой внизу, это никак мне не поможет.

— Ты прекрасно справляешься, — заявил Рейес, ничуть не тронутый моей паникой.

— Рейес, это уже не смешно. В любую секунду время вернется, и...

— Ты бог. Время не вернется, если ты ему не позволишь.

— ... И когда это случится, я шмякнусь об асфальт, а ты сильно пожалеешь, что не умер до того, как я с тобой закончу.

На фоне смуглой кожи блеснули белые зубы.

— Значит, не шмякайся об асфальт. Стань асфальтом.

— Что, черт тебя дерит, это значит? — взвизгнула я.

Рейес рассмеялся. Рассмеялся!

— Впитай его, — проговорил он. — Прекрати быть настолько человеком и стань частью того, что тебя окружает. Частью всего. Как и положено богу.

— Ну все. Тебе крыш...

Угрозу я так и не закончила. Время вернулось, и я полетела вниз быстрее, чем могла себе представить.

В полете я перевернулась. Не специально, конечно, потому что кому, блин, захочется такое видеть? Но я почему-то перевернулась. Времени едва хватило, чтобы сосредоточиться на том, что принесет мне смерть, и мгновение спустя я вписалась в тротуар. Невероятная, ни с чем не сравнимая боль вспыхнула в каждой...

Минуточку. Ну и где же боль?

Не сразу, но я ее почувствовала, только она не была моей. Я ощутила боль в людях вокруг меня. Ощутила их радость, раздражение, любовь... Во мне героинем текли все существующие в мире эмоции.

И я все увидела. Все и всех. Каждую травинку, каждый лучик солнца, каждую волосинку на голове каждого, кто находился в Плазе и соседних зданиях.

Я увидела добро, словно оно имело физическое воплощение, и зло тоже, но его, к

счастью, было намного меньше. Ненависть затмевалась любовью, жадность — альтруизмом, а ревность — доверием. Правда, в каждом случае грани оказались намного тоньше, чем мне бы того хотелось.

В паре кварталов от Плазы я заметила бегущую по стене ящерицу. По ту сторону гор маленькая девочка свалилась в гостиной своего дома с большого мяча. В Сиэтле пожилой мужчина дал бездомному пацану, который потешался над ним, пять долларов на еду. В Индии доктор обмывал ноги своей больной матери.

Впитав увиденное, я купалась в нем, как в большой ванне, наполненной светом.

— Ну и как? — спросил Рейес, прижавшись ко мне сзади и задев губами мое ухо.

Я вжалась в мужа, словно все это время так и стояла спокойненько на тротуаре. Я была поражена до глубины души и прямо сейчас переживала капитальный шок.

Взглянув на Рейеса, я тихонько спросила:

— А ты это чувствовал? Неужели у Иеговы так постоянно? Неудивительно, что он нас так любит. Мы потрясающие, хотя и непростые создания.

— Ты намного превосходишь любого человека.

Я покачала головой:

— А вот тут ты ошибаешься. — Вырвавшись из объятий мужа, я со всей серьезностью заглянула ему в глаза. — Если я чему и научилась, Рейес, то тому, что люди невероятны. Все они заслуживают жить. Ну, почти все. И каждый имеет право на равенство и безопасность, на еду и крышу над головой. Отчасти я понимаю, почему Иегова не вмешивается, почему не придет и не исправит все, что не так. Свобода воли — удивительный дар.

— И крайне расточительный.

— Неправда. В мире больше хорошего, чем плохого. Они все еще учатся.

— Они?

Я вопросительно приподняла брови.

— Ты сказала «они».

— Ну, как бы, да, но я имела в виду...

Усмехнувшись, Рейес отвернулся и пошел прочь.

— Миссия завершена.

— Да нет же! Я имела в виду «мы». Мы! Я все еще человек. Эй! — Догнав Рейеса, я потянула его за футболку. — Ты сбросил меня с крыши.

— И что с того?

— Это было невежливо.

***

Ничто на свете не помогает так нагулять аппетит, как падение с высоченного здания. Мы с Рейесом сидели в «Зеленой деревне» и наслаждались невероятным бургером с зеленым чили, как вдруг позвонила Куки.

— Привет, Кук. Как у Эмбер прошел день в школе?

— Ой, чудесно! Огромное спасибо, что попросила Оша за ней присматривать. Я гораздо меньше нервничала.

— Я рада. Так как у тебя дела?

— Сначала расскажи, как прошел твой день с мистером Фэрроу.

— Прекрасно. Мы побывали в Сахаре, и он сбросил меня с крыши. Если бы не последнее, то все просто сказочно.

— Ну, это самое главное. В общем, я хотела сказать, что кое-что нашла о Фостерах. Кое-что такое, во что очень трудно поверить.

— Правда? — Я наклонила голову, будто так наш разговор никто не сможет услышать. — Ну давай, срази меня наповал.

— Ты уже в курсе, что я зашла в тупик, когда выяснила, что Фостеры не те, за кого себя выдают.

— Ага.

— Вот я и попросила Пари мне помочь.

— Молодчина. Позвать Пари — суперское решение. Ну и что ей удалось нарыть?

— Вот и я о том же! Короче говоря, она использовала какую-то программу распознавания лиц и нашла Фостеров. То есть, может быть. Лет сорок назад двух подростков подозревали в убийстве целой семьи.

— Класс. Точнее ужас.

— Подростков арестовали и посадили в окружную тюрьму, но они сбежали. Какой-то охранник оставил камеры открытыми. Тут мне ничего неизвестно, но все это очень подозрительно. И больше об этих подростках никто ничего не слышал.

— То есть ты хочешь сказать, что Фостеры еще в детстве убили целую семью?

— Я хочу сказать, что, согласно программе распознавания лиц, их арестовали за преступление. Но это еще не все. Те дети входили в какую-то суперрелигиозную секту, члены которой считали, что у этих самых детей божий дар обнаруживать и уничтожать пороки.

— Ясненько. Все это до жути похоже на то, что узнала я.

— Короче говоря, эта секта, если так можно назвать кучку психов, которые живут вместе и вступают в брак с детьми...

— Можно.

— ... верила, что эти подростки олицетворяли собой второе пришествие. Как только они сбежали из тюрьмы, в лагерь сектантов приехал шериф, а никакого лагеря уже не было. За одну ночь группа из тридцати с лишним человек просто взяла и испарилась. И никого из них так и не нашли. Ни единого сектантика.

— Ничего себе! То есть ты считаешь, что убийствами промышляла вся секта?

— Или так, или они просто-напросто потворствовали всему, что творили эти подростки. Чарли, все те люди практически поклонялись этой парочке.

— Случаются вещи и почуднее.

— Но и это еще не все.

— Блин, я как будто смотрю сопливый сериал вперемешку с передачей о сплетнях.

— Те арестованные подростки...

— Ага-ага, я слушаю.

— Чарли, они брат и сестра.

А вот тут я уже не на шутку удивилась. И Рейес тоже. Он так глубоко задумался, что даже не шевелился.

Я покосилась на соседний столик, за которым нас откровенно подслушивали. Что ж, понять этих людей можно. Мало что может посоперничать в шизанутости с религиозными сектами и браками между братьями и сестрами. Ну просто фу!

— Погоди-ка. И все это ты узнала от Пари? От нашей Пари?

— От единственной и неповторимой.

— И каким образом ей удалось влезть в засекреченную базу данных ФБР?

Ответом мне была тишина.

— Она опять за хакерство взялась?

— Судя по голосу, моя просьба пришлась ей по вкусу.

— Веб-сайты, базы данных... В прошлом у нее уже были серьезные неприятности, и теперь она вроде как на испытательном сроке. Ей даже в интернет выходить нельзя. Ни при каких обстоятельствах.

— Елки-палки, Чарли! Я знала, что она спец по компьютерам, но понятия не имела, что ей могут грозить проблемы.

— Ты не виновата. Я с ней поговорю. А тем временем... Все, что мы выяснили, просто дикость какая-то.

— Может, нам поговорить с Робертом?

— Ага. Я ему позвоню.

— Супер. До связи.

Повесив трубку, я всмотрелась в лицо мужа.

— С тобой все в порядке?

Он кивнул:

— Тут есть логика.

— Есть, ага. Ну, кроме информации о брате и сестре. Очень надеюсь, что это ошибка.

Я пролистала список контактов и нашла номер Дибби.

— Привет, милая. Куки сказала, ты взяла выходной.

Он был так счастлив, что мне не хватило духу сказать ему, что он тут ни при чем.

— Так и есть. А она тебе не говорила о нашем текущем расследовании?

— Нет. Она... то есть я в последнее время слишком занят.

— Может, расскажешь чем?

— Нет.

— Ладно. Короче говоря... — Как обычно, я быстренько ввела дядю в курс дела. Этого хватило, чтобы в нем разыгралось нешуточное любопытство. — Я буду держать тебя в курсе, но если бы ты мог поднять это старое дело...

— Я все сделаю, — ответил дядя Боб.

Мы с Рейесом ушли из ресторана. Одно дело — позволить кому-то подслушать то, что можно найти в интернете, и совсем другое — дать просочиться информации о моем клиенте. Впереди еще маячил неприятный разговор с Шоном о том, как он подтвердил алиби Фостеров в день похищения Дон Брукс. Мне нужны объяснения, но сейчас не самое подходящее время. Рассказывая Дибби о деле, я не упоминала о том, кто мой клиент, а сосредоточилась только на Фостерах и находках Куки.

— Чарли, если все это правда, мне понадобится кое-что существенное. Очень сомневаюсь, что мне дадут ордер на основании информации, полученной... креативными методами.

— Ладно, и что конкретно тебе понадобится? Чистосердечного признания хватит?

— Если они те, о ком ты говоришь, то долгое время были в бегах. Вряд ли они поспешат выложить тебе все как на духу.

— У меня есть план.

— А когда у тебя не было планов?

— Тоже верно. — Я глянула на Рейеса, который вез нас домой. — Но это очень

хороший план. Правда, мне нужна кое-какая помощь.

— Ладно, держи меня в курсе. Теперь по поводу сталкера.

— Ты о Джо?

— Кто такой Джо? — уточнил Диби.

— Джо Сталкер.

— Ясно. Итак, по поводу Джо, — подыграл дядя Боб, хорошо зная, что проще так, чем указывать на все недостатки моего мыслительного процесса. — У нас все готово, если ты еще хочешь довести это до конца.

— Хочу, конечно. С чего бы вдруг не хотеть?

— Просто решил, что ты могла передумать.

— Есть новости об Эмбер?

— Я весь день на связи с Ошем. С ней все в порядке, а он решил, что хочет ходить в школу.

— Вот гадство!

Дядя Боб усмехнулся:

— В общем, не знаю, что бы делал без тебя, милая.

А вот это прозвучало зловещенько.

— Ты куда-то собираешься?

— Вроде бы нет. Просто хочу, чтобы ты знала, как много для меня значишь. Ах да! Если я завтра опоздаю, за главного будет офицер Танг.

— Опоздаешь? Это еще почему?

— У меня в каждую секунду по сотне дел, милая. Недавно зашевелилось одно из старых, и мне надо разобраться, что происходит. А это может занять какое-то время. Но ты не переживай. Действуй по плану.

— О'кей. Будь осторожен.

— Как всегда. Ты тоже себя береги. И не высовывайся из дома.

Вообще-то, это неплохая идея. Мы с благоверным уже несколько дней не просиживали дома целый вечер.

***

В «Вороне» мы совершили совместный набег на кофеварку, после чего я потопала на второй этаж к Куки, а Рейес остался внизу поговорить со своей новой управляющей — Валери. Однажды я спутала ее с вешалкой и попыталась повесить куртку ей на голову. Думала, будет весело, а Валери со мной почему-то не согласилась. Вот только мне уже по горло хватило полных ненависти взглядов. Вряд ли меня можно винить в том, что я замужем за ее боссом, в которого она по уши влюблена. В конце концов, я его первая увидела. В любви все средства хороши. Или так говорят о войне? В общем, не важно.

Куки в офисе не оказалось — она пораньше ушла домой. Поэтому я решила поюзаться с бумажками, поняла, что это бредовая затея, и начала разрабатывать план мести мистеру Рейесу Фэрроу. Расплата — та еще стерва.

Благодаря сайту под названием «Пытки — наше все» я разжилась как минимум сотней идей. О да! Некоторые варианты у них были попросту шикарные. Но сначала жуть как хотелось унять разгулявшееся любопытство. Раз уж я теперь на ты с дематериализацией, получится ли пошпионить за Рейесом? Поделом бы ему было!

Закрыв глаза, я погрузилась в потустороннее измерение. Ей-богу, этот мир просто

поразительный! Однако нужно было сосредоточиться. Что я и сделала, после чего пошла на поиски своей жертвы. А вот оказалась в итоге на углу Сентрал (на углу — не в профессиональном смысле), где прямо на моих глазах схлестнулись две реальности.

Я была частью всего, что меня окружало. Ощущала эмоций людей, но на этом все не заканчивалось. Я их знала — каждого, кто проходил сквозь меня. На каком-то глубинном уровне знала, что у них на уме. Нет, я не читала их мысли. Скорее ощущала их эмоции сквозь призму их же самых потаенных желаний и самых глубоких переживаний. Все это было похоже на кайф от каких-то мощных наркотиков. Словно меня...

Одернув себя, я подумала о том, что творю. Неужели я как Ош? Неужели каким-то образом подпитываюсь от людей? Высасываю из них энергию, чтобы получить тот самый кайф?

В ту же секунду я отступила и стала наблюдать издалека. Точнее откуда-то сверху. Рейес частенько так делал: парил рядом и присматривал за мной. Вот только его всегда прикрывал огромный черный клубящийся плащ. Надо будет спросить, как он это делает.

Несколько минут я наблюдала за людьми и даже успела сделать парочку мысленных заметок (одна девушка попала в серьезные неприятности и была в шаге от самоубийства), как вдруг разумом, по привычке, завладел Рейес. Наверное, все потому, что он шел по улице в противоположную от меня сторону.

Для меня Рейес мог быть и видимым, и невидимым. Я всегда думала, что с этим нюансом уже разобралась. Чем глубже я перемещаюсь в неземное измерение, тем менее видимыми становятся разумные существа нашего мира. То есть я по-прежнему вижу и их, и их ауры, но человеческие формы становятся более размытыми и туманными, пока не исчезают совсем. И может быть, это верно и наоборот. Может быть, для тех людей, которые могут видеть сквозь завесу между двумя мирами, я тоже становлюсь невидимой по мере того, как все глубже и глубже погружаюсь в потустороннее измерение.

Это нужно проверить.

В толпе ауру Рейеса легко было найти, потому что она разительно отличалась от других. Сплошная тьма, объятая пламенем. Одним молниеносным движением я оказалась у него за спиной и стала любоваться тем, как его зад выглядит в джинсах.

Как ни в чем не бывало Рейес тихо спросил:

— Развлекаешься?

Честно говоря, я действительно развлекалась. Подлетела ближе, смешала наши молекулы. Мне хотелось почувствовать его так же, как я чувствовала других. Хотелось узнать о нем все. Раскрыть все секреты, которые он хранит в самых далеких уголках сознания. Но ничего не вышло. Эмоции Рейеса все так же были слишком глубоко упрятаны, слишком туго переплетены, и выделить хоть одну из них было практически невозможно.

Почувствовав под ногами твердую землю, я пошла за мужем. Однако он резко остановился, развернулся и схватил меня за руку. Дернул к себе, вцепился в волосы и толкнул спиной на витрину.

— Не стоит меня соблазнять, — услышала я теплый, как подогретый бурбон, голос.

— Не соглашусь. Ты единственный, кого мне, собственно, и стоит соблазнять.

Рейес переместился в потустороннее измерение. Здесь его поцелуи были еще горячее. Энергия — еще сильнее и ощутимее.

Одной рукой он потянул меня за джинсы, и где-то на задворках сознания я успела удивиться, что здесь штаны все еще на мне. Рейес расстегнул пуговицу, дернул вниз

«молнию», и его рука пробралась в штаны. Я втиснулась спиной в витрину и схватила его за запястье. В этом мире все ощущения на порядок усилились. Каждое прикосновение имело значение. Пальцы потерли клитор, скользнули внутрь, вызывая дрожь с ног до головы.

Я нащупала ширинку Рейеса, ощутила твердый член и прямо через ткань обхватила его, услышав, как Рейес резко втянул сквозь зубы воздух.

— Датч, — проговорил он мне в шею, — что ты со мной делаешь?

Даже если бы захотела, я бы не смогла ответить. Что бы я с ним ни делала, он первый начал.

Напрочь забыв о том, что у нас могут быть свидетели, я расстегнула все пуговицы на джинсах Рейеса и обхватила пальцами член.

— Твою мать, — выдохнул Рейес и уперся рукой в стену у меня за спиной.

И он прав. Почему здесь все ощущения интенсивнее? Откуда взялась эта сверхчувствительность?

Малейший намек на прикосновение почти доводил до оргазма, и я уже едва контролировала собственные действия. Внезапно моя одежда испарилась, как и все, что было на Рейесе, а я никак не могла вспомнить, кто из нас кого раздел. Рейес вжался в меня, и наши бестелесные энергии схлестнулись. Молекулы налетели друг на друга, вокруг меня лентами закружились жаркие нити. Происходящее несколько не походило на наши обычные, земные интимные забавы. Друг с другом двигались не наши тела, а наши энергии. Разгоряченные, ненасытные, отчаянные...

На самую малость Рейес переместился в мир смертных и взял меня с собой. Ощущение твердого члена внутри оказалось таким внезапным, что меня затрясло с ног до головы. В животе с каждым ударом росло тяжелое давление, которое словно само по себе цеплялось за хрупкую грань между медленным, чувственным сексом и дикой, ненасытной жадой пережить умопомрачительный экстаз.

И вдруг равновесие разрушилось. Я чуть не задохнулась и запрокинула голову, упершись руками в грудь Рейеса. Глубоко-глубоко во мне взорвалось нечто без имени и названия. Стиснув зубы, я переживала один жестокий спазм за другим. Волны поочередно разбивались о мои кости, трепетали на нервных окончаниях, заливая мое сознание самым темным из известных человечеству удовольствий.

В этом состоянии оргазм оказался в тысячу раз ярче, горячее и интенсивнее. Никогда раньше я не чувствовала, как делятся мои атомы. Никогда не ощущала, как они сталкиваются, рождая реакцию жарче, чем солнечное ядро.

В Рейесе бушевал его собственный оргазм, а я пыталась думать о том, таким ли способом двое богов объединяются в одного. Да и зачем им вообще так поступать? Почему все боги моего мира объединились и стали одним? Какую пользу они в этом увидели?

Пока я парила в отголосках сногшибательного экстаза, Рейес обессиленно прижался ко мне. И в этот самый момент я осознала кое-что фундаментальное. Ядра, центры, сердцевины... Даже в дематериализованном состоянии, без всякой физической формы, у каждого из нас был свой центр. И наши центры отлично друг другу подходили. Как пазл из двух кусочков. Как ключ и замок. Или как член и вагина. Ну да, скорее как последний вариант.

Отойдя на шаг в сторону, Рейес привалился к витрине и устался на меня, а вот меня ждало очередное открытие. Я гудела. В прямом смысле слова. Мое тело, сейчас пребывавшее в идеальном состоянии, издавало какое-то жужжание.

— Прошу прощения, — сказала я мужу, переживая, что он тоже это слышит.

Поначалу он ничего не сказал, а продолжал смотреть. Только уже не совсем на меня, а как будто и вокруг тоже. Но потом еле слышно прошептал:

— Изумительно.

— В чем дело? — запаниковала я, вернулась на землю и завертелась, пытаюсь понять, есть ли что-то у меня за спиной. — Что ты видишь?

Рейес подошел ближе.

— Тебя, Датч. Я вижу тебя.

— Серьезно? Я тут, вообще-то, пытаюсь быть невидимой. Так почему ты меня видишь?

— Сомневаюсь, что ты можешь быть невидимой. По крайней мере для сверхъестественных существ. Ты же все-таки свет, на который слетаются мертвецы. Но теперь, когда ты такая, все иначе.

— Как именно иначе? Неужели еще хуже?! Пари с трудом смотрит на меня без солнцезащитных очков.

— Вокруг тебя белое мерцание. Ты в буквальном смысле светишься.

— Как светлячок, что ли?

— Можно и так сказать, — усмехнулся Рейес.

— Когда я перемещаюсь, ты тоже выглядишь по-другому.

Он опустил голову.

— Рейес, — начала я, всюю готовясь над ним подшутить, — смирись уже, елки-палки. О тьме я знаю все. Если тебя создали в аду...

— Значит, ты не помнишь.

Я провела пальцами по красивым губам, и не остановило меня даже то, что Рейес в этот момент разговаривал.

— Не помню чего?

— Перед тем как ты убедила Йегову послать меня в твой ад, а не запереть в созданном Им самим, ты меня знала.

Держась за руку, мы шли по улице. Правда, все еще в нематериальном виде, поэтому сквозь нас то и дело проходили люди. В основном студенты, измученные выпускными экзаменами. Бедняжки. Вот это я точно никогда не забуду.

— Я и тогда был тьмой. До того, как попался Сатане.

Я остановилась и повернулась к Рейесу.

— Ничего такого не помню.

— Думаю, мой Брат по какой-то причине изменил твои воспоминания. Как минимум часть из них стер.

— Ты знаешь зачем?

— Нет. Мне очень жаль. — С этими словами он коснулся пальцами моего живота.

— Кстати, чтоб ты знал, — начала я, чувствуя, как под легкими прикосновениями сокращаются мышцы, — я собираюсь тебе отомстить за сегодняшний маленький трюк.

Черты лица Рейеса слегка смягчились.

— Да неужели?

— Ужели. Я провела исследование. В общем, тебе хана.

— Жду не дождусь.

Я фыркнула:

— Я бы на вашем месте, мистер, всерьез обеспокоилась. Расплата, видите ли, та еще

стерва. И зовут ее Чарли Дэвидсон.

Чтобы скрыть реакцию, Рейес якобы сурово поджал губы. Видимо, решил, что я шучу.

— Приятно знать, что я могу внести долю юмора в любую ситуацию. Поверь мне, я не почувствую ни крупицы жалости, пока буду тебя пытаться.

— Пытки, значит? — Рейес приподнял одну бровь. — Уверена, что ты на такое способна?

— Как два пальца об асфальт.

Муж посмотрел на меня самым чувственным на свете взглядом.

— От предвкушения сердце из груди выпрыгивает.

И отчасти я действительно поверила, будто он хочет, чтобы я его пытала.

Временами мне никаких матерных слов не хватает.

Надпись на футболке

Мне снились беззвездные ночи и столкновения планет, туманности, слишком близкие к черным дырам, и целые галактики, живущие по своим правилам. Снились ангельские крылья, чьи перья касались моей кожи, вызывая трепет.

А проснулась я под шепот Ангела. Он меня осторожно тряс, но в шепоте отчетливо слышалось какое-то беспокойство. Или так, или...

Распахнув глаза, я увидела, как Рейес прижимает Ангела к полу и душит. Если, конечно, призрака можно задушить. Лично я понятия не имею, можно или нет.

Я вылезла из постели и постучала Рейеса пальцем по плечу.

— Дорогой, чем это ты занимаешься?

Он оглянулся, и на его лице было явно написано веселье.

— Борюсь.

Издавая странные сдавленные звуки, Ангел отчаянно помотал головой.

— Любимый, что-то мне подсказывает, что Ангелу не хочется бороться.

— Его проблемы. Он стоял над нашей кроватью и пялился на тебя. Я решил, ему не помешает хороший урок.

— Чего?! — Я отодрала руку Рейеса от горла Ангела. Точнее Рейес позволил мне это сделать. — Ангел, что случилось?

Освободившись, Ангел согнулся пополам, закашлялся и вообще был определенно не в духе. Я присела рядом, погладила его по спине. Похоже, это помогло.

— Рейазиэль, блин, он явно хотел мне что-то сказать, а теперь мы никогда не узнаем, что именно, потому что ты раздавил ему голосовые связки!

— Ну, извините. — Рейес встал и направился в ванную, причем ни капельки не сожалел о содеянном. Бедный Ангел!

Тем временем Ангел пытался добраться до кресла в углу. Я стала помогать, хотя в основном пришлось его тащить. Ангел пытался меня оттолкнуть. Я треснула его по рукам и таки дотащила до кресла.

— Так что случилось? — спросила я, когда он снова смог дышать. Представить не могу, зачем призракам нужно дышать. Видимо, по привычке.

Держась за горло, Ангел злобно зыркнул в сторону ванной.

— Ангел, в чем дело? Что-то с Пип?

В дверях тут же появился Рейес, который резко вспылал любопытством к происходящему.

Ангел не стал сразу отвечать, поэтому Рейес двинулся к нему. Я подняла руку и смерила мужа строгим взглядом:

— По-моему, ты уже достаточно натворил, мистер Фэрроу.

Рейес остановился, но все мышцы в его теле напряглись, готовясь действовать, если понадобится.

— Дело в твоём дяде, — сказал наконец Ангел охрипшим голосом.

Во мне тут же разрослась тревога.

— Что с ним? Он нашел Герина?

Грант Герин, чтоб ему пусто было. Отброс, который решил убить дядю Боба. Именно из-за него мы круглосуточно следим за моим ворчливым дядюшкой.

Ангел покачал головой и снова закашлялся.

— Нет. Он в отеле. Какая-то стремная дыра в нескольких кварталах отсюда. Он весь вечер следил за одним конкретным номером. Туда приехали парни в тачке напрокат, и теперь твой дядя как будто к Третьей мировой готовится.

— В смысле? Покажи.

Я бросилась одеваться. Рейес — тоже.

— Поторопитесь. Когда я уходил, дядя Боб уже шел к двери. Если бы капитан Америка не пытался меня убить...

— Если бы я хотел твоей смерти...

— Может, не сейчас, а? — Для проформы я еще разок смерила мужа сердитым взглядом.

Он повел одним плечом.

— Пусть научиться стучать.

Пока они опять не принялись спорить, я взяла Ангела за руку:

— Покажи, — и дематериализовалась.

Рейес сделал то же самое.

Ангелу очень хотелось расспросить меня о новой шикарной способности, но он вовремя вспомнил, зачем пришел, и испарился.

Идти за Ангелом оказалось сложнее, чем я ожидала, поэтому Рейес буквально вел меня за руку. В мгновение ока мы оказались на месте — перед самым захудалым отелем из всех, что существуют в Альбукерке.

— Он там, — показал Ангел, — номер 212.

— Спасибо, солнце.

Дядя Боб уже находился в номере. Дверь была закрыта, поэтому я сделала то, что сделала бы любой уважающий себя частный детектив: опять дематериализовалась и принялась подслушивать.

— Он не говорит по-английски, — сказал какой-то мужчина.

Я просочилась в крошечную комнатку. Рейес не отставал ни на шаг. В другом конце номера появился Ангел.

Похоже, дядя Боб держал в заложниках всех присутствующих. А их было девять. Девять! И, судя по всему, эти девять человек собрались не просто так.

— Еще как говорит, — отозвался дядя Боб и прицелился одним из двух пистолетов, которые держал в руках, в мужчину лет пятидесяти с хвостиком.

Хреновая стрижка, жуткие усы. Как будто этот мужик появился тут прямоком с дискотеки в семидесятых.

— И я знаю, почему вы здесь, — добавил дядя Боб.

— Датч, — позвал Рейес, привлекая мое внимание к столу.

Я подошла ближе. На столе лежал открытый портфель со стопкой каких-то бумаг, а наверху стопки маячила фотка вашей покорной слуги.

Не может быть! Вряд ли это те самые люди.

Я глянула на мужа:

— Вряд ли это те самые люди.

— Роберт их убил, но эти могут быть из той же шушеры.

— Он не знает, о чем ты говоришь, — заявил спикер собравшихся.

— Знает, — насмешливо улыбнулся Дибби. — Итак, Шарлотта Дэвидсон.

Мужчина, который, кажется, интересовал Дибби больше всех, лениво улыбнулся:

— Ее так зовут?

— Это не важно. Живыми вы отсюда не уйдете.

— А мне кажется, очень даже уйдем, друг мой, — возразил все тот же мужик и начал вставать на ноги.

Дядя Боб крепче сжал пальцы на пистолете. Мужчина поднял руки и уселся обратно.

— Наверное, ты не ожидал увидеть здесь такую большую, — он развел руки, показывая на всех собравшихся, — компанию?

— Я прекрасно знал, на что иду, Валенсия.

— Думаю, ты лжешь.

— А я думаю, ты нервничаешь.

Никогда в жизни я не видела дядю Боба таким решительно настроенным. Таким... взбешенным. Горячими волнами от него исходила ярость.

— Видишь ли, два года назад именно я перебил твою маленькую компашку.

Мужик застыл — явно не ожидал такое услышать.

— Они о ней знали и хотели преподнести ее тебе. Но я вовремя все выяснил. И это мой город. Мне не очень нравится, когда колумбийские наркобароны пытаются похитить женщин, чтобы потом съесть.

— Мои люди знали о ведьме?

О ведьме?

— Да.

Это я-то ведьма?!

— Некоторые люди в некоторых кругах в курсе, что она обладает какими-то экстрасенсорными способностями. Но поверь мне, — ухмыльнулся дядя Боб, — они не знают и половины.

— Как ты узнал, что мы здесь?

— Государственный департамент следит за такими, как ты, El Tiburón²⁶. Само собой, как только ты сунулся в страну, мы об этом узнали.

— Я прибыл, минуя обычные маршруты.

— Тебя ввезли нелегально — я в курсе. У меня полно связей.

— Но, быть может, я здесь вовсе не из-за этой твоей Шарлотты.

Это заявление Дибби не удостоил комментарием.

С каждой секундой в номере росло напряжение. Один из мужиков потянулся за пушкой на комод, но дядя Боб бросил на него предупреждающий взгляд. Второй опустил руку к пистолету в кобуре. История та же, только калибр другой.

Однако, так или иначе, головорезы одолеют моего дядю. Их больше, и долго он не продержится. О чем он только думал?!

— Вообще-то, я делаю тебе одолжение, — проговорил Дибби. — Муж Чарли — сын Сатаны. Он поступил бы с тобой гораздо хуже.

Внешне мужик оставался спокойным, но я ощутила, как у него ускорился пульс. Вот только не от страха, а от голода. Рейеса он тоже захотел съесть. Козел.

Я повернулась к мужу и офонарела от выражения его лица. Рейес был в ярости, и эта ярость была чистой, ничем не замутненной.

— Рейес, им все равно не удалось бы тебя убить, верно? Все в порядке.

Еще чуть-чуть, и у него бы отвисла челюсть.

— По-твоему, я о себе беспокоюсь?

Конечно, нет.

— Но меня им тоже не прикончить.

— Есть вещи пострашнее смерти.

Вот блин! Я отказываюсь думать, что это прозвучало, как обещание.

Внезапно события стали разворачиваться так быстро, что застали меня врасплох. В каждом углу показались пистолеты. Я едва расслышала слова «Не двигаться!», как раздались выстрелы. Полетели пули, причем две из них были выпущены из пушек Диби. Надо отдать ему должное. Реакция у него отменная.

Пули зависли в воздухе, а дядя Боб словно примерз к месту. Не потому, что я остановила время, а потому, что он был в шоке и явно ничего не понимал. Время я действительно остановила, но дядю не заморозила. Чтобы он смог нас увидеть, мы с Рейесом материализовались.

Заметив меня краем глаза, дядя Боб резко рухнул на колени и навел на меня пушку быстрее, чем можно было ожидать. Понятия не имела, что он на такое способен. Этот защитный маневр не на шутку меня ошарашил. Но Диби вовремя остановился, не сводя с меня глаз. Брови в замешательстве сошлись над переносицей.

— Дядя Боб! — Я бросилась к нему и стала проверять, не попали ли в него пули. — О чем, черт тебя дери, ты думал?!

— Чарли? — Он переводил взгляд с меня на Рейеса и обратно, потом посмотрел на каждого застывшего в номере. — Что вы здесь... Ничего не понимаю.

Я присела рядом.

— О чем думала твоя голова, когда ты решил сюда заявиться?!

— Я... А вы как здесь оказались?

— За тобой следил Ангел.

— Зачем? Вы знали, что Валенсия в городе?

Я покачала головой:

— Нет. Мы установили за тобой слежку по другой причине. Тебя пытался убить чувак по имени Грант Герин. Мы сидели у тебя на хвосте, чтобы ничего подобного не допустить.

— Не знаю я никакого Гранта Ге... — Диби снова осмотрел статуи в номере, и от его лица отлила вся кровь. — Как ты... Что произошло?

— Я остановила время. Эти гады хотели тебя убить.

Я повисла у него на шее, и он рассеянно похлопал меня по макушке. Шок уже пускал корни.

Обойдя комнату, Рейес собрал все пушки и бросил их в портфель.

— Ты... ты можешь останавливать время.

Это не было вопросом. Диби сказал это с утвердительной интонацией, словно пытался уложить новости в голову. Что ж, это я могу понять.

— Ненадолго. Дядя Боб, почему ты пришел сюда один?

— Чего?

Я думала отвесить ему пощечину, как это делают в фильмах, и, наверное, отвесила бы,

не держи он в руках не одну, а целых две пушки.

— Почему ты заявился сюда в одиночку?

— Я получил наводку. Я... Валенсия нелегально приехал в страну. — Дядя Боб зачем-то кивнул. — Он видел видео, которое тебе показывала Эмбер.

— С зевающими щенками?

— Нет.

— С щенками, которые дрались?

— Нет...

— Там были котята? — Роликов с котятами я обсмотрелась по самое не хочу. — Или, может быть, Эллен²⁷?

Видео Эллен потрясные. Да и вообще она умопомрачительная.

— Видео с одержимой девочкой, мужчиной с мачете и...

Честно говоря, таких роликов пруд пруди. И тут меня осенило:

— А-а! То самое, где я в Африке изгоняю демона из маленькой девочки? — Я поежилась. — Освещение ни к черту. А когда мое лицо от пола отскакивает, звук стремный. На самом деле были скорее глухие удары. Клянусь, кто-то отдельно наложил звук на видео.

Дядя Боб глядел на меня и моргал. Ну точно. Свет горит, а дома никого.

— Он хотел...

— Слопать меня? Ага, Рейес мне рассказал. А еще рассказал, что ты сделал с людьми, которые собирались меня похитить и отвезти вон тому El Jefe²⁸.

— El Tiburón, — поправил меня дядя.

— Акула, значит? А что? Мне нравится. — Я опять его обняла, на всю катушку пользуясь его текущим психическим состоянием. — Дядя Боб, ты у меня замечательный! Но за то, что ты ради меня сделал, тебя приговорили к вечности в аду.

В конце концов он перестал пялиться на статуи, ни капельки не похожие на скульптуры Микеланджело, и посмотрел на меня. Отложил пистолет и коснулся моего лица так осторожно, словно моя физиономия была каким-то драгоценным камнем.

— Тыковка... — Ну или созревающим осенью плодом. — Я знал о последствиях еще до того, как вошел в ту дверь.

Я тихо ахнула:

— Дядя Боб... Я... даже не знаю, что сказать.

И я действительно не знала, поэтому просто его обняла. Опять.

— Ну и что будем делать? — спросил Рейес, все еще кипя от злости. — Устроим трагическую вереницу свернутых шей? Между прочим, им всем дорога в ад. Мы лишь перенесем путешествие на более ранний срок.

И вдруг я ее увидела — метку, которую видел Рейес. Кажется, я и раньше видела эти метки, но по чистой случайности. А теперь могла присмотреться повнимательнее и узнать, что сделали эти люди, чтобы заслужить такую участь. Какой поступок они совершили, чтобы получить такой жестокий приговор. Собравшихся здесь мальчиков назвать хорошими нельзя было даже с натяжкой.

Я закрыла глаза, чтобы выключить, за неимением другого слова, эту способность. Только чтобы проучить других, эти гады вырезали целые семьи, вешали с мостов, обезглавливали, пытали жен на глазах у мужей и детей. Смотреть дальше не было сил. Передо мной открывалась темная сторона человечества. Его ядовитые отходы.

Заглянув мужу в глаза, я проговорила:

— Убей их всех.

И я не шутила. На какое-то мгновение мне захотелось убивать, отнимать у людей жизни, будто у меня есть на это право, будто я — одна из них.

Когда Рейес уже приготовился свернуть первую шею, я крикнула:

— Подожди!

Но было поздно. В номере появился ангел. Точнее архангел. Михаил. И появился он в трех шагах от меня, закрыв огромными крыльями половину и без того переполненной комнаты.

Я вскочила на ноги. Рейес тут же отошел от бандита и опустил голову. Все его тело напряглось в предвкушении битвы, и появился черный, клубящийся непроглядными волнами плащ. Благодаря ему Рейес выглядел еще более угрожающим, хотя это уже было лишним. Я уловила проблеск металла (о да, моему мужу и правда очень хотелось ввязаться в драку), и только потом полы плаща опустились к его ногам.

Не зная, что делать, дядя Боб, который, к моему удивлению, видел архангела, тоже поднялся на ноги. Похоже, он не мог решить, кто его поразил больше — ангел или Рейес. Я бы поставила на второй вариант, но я за ним замужем. Вряд ли мое мнение объективно.

— Чего надо? — грубо спросила я у Михаила.

Мы с ним редко ладим. В основном потому, что он пытался меня убить. Точнее задержать, пока не явится Иегова и не порешит меня собственноручно.

Он меня предупреждал. Михаил. Говорил не лезть туда, где все уже приведено в действие.

— Полагаю, теперь Он за мной придет, раз уж я изменила историю тем, что спасла жизнь своему дяде.

— Вовсе нет, — отозвался архангел, не сводя глаз с самой страшной угрозы в комнате. К сожалению, этой угрозой была не я. — Ты пришла прежде, чем он умер. Ни единый закон не нарушен.

— И что теперь?

Я шагнула ближе. От ярости я готова была придушить Михаила, но вовремя остановилась и внимательно посмотрела на него.

У ангелов невероятные, нечеловеческие глаза. В них мерцают огни вселенной. И их глаза доказывают, что в Рейесе есть что-то ангельское. Они отражают даже самый тусклый свет. Могут заглянуть кому-то прямо в душу. Узнать больше, чем показывают.

Рейеса создали из энергии бога и адского пламени, но какая-то часть его — от ангела. Пусть падшего, но все равно ангела.

И точно так же, как Рейес, ангелы могут бесить круче всех по эту сторону вечности.

— Я думала, мне нельзя спасать людей от неизбежного. Разве не так ты говорил?

— Ты можешь спасать их, исцелять от случая к случаю. Как и многие одаренные в этом мире.

Я раздраженно сложила руки на груди.

— Ага, слыхала, что врачи этим постоянно занимаются.

— Существуют законы, жнец. Однако сегодня ты не преступила ни одного из них.

— И что это за законы такие? Если ты забыл, то ко всей этой белиберде не приложили инструкцию.

Наконец Михаил соизволил на меня взглянуть.

— Ты — загадка. Лишь один жнец прожил так же долго, как ты. И она была

отшельницей, не имевшей тех способностей, что прилагаются к твоему статусу. Поэтому у тебя совершенно особый... спектр полномочий.

— То бишь мне можно спасать людей? Я-то думала, что если кого-то исцелю или предотвращу скоропостижную кончину Диби, на небесах воцарится хаос.

Архангел смерил меня странным взглядом, словно пытался определить, какой я породы.

— Это было бы не впервые. Похоже, в наши дни посеять на небесах хаос проще простого. Ты можешь исцелять, — добавил он в конце концов, — но лишь изредка и лишь те души, которые еще несвободны. Лишь те, что еще не покинули свой сосуд и не вошли в Царство Отца. Заруби себе это на носу, ибо это священный закон.

— То есть самый-самый важный?

— Да.

— А если я его нарушу?

— Тебя изгонят из этого мира на веки вечные.

— Ясненько. Что ж, все не так уж сложно. Мне нельзя исцелять мертвых, потому что с чего бы мне их исцелять? Они же уже умерли.

Михаил склонил голову набок, однако его внимание тут же привлек отпрыск дьявола, который сделал маленький шагок. На самом деле все это время Рейес потихоньку приближался к архангелу, и я чувствовала, как в моем муже горит жажда сражения и подталкивает его вперед.

Я бросила на него короткий взгляд и покачала головой, но Рейес и бровью не повел.

— И никаких исцелений от рака, — продолжал Михаил.

— Я ничего такого и не делала.

Он снова посмотрел на меня и всезнающе усмехнулся:

— Но думала об этом.

— И что с того? Я думала свернуть тебе шею. Это считается?

— Нет, — ответил Михаил, и уголок его губ потянулся вверх.

— Минуточку! Поэтому, что ли, твои прихвостни следят за каждым моим шагом?

В архангеле разыгралось любопытство.

— Прихвостни?

— Они повсюду таскаются за мной, потому что я угрожала вылечить рак? — Тут до меня кое-что дошло, и я уселась на стул. Я осознала смысл того, что сказал Михаил. — Вы собирались прогнать меня из этого мира, если я спасу своего дядю, но не прогнали. Почему? Потому что он все-таки не умер? Потому что мы не дали этим людям его убить?

Михаил кивнул.

— Значит, он должен был здесь погибнуть. Мы остановили Гранта Герина, и это привело к тому, что...

— Ты бы нашла его здесь слишком поздно, — закончил за меня архангел.

Я глянула на дядю Боба. Сердце болело от одной только мысли, что я могла его потерять. Зато сам он казался ни капельки не расстроенным. Более того, он до сих пор был в шоке и испытывал настоящее благоговение. Что тут скажешь? Такое впечатление производят ангелы.

— Ты знал, — сказала я Диби. — Знал, что не выйдешь отсюда живым.

Наконец он сосредоточился на разговоре, стиснул зубы и беспомощно пожал печами:

— Имелось такое подозрение.

— Дядя Боб, елки-палки! И как ты только...

Слов опять не хватило, поэтому я замолчала и внимательно к нему присмотрелась.

На нем была метка. А учитывая обстоятельства, это офигеть как несправедливо. У него были благородные намерения, а приговор — по всем статьям нечестный.

Подняв руку, я глянула на Михаила. Он кивнул и стал ждать, а я махнула рукой и сняла метку с любимого дяди. А потом снова повернулась к архангелу:

— Почему я могу ставить и снимать метки?

— Ты жнец. Это твоя прерогатива.

— Ладненько. Тогда спрошу еще раз: почему твои прихвостни за мной следят?

— Они за тобой не следят.

— Чувак, да они повсюду! Даже не пытайся запудрить мне мозги, что они якобы за мной не следят, потому что... Вот блин! — воскликнула я, поразившись собственной самонадеянностью. — Они следят не за мной, правда?

— Они наблюдают за богом Рейзаикином.

Ну конечно! Теперь все встало на свои места.

Рейес замер, но на одно короткое мгновение на прекрасном лице промелькнуло удивление. Такое мимолетное, что если бы я моргнула, то не успела бы заметить.

— Теперь, когда Рейес знает, что он бог, — проговорила я, — он представляет еще большую угрозу?

— Не больше, чем ты, но да.

— Я?! — оскорбилась я. — Я-то что натворила?

Михаил выдал мне нечитабельное выражение лица. Понятия не имела, что ангелы так умеют.

— Разве не ты угрожала свергнуть Отца?

Обалдеть! Кстати, мне срочно нужен маникюр.

Я стала поворачивать ногти так и эдак, а потом ответила:

— Пф-ф, чувак! Я бросаюсь угрозами направо и налево. Можно подумать, я в курсе, как свергнуть... Минуточку! — Я встала и подошла ближе к Михаилу. — Хочешь сказать, это вообще возможно?

Он не ответил. Оно и понятно. Кому захочется выдавать такой секретнице?

— Кстати, — с бухты-барухты сменила я тему, — мы тут уже давненько время задерживаем.

— Время не имеет значения.

— Скажи это тому, кто после автокатастрофы истекает кровью.

Михаил протянул ко мне руку, но в мгновение ока Рейес с мечом наголо оказался передо мной и приставил острие к горлу архангела.

Все еще слегка в ужасе, дядя Боб отшатнулся.

Михаил поднял руки:

— Я лишь хотел ей показать.

С мечом у горла он перевернул руку ладонью вверх и протянул ее мне. Я коснулась пальцами раскрытой ладони, и мне прямо в кору головного мозга полились образы, бросавшие вызов логике. Сотворение Земли. Глубины вечно расширяющейся вселенной. Живые существа из самых отдаленных уголков космоса. И боги, которых оказалось намного больше, чем я могла себе представить. Почти в каждом измерении (а их были тысячи) был свой бог. Иногда и не один. Лишь у нескольких богов не было вообще.

Когда все закончилось, я отошла назад и опустила голову, пытаюсь осознать увиденное и

понять, зачем мне это показали. Образы не были документальным фильмом о тайнах нашей удивительной вселенной. У Михаила была лишь одна цель: показать мне тысячи и тысячи миров. Тысячи вариантов. Потому что меня могли прогнать в любой из них.

Посмотрев на архангела, я понимающе кивнула. Только что мы вроде как пришли к соглашению. Ну, почти.

Я заглянула ему прямо в глаза:

— С этими людьми я разберусь сама.

— Меня не волнуют те, что отправятся в обитель Люцифера, — кивнул в знак согласия

Михаил и исчез.

Оглушив меня на мгновение, время рывком вернулось, а мужики резко стали переглядываться в поисках своих пистолетов.

— По-моему, — сказала я, оглянувшись на Рейеса, — надо позвать сюда Оша.

Он нахмурился, но пожал плечами, оставив мне право решать.

— Дядя Боб, сейчас ты увидишь нечто такое, что может слегка дезориентировать.

За долю секунды выражение лица моего дяди сменилось. Он тоже спец в нечитабельности.

— Ош, — призвала я к нам бывшего демона-раба.

Он вышел из темного угла, словно все это время там и стоял.

— Твоя очередь.

Красивое лицо озарилось широкой улыбкой, которая никак не вязалась с мрачной ситуацией. К этому моменту до El Jefe дошло, какую серьезную ошибку он совершил.

Не понимаю я таких людей. В кругу родных и близких они любящие и верные, а с остальными ведут себя, как настоящие чудовища.

Валенсия бросил на Оша оценивающий взгляд и ухмыльнулся. Хотелось мне ему сказать, что Ош только выглядит, как юноша, но так или иначе наркобарон сам все узнает. Ош напал так быстро, что его невозможно было разглядеть. Прижав гада к стене, даэва коснулся губами его рта и стал вдыхать его сущность, пить душу, есть ауру.

Возникло ощущение, что я смотрю гейскую порнушку, только без обнаженки. Может быть, ничего сексуальнее я в жизни не видела.

Люди Валенсии бросились на помощь боссу, но Рейес уже слишком долго кипел и сорвался с цепи. Забавы ради он чуть-чуть поборолся врукопашную, а потом принялся одну за другой сворачивать шеи. Головорезы даже не успели понять, что произошло. И все же такая смерть была намного милосерднее того, что они творили со своими жертвами. А вот вечные муки после смерти — уже совсем другая история.

Напялив маску правдоподобного отрицания, я вывела дядю Боба из номера. Ни к чему ему все это видеть. В конце концов, Рейес и Ош — демоны. Иногда им чересчур нравится убивать.

— Нам отправляться в ад меньше чем через три часа, — сказал Дибби, словно мы вышли с какой-то деловой встречи или только что вернулись из ресторана.

— В смысле? А, ну да. В торговый центр, — чуть не хихикнула я. — А знаешь, я была в аду. Там и правда много общего с торговыми центрами.

— И почему я не удивляюсь?

— Дядя Боб, я до сих пор не могу поверить в то, что ты собирался ради меня сделать. Ты ведь мог умереть!

— Я знаю, какая ты особенная, Чарли. Точнее думал, что знаю. — Он провел рукой по

волосам. — Хотя скорее ничего я не знал и даже не догадывался.

Я взяла его под руку.

— Ничего страшного. Я и сама порой не все понимаю.

— А это... это был ангел?

— Ты о нашем госте? Ага, Пакостный Ангелочек Михаил. — Тут я не сдержалась и расхохоталась, сложившись пополам.

Дядя Боб уставился на меня с отвисшей челюстью. Не все понимают мой юмор.

— Куки... Сколько из всего этого знает Куки?

— Не так много, как ты. По крайней мере теперь уж точно.

Он кивнул, а из номера вышел Рейес.

— Полегчало? — спросила я у мужа.

— Кажется, да.

Я оглядела обшарпанный отель.

— Сегодня я фактически убила всех тех людей. Мне теперь отправляться в ад?

Рейес подошел ближе, коснулся пальцами моего подбородка и заглянул мне в глаза.

— Ты бог, Датч, и жнец. Тебе нельзя вынести приговор. Ты и есть приговор.

— Ага, вот только очень сомневаюсь, что Пакостный Ангелочек Михаил согласится с таким утверждением. — Я опять рассмеялась над собственной шуткой. — Так его и назову при следующей встрече.

— Я хочу присутствовать.

— Застолблю тебе место в первом ряду.

— Нет. Я хочу быть свидетелем твоей следующей попытки развязать Третью мировую войну.

Прозвучало это, как обычное предложение, а на самом деле было предупреждением, подкрепленным ласковым, но горячим взглядом. Ей-богу, было бы еще лучше, если бы Рейес свое предупреждение подкрепил хорошим кьянти и сырными шариками.

Я шагнула в объятия мужа и высказала собственное предупреждение:

— Еще раз сбросишь меня с крыши — увидишься с Михаилом раньше, чем планировал.

Рейес заправил локон мне за ухо.

— Сомневаюсь, что это произойдет, если Михаилу не придет в голову погостить у Люцифера.

Немало удивившись, я отстранилась.

— Ты всерьез считаешь, что отправишься в ад?

— Нет. Раз уж я бог, то скорее всего отправлюсь в какую-нибудь неземную тюрьму.

— По-моему, ты достаточно насмотрелся на тюрьмы. Хватит как минимум на пару миллионов лет. Да и с чего вдруг тебе отправляться в божественную тюрьму? Ты ничего плохого не сделал.

В ответ Рейес печально улыбнулся и отвел взгляд.

*Всю мою жизнь можно описать одной фразой:
«Что ж, все пошло не по плану».*

Надпись на футболке

На следующее утро я стояла у стены в комнате Эмбер, пока дядя Боб и техник по имени Джимми надевали на дочь Куки прослушку. Так мы сможем все услышать. В дверях с чашкой кофе в руке стоял Рейес. К сожалению, чашка была не моя.

— Спасибо, что пришел, Своупс, — сказала я Гаррету Своупсу, одному из моих лучших друзей на всем белом свете.

То есть он мог бы быть моим лучшим другом, если бы прекратил строить из себя мачо и стал готовить мне тако. В общем, Гаррет уже объяснил Эмбер, как работает прослушка, и теперь подошел ко мне.

— Не за что. Как она держится? — кивнул он в сторону Эмбер.

— Нервничает. Я хочу, чтобы она постоянно видела тебя, меня или Рейеса.

В нашем кругу Гаррет единственный, о ком Джо Сталкер стопроцентно не знает. Своупс смело может торчать недалеко от Эмбер, потому что вместе их Джо никогда не видел. Мы с Эмбер тоже месяцами никуда не выбирались, но на всякий случай я придумала себе прикрытие. Так сказать, причину, почему меня принесло в торговый центр. И это было гениально! Я буду притворяться покупателем. О да, мои планы — один круче другого.

Когда техник закончил с прослушкой, я подошла к Эмбер:

— Ты точно хочешь в этом участвовать?

Она кивнула, но я почувствовала, как ускорился ее пульс, к горлу подступил комок, а в животе зашевелилась тошнота. Бедняжка. Стресс причиняет гораздо больше вреда, чем думают люди.

Я села рядом и взяла ее за руку.

Вчера мы весь день переписывались. Если Джо Сталкер клонировал сотовый Эмбер, то уже знает, куда она сегодня пойдет. Меня одолевали серьезные сомнения, что он таскается следом за ней. Скорее всего следит за ее перемещениями по эсэмэскам. Ну или с помощью GPS. Оба варианта касаются телефона.

— Брэнди ведь приедет? — спросила Эмбер.

С подругой она тоже переписывалась, но только после того, как дядя Боб обсудил все с родителями девочки. Нехотя, но они все же согласились отпустить дочь в торговый центр. Понять их сомнения несложно. Кто захочет отпускать своего ребенка в засаду на преследователя? Вряд ли Дибби легко удалось их убедить, но справился он великолепно.

— Ее родители согласились, так что да, должна приехать.

Эмбер с облегчением кивнула.

— Слышала, вчера он тебе не писал.

Дядя Боб сказал, что весь день прошел хорошо, и теперь я переживала, что Ош как-то спугнул сталкера. Фигово получится, если этот гад заляжет на дно. Но ничего. Мы будем пробовать снова и снова, пока не поймем ублюдка.

Эмбер покачала головой:

— Еще напишет. Иногда по несколько дней тишина, а потом я за день получаю штук десять сообщений с нового номера.

— Вот и хорошо.

Оставалось лишь надеяться, что преследователь не из тех, кто постоянно ездит в командировки. Если так, то его может не быть в городе. Тогда вся наша затея пройдет зря.

Куки, чьи руки заметно тряслись, протянула Эмбер резинку для волос.

— Не понимаю, почему мне нельзя поехать. Я ведь ее мама. Вполне могла бы оказаться в торговом центре вместе с ней.

— Нам нельзя рисковать, Кук. Что угодно может его спугнуть.

Соглашаясь, она едва заметно кивнула, но происходящее ей совершенно не нравилось.

— Ты все услышишь из фургона.

Мы подготовили фургон для наблюдения за ситуацией, а еще заранее вызвали скорую, которая в любой момент примчится на помощь.

Дибби присел перед Эмбер и, указав на прослушку, спросил:

— Не мешает?

Чтобы прикрепить микрофон к бюстгальтеру, Джимми пришлось залезть Эмбер в блузку. Бедняжка чуть не сгорела от стыда. У меня же возникло ощущение, что это был худший момент, связанный с прослушкой.

— Ни капельки.

Дибби взял Эмбер за подбородок и посмотрел прямо в глаза:

— Я буду рядом, бусинка. И никогда никому не позволю причинить тебе вред.

Эмбер кивнула, опустила голову, а потом крепко его обняла. Куки прижала ладонь к груди. Теперь, когда она знала, что Дибби места себе не находил из-за наркобарона, который хотел сдобрить фриттату креольским соусом из моих мозгов, ей слегка полегчало. Мне же оставалось лишь молиться, чтобы после сегодняшнего дня весь этот кошмар закончился. Ради Куки.

Эмбер снова села. У нее так дрожали руки, что ей пришлось сцепить их в замок.

Я осмотрела собравшихся, чуть дольше задержавшись взглядом на благоверном, который, прислонясь плечом к косяку, потягивал кофе из черной чашки, а потом повернулась к Куки:

— Ты не против, если мы с ней поговорим наедине?

— Вовсе нет, — слегка удивленно отозвалась подруга и принялась всех выгонять из комнаты, включая и воплощение опасности и секса.

Воплощению, само собой, позарез понадобилось ее подразнить. Он с места не сдвинулся, пока Куки не сдалась, а когда уже готова была выйти за дверь, вдруг преградил ей путь.

Кук остановилась и вопросительно глянула на Рейеса. Потом поняла, что он ее дразнит, в буквальном смысле развернула его и вытолкала из комнаты. В знак капитуляции Рейес поднял руки. Благослови его бог! Он старался помочь Куки в тяжелой ситуации, и у него получалось.

Когда все ушли, Эмбер чуточку расслабилась. Многовато свалилось на плечи тринадцатилетнему ребенку. Весь наш план не только задумывался ради ее блага, но и напрямую зависел от того, как она себя поведет.

Я присела на кровать напротив стола, у которого сидела Эмбер. Не меньше минуты она смотрела на свои ноги и лишь потом подняла голову.

— Я все время буду рядом, Эмбер, и услышу все, что ты скажешь. Если испугаешься или почувствуешь, что что-то не так, просто подай мне знак.

Знаком была фраза «Не говори маме о желе». Ясное дело, если Эмбер побежит и закричит, я тоже все пойму.

Она нервно и еле слышно рассмеялась:

— Понять не могу, почему я так боюсь.

Я изогнула бровь.

— Хочешь, чтобы я тебе сказала? — Она кивнула, и я продолжила: — Ты боишься, потому что этот парень слишком много о тебе знает. Прежде чем решиться на контакт, он черт знает сколько за тобой следил. Он угрожал твоему отчиму. Плюс тебе бы хотелось, чтобы здесь был Квентин. Во всей этой операции задействована куча людей, и слишком многое стоит на кону, а ты думаешь, что всего этого не стоишь.

Эмбер удивленно посмотрела мне в глаза.

— Ты думаешь, что мы не должны были так суетиться ради тебя, поэтому прямо сейчас я скажу тебе, Эмбер, что ты глубоко ошибаешься. — Я взяла ее за руки. — Очень-очень сильно ошибаешься. Скорее всего этот парень — просто псих и рано или поздно оставит тебя в покое. Но пускать такое на самотек нельзя, солнце.

Она будто бы ушла в себя, и ее плечи поникли.

— Просто многовато хлопот из-за того, что может оказаться сущей ерундой.

— Эмбер, ты самый уверенный в себе тринадцатилетний подросток из всех, кого я знаю. — Сказав это, я передумала: — Ну, ты вторая в списке. — Такую же уверенность в себе Ангел источает здоровенными порциями. — Не позволяй этому гаду выбить тебя из колеи, иначе он победит. Даже если пальцем тебя не тронет, все равно победит. А это, в моем понимании, ни разу не нормально, потому что в этом мире нет ничего важнее тебя.

Эмбер кивнула, хотя мои слова ее не убедили.

— Можно рассказать тебе секрет?

В синих глазах мелькнуло любопытство.

— Ты — член ее команды.

Заинтригованная, Эмбер расправила плечи:

— Чьей команды?

Я улыбнулась и подумала обо всем, что предстоит совершить этому удивительному ребенку. И ей придется быть сильной и стойкой. Будь я проклята, если позволю какому-то козлу высосать хоть каплю мужества и страсти из этих тонких, изящных косточек.

Я сжала ладони Эмбер и проговорила:

— Команды Пип.

От удивления у нее распахнулись глаза.

— Я это видела. Ты станешь пророком. — От одной только мысли об этом меня переполняло тепло. — Точнее ты и есть пророк.

Изумление на лице Эмбер стало моей наградой за то, что я ей доверилась.

— Я... серьезно? Я — пророк? То есть я могу заглядывать в будущее?

— Ты уже видишь его яснее, чем я когда-либо смогу научиться. Думаю, нам нужно поговорить с твоей мамой о том, чтобы развивать твои способности. По-моему, они тебе пригодятся, чтобы потом помогать Пип. А ты как думаешь?

Эмбер, в которой волнение и энтузиазм затмили страх и неуверенность, кивнула:

— Я бы с радостью.

— А еще... Я не должна тебе этого говорить, потому что ни в чем нельзя быть уверенным наверняка и все может измениться в любой момент... В общем, Квентин тоже в команде.

Выражение лица Эмбер стало восторженным, а потом и вовсе мечтательным. Да уж, девчонка влюблена по уши.

— Это было бы суперкруто!

— Согласна.

Меня слегка волновало, что Квентину вот-вот стукнет семнадцать, а Эмбер до четырнадцати еще несколько месяцев. Одно дело — когда парню шестнадцать. И совсем другое — когда ему неизбежно предстоит стать семнадцатилетним юношей. Как подумаю, во мне мигом просыпается мать-медведица.

С другой стороны, Пип всего два месяца, а я уже сосватала ее четырехсотлетнему демону.

Может быть, семнадцать — это не так уж плохо. Тем более что я все равно ничего не могу поделать с тем, что они будут вместе. Судьбу моей булочки и Эмбер я увидела в один и тот же день. Когда у меня забрали Пип. Когда я забыла, как дышать.

— Мне его не хватает, — пробормотала Эмбер.

— Кого? Оша?

— Нет, — рассмеялась она, — Квентина.

Я потянула ее за руки, усадила рядом на кровать и доверительно наклонилась поближе:

— А теперь серьезно. Как Ош вел себя в школе?

Эмбер прыснула от смеха и согнулась пополам. Даже смотреть на нее было весело.

Насмеявшись так, что покраснелось лицо, она выложила мне все самые сочные подробности. Девочки отдавливали друг другу ноги, чтобы хоть разок взглянуть на Оша. Вот только большинству одного раза было мало. Под маской кузена Ош весь день провел с Эмбер, поэтому все девочки в школе воспылали желанием познакомиться с ней поближе.

— Он классный, — сказала она под конец.

— Чего?! Это Ош-то классный? И вообще он не классный. Он... Он...

— Не переживай, тетя Чарли. Я о нем в этом смысле и не думаю.

— Вот и хорошо, — выдохнула я, утопая в океане облегчения. — Хорошо, что ты видишь только высокого блондина, который ест спагетти через соломинку.

Эмбер снова рассмеялась:

— Да мы только раз попробовали! В качестве эксперимента. Кстати, получается не так хорошо, как можно подумать.

— Ага, поверю тебе на слово.

Когда мы вышли из комнаты, Эмбер чувствовала себя совсем иначе. Конечно, она все еще нервничала, но уже не так сильно боялась. Будущее стало казаться ей слишком ярким и замечательным, чтобы позволить какому-то страху все испортить.

Пока дядя Боб давал Эмбер последние инструкции, Куки за локоть оттащила меня в сторонку.

— Как тебе это удалось?

— Что именно?

— Я ведь ее мама, а даже...

— В том-то и дело, Кук. Ты — мама, а я — классная тетя. — Я подула ногти и потеряла их о футболку.

— Наверное, ты права. Рада, что вибрации классной тети работают.

— Откуда ты знаешь о Хане Соло?! — Куки лишь подняла брови, развеселив меня своей фирменной забывчивостью, поэтому я добавила: — Видимо, ты о моей энергетике. Что ж, эти вибрации работают, да. На все сто. А еще у меня есть суперсилы.

Подруга уставилась на меня с отвисшей челюстью:

— У меня тоже.

— Солнце, способность ослеплять людей твоим уникальным чувством стиля не считается.

— Да? Ну ладно.

Выражая благодарность в тысячный раз с тех пор, как заварилась эта каша, Куки крепко меня обняла.

Гаррета мы тоже попросили писать Эмбер эсэмэски. Какую-нибудь ерунду. Мы будем отслеживать все сообщения Эмбер и, как только Джо выйдет на связь, сразу же об этом узнаем.

Когда пришла первая эсэмэска «Как думаешь, Джастин симпатичный?», Эмбер рассмеялась, а я стукнула Своупса по руке.

— А что такого? — огрызнулся он и потер бицепс, как будто почувствовал мой слабенький удар. — У меня есть племянницы, и я знаю, как они думают. К тому же, в каждой школе на планете найдется хоть один Джастин. Это статистический факт.

Что ж, тут возразить мне было нечего.

Согласно инструкциям, Куки высадила Эмбер у торгового центра «Коронадо» и проехала обратно три квартала до супермаркета, где села в фургон наблюдения. И все для того, чтобы Джо не заподозрил неладное, случайно увидев, как она садится в фургон возле торгового центра.

Как только Куки оказалась в фургоне, водитель тронулся с места и припарковался позади «Коронадо».

Команда состояла из меня, Рейеса и трех офицеров. Все мы притворялись случайными покупателями. Еще в команду входил дядя Боб, который расположился в будке охраны торгового центра, Гаррет, прикрывавший нас сзади, и Ош, который уже должен был находиться в «Коронадо».

Рейес, узнав, что ангелы следят вовсе не за мной, а за ним, был слегка не в себе, поэтому я попросила его занять место в бутике с парфюмерией. Владельцу явно светит прибыльный день. Пока мой муж притворялся, будто выбирает себе одеколон, в бутике и вокруг него столпились женщины. Они брызгали всякими духами себе на запястья, махали Рейесу и спрашивали, нравятся ли ему ароматы. Да уж, с деликатностью у них просто беда.

С самым деловым на свете видом я бродила по центру и разглядывала витрины, словно за этими витринами и пришла.

У входа Эмбер встретила с Брэнди. Через микрофон мы слышали все, о чем они говорят. Как только Джо даст о себе знать, они пойдут в фуд-корт, где уже ждали остальные члены команды.

Два часа спустя девочки все еще бродили по торговому центру и без всякого энтузиазма разглядывали одежду, офицеры начинали нервничать, а Ош в прикиде старшеклассника напропалую флиртовал с какой-то продавщицей.

Поелозив пальцем по разбитому экрану сотового, я набрала Дибби, жалея, что не могу прямо сейчас пойти и заменить экран. Сервисный центр находился меньше чем в тридцати

метрах! Однако на решение личных проблем во время официальной засады зачастую косо смотрят.

— Что новенького? — спросил Диби.

— Я кое-что заметила. Мне нужно поговорить с девочками.

— Сейчас?! Чарли, ты можешь все испортить. Если он тебя с ними увидит...

— Именно поэтому я планирую разыграть все так, будто это чистая случайность. В конце концов, мы в торговом центре. В таких местах люди постоянно натываются на знакомых.

Дядя Боб громко вздохнул:

— Что ж, думаю, вреда не будет.

— Ладненько. Я пошла.

В одном из магазинов я купила шарф, чтобы у меня в руках был пакет с логотипом, а потом направилась к девочкам.

— Эмбер! — воскликнула я и бросилась обниматься. — А тебя как сюда занесло?

На лице Эмбер промелькнул шок, но его быстро сменил восторг. Вот ведь молодчина!

— Решили пройтись по магазинам и посмотреть на симпатичных мальчиков. В общем, как обычно.

— Понимаю. Ну, не буду вам мешать. У меня тут еще парочка дел. Передай от меня привет маме.

— Хорошо.

Мы снова обнялись, и я прошептала ей на ухо:

— Веселитесь. Примеряйте дурацкие шляпы. Танцуйте под местную попсу. Высовывайте языки. Если я права и он действительно здесь, то не удержится и отреагирует на ваше поведение.

— Хорошо, — шепнула в ответ Эмбер.

Похоже, сталкер присылал ей сообщения, только когда она одевалась или вела себя определенным образом.

Когда я уходила, Эмбер понимающе кивнула. Обняв на прощание и Брэнди, я якобы заторопилась по своим делам.

Девочки начали подыгрывать. Примеряли очки и шляпы, брызгали друг на друга духами, а тем временем мы с Рейесом изучали толпу людей, но так никого и не заметили. И вдруг Эмбер приподняла блузку, словно хотела поразить прелестями проходящего мимо симпатичного парня. Джо тут же прислал сообщение, причем не самое приятное. Видимо, не оценил чувство юмора Эмбер. «Еще раз задери блузку — и я тебя ею же придушу».

Я еле сдержалась, чтобы не запрыгать от восторга, но мысленно все-таки проорала «Ура!».

С этого момента все стало по-настоящему, однако Эмбер повела себя великолепно. Прочла сообщение и расхохоталась, как мы ей и велели. Потом показала эсэмэску Брэнди, и обе сложились пополам от хохота.

Меня переполняла гордость за Эмбер. Нелегко делать вид, будто тебе весело, когда на самом деле дрожишь от страха. Я пробовала, так что знаю, каково это.

Насмеявшись, девочки отправились в фуд-корт. Но в спешке, да еще и перепуганные, забыли вернуть духи на место. Запищала сигнализация, и у Эмбер округлились глаза.

Блин!

Продавщица бросилась за ней. Не зная, что делать, Эмбер оглядывалась по сторонам, но

страх, который она изо всех сил пыталась подавить, настырно лез наружу.

У меня разболелось за нее сердце. Само собой, мы объясним продавщице, в чем дело, но засаде конец.

За пару секунд до того, как продавщица добежала до девочек, откуда-то появился Ош на скейте, выхватил духи из рук Эмбер и укатил прочь.

Женщина явно была сбита с толку, а вот Эмбер вовремя сориентировалась:

— Кажется, тот парень что-то украл.

Продавщица убежала вызывать охрану, а я чуть не грохнулась на пол от облегчения. Ош пока этого не знает, но его точно ждет большой и жирный поцелуй.

В полуобморочном состоянии девочки добрались до фуд-корта и сели за крайний столик, где снова стали смотреть в телефон и со смехом обсуждать сообщение сталкера.

— Ну давай, Джо, — пробормотала я себе под нос.

Через секунду пришла еще одна эсэмэска: «Ты перестанешь смеяться, когда я раздвину твои тощие ноги, сука».

О да, Джо кипел от злости!

К девочкам буквально приклеились два копа, а я пошла сквозь толпу. Если преследователь здесь, я почувствую злость. Такую сильную эмоцию сложно не заметить.

— Что там, Чарли? — услышала я голос дяди Боба в трубке и покачала в ответ головой.

Я обошла людей по кругу и ничего не почувствовала. Какого черта? Сталкер наверняка где-то здесь.

Я посмотрела на второй этаж, но за фуд-кортом наблюдал только Рейес. Он поднялся вверх, чтобы лучше видеть людей внизу.

Начиная испытывать раздражение, я опять пошла по кругу. Девочки продолжали игру, но я дала Эмбер знак активизироваться, после чего они показали сообщение первому попавшемуся незнакомцу и опять рассмеялись. Нам позарез надо было, чтобы сталкер слетел с катушек.

Злость я местами чувствовала, но и близко не такую, какую, по идее, должен был излучать Джо. И вдруг я ее нашла — ту самую злость вперемежку с ненавистью, завистью и крайней враждебностью.

Развернувшись в сторону эмоций, которые теперь легко проходили сквозь толпу и атаковали меня со всей возможной силой, я никого не увидела.

— В чем дело? — спросил Дибби в трубке.

Я подняла указательный палец и пошла между столиками. Мужчины всех мастей, форм и размеров ели разную еду, которую мог предложить торговый центр. Однако заметив источник эмоций, я застыла как вкопанная, глазам своим не веря.

Притворяясь, будто проверяю что-то в телефоне, я стала подходить ближе. Джо Сталкер был так занят слежкой за девочками, что даже не заметил, как я оказалась рядом с его столиком. А точнее — рядом с ее столиком.

Сталкером оказалась девочка не старше Эмбер. Полная, с короткими темными и явно нечесаными кудряшками, да еще и с поразительно бледной кожей, она больше смахивала на заучку, чем на девочку, которая способна на такую ненависть.

Какого черта? Может быть, я ошиблась. Может быть, эта девочка всего лишь злится на родителей за то, что они не купили ей последний выпуск журнала для подростков.

Она наклонилась к столу, чтобы написать еще одно сообщение, а потом подняла голову, ожидая реакции. Эсэмэску вся команда получила одновременно. «Я тебе лицо порежу,

шлюха».

А вот это она зря. Зря использовала мое любимое сокращение для «ШЛЮ Хэллоу Ангелочек!» в негативном, ни капельки не ободряющем смысле. Мы, девчонки, должны держаться вместе, а не укреплять унижительные стереотипы. Стиснув зубы, я поклялась самой себе серьезно поговорить с мисс Злючкой на тему того, как непотребно она использует одно из моих любимых слов, и стала увязывать новую информацию с тем, что нам уже известно.

Во-первых, это всего лишь девочка. А как для девочки, у нее безупречная грамматика. Даже учитывая, что свои сообщения она писала не как типичный подросток, мы должны были учесть, что их мог писать не взрослый человек, а ребенок. Мне же такое и в голову не приходило. Хотя она могла намеренно так формулировать эсэмэски, чтобы сталкер казался старше, умнее и хитрее. Чтобы еще сильнее напугать Эмбер.

Прочитав последнее сообщение, Эмбер снова расхохоталась, да так, что затряслись плечи.

Мисс Злючка взбеленилась, и за долю секунды до того, как она встала и направилась к девочкам, я заметила блеск металла. Блин, ничего хорошего это точно не сулило.

Мой пульс зачастил, словно у него был собственный реактивный двигатель. Не тратя времени даром, я подала сигнал. То бишь запрыгала на месте, размахивая руками.

Вся команда бросилась к нам, расталкивая попадавших на пути людей и тыча им в лицо жетонами. Я побежала за девочкой, показала на нее пальцем и крикнула:

— У нее нож!

В этот самый момент она развернулась на пятках и всадила нож мне в живот.

***

Ощущение холодной твердой стали, разрезающей кожу и мышцы, было далеко не первым, что зафиксировалось у меня в сознании. Первым было то, что девочка обняла меня свободной рукой и прошептала на ухо:

— Привет от Эйдолона.

Несколько долгих секунд я стояла и думала, не успела ли ненароком притормозить время. Однако, когда из меня вытащили нож, во всей красе нахлынула реальность вместе с обжигающей острой болью, от которой подкосились ноги.

Вокруг кричали люди. За спиной у девочки появился Рейес и уже взял ее за голову, чтобы свернуть шею, но я вовремя успела прокричать:

— Рейес, нет!

Мне хватило одного взгляда на ее лицо. Когда она посмотрела на свои руки, в ее глазах отразился чистейший ужас. Потому что руки были покрыты кровью.

Стиснув зубы, Рейес оттолкнул девочку достаточно сильно, чтобы она распласталась на полу, и в мгновение ока оказался рядом со мной. Обнял, стянул спереди мою куртку и приказал:

— Переместись.

Я заморгала, почувствовала еще одну пару рук на плечах и талии и стала оседать на пол.

Объятый яростным пламенем, Рейес дернул меня вверх, крепко прижал к себе и положил ладонь мне на затылок, придерживая голову, чтобы я могла стоять.

Понятия не имею, сколько мы так простояли, причем между нашими лицами оставались считанные сантиметры, как вдруг кто-то окликнул меня по имени. Может быть,

Гаррет.

А потом я опять услышала глубокий и тихий голос мужа, который отчетливо и не торопясь повторил:

— Перемещайся, Датч. Сейчас же.

И я послушалась. Переместилась, но совсем чуть-чуть. Мои молекулы разделились, рассыпались и почти сразу же собрались заново, словно сшивая клетки моего тела.

Когда я стала осязаемой целиком, боль исчезла.

Рейес перестал так крепко меня прижимать к себе, но подождал, пока я снова не смогу стоять самостоятельно. Я кивнула, и он отошел на шаг назад, а я поспешно застегнула куртку на «молнию». Исцелять собственное тело — это одно, а вот чинить попутно одежду — совсем другое.

В ужасе ко мне подбежала Эмбер:

— Тетя Чарли, ты как?

Я кивнула в знак того, что все в порядке, обняла ее и только потом заметила кровь на футболке Рейеса. Скажу копам, что девочка меня порезала, но не сильно.

Эмбер оглянулась на девочку, которую прижали к полу сразу несколько офицеров, и удивленно пробормотала:

— Это была она?

Копы держали сталкершу лицом вниз. Один из них отобрал нож и телефон, а она даже не сопротивлялась. Может быть, накатил шок. И ей наверняка было больно. Вряд ли приятно, когда у тебя на спине сидит девятистокилограммовый мужчина. Засунув улики в пакеты, женщина-офицер надела на девочку наручники. Лишь потом ее подняли на ноги, причем ни капельки не осторожничали. На бледном лице был написан весь страх, который она сейчас ощущала.

Выпрямившись, девочка уставилась на Эмбер, которая покачала головой и отшатнулась.

— Нет... Это не она.

Я взяла Эмбер за руку.

— Ты ее знаешь?

— Не может быть! — воскликнула Брэнди, удивляясь не меньше подруги.

— Это Тея Уолд, — ответила Эмбер. — Зачем ей мне писать? Мы каждый день видимся в школе и здороваемся.

Брэнди кивнула:

— Эмбер всегда с ней добра. Наверное, она единственная, кто вообще относится к ней по-человечески.

— А ты нет? — спросила я.

Брэнди стыдливо поникла:

— Нет. В смысле я, конечно, не издеваюсь над ней, но и не стараюсь быть доброй.

— Зато я стараюсь, — вставила Эмбер. — Значит, все это я заслужила тем, что хорошо к тебе отношусь?

Тею Уолд начало заметно трясти, а по лицу уже текли слезы.

Не в силах на это смотреть, Эмбер опустила голову, и до меня дошло, почему ей суждено стать членом команды Пип. У Эмбер золотое сердце.

— Эмбер, мне кажется, все не совсем так, как выглядит со стороны.

— То есть?

— Думаю... — начала я и замолчала, потому что в кружок заявили Рейес с Гарретом.

Показался и дядя Боб. Бросив один взгляд на Тею, он присоединился к нам.

— Думаю, ею управляли.

— С вами все в порядке? — спросил Диби, обращаясь сначала к Эмбер, а потом ко мне.

Мы обе кивнули, и он обнял Эмбер, а через секунду заметил кровь, которой пропитались мои джинсы. Диби заглянул мне в глаза, но я тут же покачала головой.

— Она мне кое-что сказала. Передала привет от Эйдолона.

— Ладно, — протянул дядя Боб, — кто такой Эйдолон, и почему он передает приветы через преследователя?

— Видимо, он ее как-то контролировал.

Копы уже вводили Тею из торгового центра. Я крикнула им остановиться и побежала к девочке. Вся банда, кроме Брэнди, двинула за мной. У меня возникло ощущение, что Брэнди на сегодня хватило переживаний. Она села на стул и наблюдала за нами со стороны.

— Тея, — начала я, чтобы привлечь внимание девочки.

От шока и страха ее глаза казались абсолютно пустыми.

— Тея, что сказал Эйдолон? Это он велел тебе заварить всю эту кашу?

— Я так разозлилась... — пробормотала она.

— На Эмбер?

— На меня?! — обалдела Эмбер.

Казалось, Тея вот-вот упадет. Ее мигом усадили на стул. Руки ей заковали в наручники за спиной, а судя по виду, падение лицом в пол без последствий не пройдет.

— Да. То есть нет, — смущенно покачала она головой. — Я думала... Кто-то нарисовал на мамином «энкоре» краской число пятьдесят. По всей машине. Он сказал, это была ты.

— При чем тут число пятьдесят? — спросила я.

Эмбер снова опустила голову.

— В школе ее называют кретинкой. Типа у нее IQ в пятьдесят баллов. — От одного взгляда на Тею она мгновенно прониклась сочувствием. — Некоторые люди — конченые придурки, Тея. Почему ты решила, что я могла так поступить?

— Потому что... не знаю. — Тея поморгала и уставилась на меня. — Я вас порезала ножом...

Эмбер ахнула, и дядя Боб крепче прижал ее к себе.

— Все в порядке, солнце. — Я присела перед Теей. — Тея, что ты знаешь об Эйдолоне?

За спиной вспыхнул жар. Рейес кипел от злости, но теперь объектом его ярости была не девочка, а настоящая проблема.

Словно впервые меня увидев, Тея резко вздохнула.

— Боже мой! Он вас отвлекал, пока ищет вашу дочь.

Я пошатнулась, словно она меня ударила. Рывком поставив на ноги, Рейес развернул меня к себе. Он хотел объясниться. Это было ясно по выражению лица. Но в такой ситуации не нужны были никакие объяснения.

— Иди, — еле слышно прошептала я.

Дематериализоваться на глазах у кучи людей было нельзя, поэтому Рейес сорвался с места и побежал так быстро, что собравшиеся зеваки едва успевали его рассмотреть.

Рейес узнает, что с нашей дочерью. Я пойти не могла, потому что именно на это и рассчитывал Эйдолон. Он хотел перепугать меня до смерти. Хотел, чтобы яркий, как чертов маяк, свет привел его к Пип.

Оставалось лишь молиться, что он не сможет точно так же увязаться за Рейесом.

Наверняка ведь не сможет!

Я положила руку на колено Теи.

— Тея, что еще ты знаешь? Или, может быть, что-то помнишь?

— Он злился. Когда вы расстроились и... — Она нахмурилась, пытаясь понять собственные воспоминания. — И дематериализовались, что ли? Неужели вы так умеете?

Я слабо улыбнулась, зато Эмбер все поняла, и ее глаза стали просто огромными.

— В общем, он страшно рассердился, — продолжала Тея. — Ему хотелось, чтобы вы материализовались рядом с ней. Рядом с вашей дочерью. Он за вами следил, но сказал, что вы слишком хитрая, потому что пошли куда-то... не туда.

В Шотландии я точно оказалась не по собственной воле. Или все совсем не так? Неужели я действительно старалась появиться где угодно, лишь бы не возле Пип? А еще, если я не могла заранее знать, где окажусь, то как меня занесло на другой конец света в дом, где имеется точно такой же загадочный чулан, какой был в заброшенном монастыре?

— Я и сама злилась все больше и больше. Он говорил мне ужасные вещи, а я потом посылала... — Тея взглянула на Эмбер. — Прости меня, Эмбер. Я бы никогда...

— Я знаю, Тея, знаю. — Эмбер присела рядом со мной. — Все хорошо.

— Нет, не хорошо, — покачала головой Тея. — Я ее порезала. И чувствовала, как вонзился нож.

— Я не ранена, видишь? — Расстегнув куртку, я приподняла пропитанный кровью свитер, но кожа под ним была... ну, тоже вся в крови, зато без порезов. — Всего лишь царапина, — заявила я, чтобы хоть как-то объяснить кровь.

— Но это невозможно... Я чувствовала, как вонзился нож.

Приобняв Эмбер, я подалась к Тее:

— Значит, так, солнце, я постараюсь помочь тебе выбраться из этой передрыги. Ты меня не резала. — Для проформы я подмигнула. Да уж, намек тонкий, как слон в розовой пачке. — Вы со мной? — Я покосилась на Эмбер. — Обе?

Эмбер кивнула и наградила Тею широченной улыбкой:

— Все в порядке, Тея. Тетя Чарли все уладит.

Сзади раздался кашель Дибби.

— И папа тоже поможет. Точнее он все и уладит.

Дядя Боб застенчиво улыбнулся, но изнутри его распирало от гордости. В конце концов он помог нам всем подняться на ноги, и копы увели Тею.

Я стояла и ничего не понимала. Не мог Эйдолон вселиться в девочку. Он слишком силен. Она протянула бы пару часов. Ну, максимум пару дней. Так как он пробрался к ней в голову?

— Я не писала краской на машине ее мамы, — сказала Эмбер дяде Бобу.

— Думаешь, я не знаю, бусинка?

В этот момент, едва дыша, примчалась Куки и крепко обняла дочь.

— Где тебя носило? — спросила я, уже зная ответ.

— Заблудилась, — отозвалась подружка, пытаясь отдышаться. — Ненавижу торговые центры.

Чтобы скрыть неуместный смех, пришлось покашлять. Дибби сделал то же самое, а потом обнял обеих своих девочек. Куки прижалась к нему, а Эмбер уткнулась носом ему в пиджак.

— С тобой точно все в порядке? — спросил дядя Боб, приглаживая ей волосы.

Эмбер кивнула:

— Поверить не могу, что такое случилось с моей подругой.

— Можно мне фотку в Инсту выложить? — спросила Брэнди, которой наконец хватило смелости подойти поближе.

Когда она подняла телефон, чтобы сфоткать, как копы уводят Тею, я мягко опустила ее руку.

— А что тут такого? — пристыженно пробормотала Брэнди. — Все так делают.

— Я не делаю, — явно расстроилась Эмбер.

Ее подруге хватило ума смутиться:

— Прости, Эм. Я понимаю, все это очень серьезно, и... ну... я просто сглупила.

— Брэнди, — встряла я, — из чистого любопытства: ты знаешь, кто разрисовал машину матери Теи?

Ни с того ни с сего она вспылала любопытством к собственной обуви.

— Нет.

— А я чую чувство вины.

— Ну... я видела баллончик с краской в машине Джози. Извините, что ничего не сказала.

Эмбер коснулась руки Брэнди:

— Если это действительно Джози, то я тебя не виню.

— Кто такая Джози? — одновременно спросили мы с Куки.

— Самая жестокая девочка в школе.

Любопытненько.

— У нее что-то типа целой банды, — добавила Эмбер.

— Кто эти девочки? — тут же спросила Кук. — Мне нужны полные имена и контактная информация.

— Они просто школьницы, мам. Местные хулиганки. Но нас они обычно не трогают.

— Потому что мы им повода не даем, — кивнула Брэнди.

— Что ж, может быть, кому-то нужно поговорить с...

— Тут мне придется тебя притормозить, — перебила я Куки и подняла руку. — С этим надо разбираться осторожно. Если эти девочки решат, что Эмбер с Брэнди наклеузначили на них директору, все может стать еще хуже. Они могут принять, так сказать, ответные меры.

В дяде Бобе вспыхнул гнев, и он крепче обнял своих девчонок. Чувствовать себя беспомощным, конечно, хреново, но в сложившейся ситуации он ничего сделать не может. Любые действия могут только навредить Эмбер. То бишь его дочери.

Словно из ниоткуда прибежала мама Брэнди.

— Все закончилось? — спросила она и, не успевшая хоть что-то ответить, принялась читать лекцию, причем обращалась почему-то к Эмбер: — Видите, до чего вы докатились? Флиртуете с мальчишками, носите веревочки вместо блузок да короткие юбчонки и думаете, что не будет никаких последствий! Вам некого винить, кроме самих себя!

Весь спич она притворялась, будто отчитывает обеих девочек, но смотрела только на Эмбер.

— Прошу прощения, — сурово процедила Куки.

— Мам, — вставила Брэнди, — это даже не мальчик был.

— Ты лесбиянка?! — обалдев, спросила мамаша у Эмбер.

Ну все, с меня хватит. Я в прямом смысле слова зарычала на женщину, а долю секунды

спустя Ош спас меня от того, что могло покрыть меня позором на веки вечные. Еще чуть-чуть, и я бы сорвалась с нарезки. Так что очень вовремя Ош толкнул свой скейт под ноги матери Брэнди.

Женщина развернулась и смерила его яростным взглядом.

— Пардон, — как ни в чем не бывало бросил Ош, явно забавляясь на всю катушку, потом наступил на скейт и поймал его одной рукой.

Ну просто магия какая-то!

— Это официальная засада, Ош. Тебе не должно быть весело.

Он рассмеялся и кивнул Куки и Дибби.

— Этот... мальчик с вами?! — пискнула мамаша.

— Мам, пойдем домой, — пробормотала Брэнди, сгорая от стыда, если судить по ее виду.

«Этот... мальчик» определенно ей нравился.

Ош встал рядом с Эмбер и опустил голову, чтобы заглянуть ей в глаза:

— Порядок, детеныш?

Она кивнула и застенчиво улыбнулась, а Ош игриво ущипнул ее за подбородок. Эмбер помахала на прощание подруге, которую мать всюю волочила за собой на улицу.

— Наконец-то, — сказал Ош, подкравшись ко мне. — Думал, нас никогда не оставят одних.

— Да что такое, елки-палки, происходит со сверхъестественными подростками?!

Выдав мне волчью ухмылочку, Ош тихонько шепнул:

— С ней все путем.

Пип! С Пип все в порядке! От облегчения я чуть в обморок не упала, а даэва запрыгнул на скейт и куда-то умчался. Наверное, потому, что его заметила охрана торгового центра.

Глядя, как он лавирует в толпе покупателей, я постучала пальцем по плечу Дибби.

— Ты разобрался с проблемой магазинной кражи?

— Сейчас этим займусь, — усмехнулся дядя Боб.

Он все еще обнимал Эмбер за плечи, поэтому мне досталась талия.

— Мне очень жаль, солнце.

— Люди бывают идиотами.

— Это точно, — вставил Ош, который как раз сейчас проехал мимо нас.

Его точно, блин, арестуют.

И все же задумка его удалась — Эмбер рассмеялась. Со слезами на глазах, но все-таки рассмеялась.

Лично мне сойдет и так.

Жизнь — это тебе не сказка.

Потеряла в полночь туфельку — значит, нажралась в хлам.

Мем

В третьем часу мы все еще торчали в торговом центре. По словам Оша, какое-то время Рейес будет присматривать за Пип, но издалека. У нас появились собственные правила, и наши визиты были очень похожи на то, что происходило сегодня — на организованную засаду. Мы могли ошиваться где-то поблизости, но уходили раньше, чем кто-то из сверхъестественных существ, которые не работали на нас, замечал наше присутствие.

Когда дядя Боб повез Эмбер и Куки домой, я поняла, что умираю от голода, и осмотрелась по сторонам в поисках того, что мог предложить «Коронадо». Еда из фуд-корта, значит. Что ж, едали и похуже.

Получив на руки нечто, что казалось слегка менее питательным, чем зефир с зефирным кремом, я уселась за столик поесть, как вдруг рядом оказался Дибби.

— Я думала, ты повез своих домой.

— Собирался, а потом вспомнил, что мы приехали на разных машинах.

— Хочешь попробовать? — предложила я, подвигая к нему поближе деликатес.

— А что это?

— Понятия не имею. На вид вроде ничего.

— Хм-м. — Откусив кусочек, дядя Боб спросил напрямую: — Как у тебя дела?

— Честно? — слегка резковато отозвалась я.

Дибби опустил голову.

— Само собой.

— Я в восторге, дядя Боб.

Он снова взглянул на меня:

— В восторге?

— От тебя. И от того, что ты ради меня сделал. Никогда в жизни не смогу тебя как следует отблагодарить.

— За что? — Недоумение в голосе Дибби было таким очевидным, что стало почти смешно. — Чарли, ты особенная. То есть я, конечно, это знал. И знаю, что ты знаешь, что я это знал, но... ты и правда особенная.

— Ты тоже.

— Нет, ничего подобного. И вообще, откуда ты взялась?

— Ну, как-то ночью мама и папа решили поиграть в больничку...

— Я не об этом, — процедил дядя Боб, но лишь притворился, будто я его бешу. — Как ты оказалась именно у нас? Почему именно у нас, когда на планете столько людей?

— Наверное, просто повезло.

— Это точно. — Откусив еще кусок, он глянул на мой живот. — С тобой точно все в порядке?

Я подалась к нему и, чтобы ему стало максимально неловко, чмокнула в щеку.

— Все отлично.

Естественно, я нервничала из-за Эйдолона, но Пип ничего не угрожало, преследователя Эмбер мы вывели на чистую воду, а из моего живота больше не торчал нож. Кстати, было больше, чем я ожидала.

— Я рад, — отозвался Дибби. — Доедать будешь?

Я подтащила еду обратно к себе:

— Буду. Купи себе свою порцию.

Уже показывая, где я разжилась загадочным заказом, я услышала, как звонит мой сотовый. Даже будь экран целым, я бы не узнала номер, поэтому не стала отвечать на звонок словами «Дом горячих огурчиков Чарли», а предпочла обычное «Алло!». И это было так скучно, что я чуть не уснула.

— Чарли Дэвидсон?

Вот черт! Неужели я опять забыла оплатить какой-то счет? Ну не дается мне искусство оплаты счетов, елки-палки.

— Сейчас ты поедешь к супермаркету «Гигант» на углу Четвертой и Виньярд.

— Серьезно?

Говоривший явно мог похвастать ясновидением, потому что я понятия не имела, что собираюсь ехать в «Гигант» на перекрестке Четвертой и Виньярд. Во-первых, это странно, а во-вторых, ни разу не по пути.

— Серьезно, если хочешь снова увидеть живым своего клиента — Шона Фостера. Приезжай одна. Позвонишь копам — ему конец.

Звонивший повесил трубку. Секунд тридцать я пялилась в телефон, а потом набрала номер Шона. Спустя несколько гудков включилась голосовая почта.

— Шон, если получишь это сообщение, перезвони мне, пожалуйста.

Раз мне сказали, что Шона похитили, это далеко не значит, что не соврали. Согласна, большинство людей не станет говорить подобное впустую, но откуда мне знать, что это не очередной привет от Эйдолона?

Выдергивать Рейеса с текущей миссии я точно не собиралась. Пип — важнее всего, а Шон мой клиент, а не Рейеса. Значит, моя ответственность, а не его.

Положив телефон на стол, я напялила отрепетированное выражение лица, попутно поражаясь иронии судьбы: от меня требуют не обращаться к копам, когда я как раз обедаю с одним из них. Каковы шансы на такое совпадение?

Дядя Боб сел за стол с собственной порцией загадочной пищи.

— Кто звонил?

Полностью сбрасывать со счетов ни о чем не подозревающего Дибби не хотелось. Его помощь может пригодиться, если все полетит в тартарары, что, к сожалению, бывает довольно часто.

Поэтому я решила дать ему подсказку. Вдруг я помру (Рейес клянется, что это невозможно, но как-то до сих пор не верится), дядя Боб будет знать, где искать мое тело, пока оно не разложилось на удобрения.

— Моя парикмахерша, миссис Фостер. Куки ее знает.

Жуя, Дибби свел брови.

— Ты зовешь парикмахершу миссис Фостер?

— Ну да. В общем, мне надо к ней. Забыла, что записалась.

Он кивнул и опять набил рот. Бедняга.

— Хотела сказать тебе спасибо, дядя Боб.

Дибби проглотил прожеванное и с любопытством уставился на меня. Он чудесный человек. Даже с усищами родом из семидесятых.

— За то, что ты такой, какой есть.

Обняв его напоследок, я оставила поднос на столе и поспешила к выходу, молясь о том, что снова увижу и дядю, и его усищи.

***

Запрыгнув в Развалюху, я помчалась туда, куда велели похитители Шона, причем прекрасно знала, что сама во всем виновата. Копаясь в деле Фостеров, я перевернула не тот камень, потянула за нерв. Чего я не знала — так это за чей конкретно нерв потянула.

А еще не знала, как, черт возьми, похитители пронюхали, что я работаю с Шоном Фостером. Надо подумать...

Итак, кому я перебежала дорожку? Ясное дело, Фостерам. Уж им-то есть что терять. Но ведь Шон их сын. Ладно. Кто еще мог на меня разозлиться? Может быть, кто-то, связанный с делом Вероники Айзом, липовым агентством или даже с похищением Дон Брукс, которуя мы все еще ищем.

Все варианты возвращали к Фостерам, и я на сто процентов убедилась, что они работали не одни. Кто-то им помогал. Например, последователи, которые ради них были готовы на что угодно. Но неужели в список чего угодно входило даже похищение их сына?

Я думала позвонить Фостерам, но что мне сказать? Как бы то ни было, даже сейчас я не могу им признаться, что Шон сам ко мне пришел.

Кратчайшим путем я доехала до «Гиганта» и припарковала Развалюху на стоянке. Сначала встречусь с тем, кто мне звонил, а потом попрошу Дибби отследить телефон Шона.

И тридцати секунд не прошло, как опять затрещонил сотовый.

— Оставь телефон и иди к заброшенной автомойке сразу за кафе «У Диона».

— Сначала дайте...

Потребовать услышать голос Шона я не успела, потому что звонивший бросил трубку.

Стиснув зубы, я подумала засунуть сотовый в ботинок, но решила, что не стоит. Оставила телефон вместе с сумкой на полу под рулем, закрыла Развалюху и направилась туда, куда было велено.

Я перешла дорогу, обогнула кафешку «У Диона» и неизбежно, как приходят смерть и налоги, узрела заброшенную автомойку. Выглядела она весьма скромненько. Наверное, в свое время это был семейный бизнес. Разве может тут быть очень уж страшно? Впрочем, Мэнсон²⁹ тоже когда-то основал семью.

Войдя в одно из помещений, где из трещин в бетоне росла высокая трава, я покрутилась вокруг своей оси и никого не увидела, зато услышала мужской голос:

— Сюда.

Пришлось развернуться и пойти к дальней стене здания, за которой забор из рабицы так порос травой и плющом, что из кафе по соседству даже при всем желании ничего не увидеть. А это вряд ли хороший знак.

Меня кивком подозвал ближе какой-то мужчина. На вид чистый, в штанах камуфляжной расцветки и голубой рубашке, он смахивал на похитителя не больше, чем мой бухгалтер.

И вдруг до меня дошло. Ну конечно! Иногда я торможу не по-детски.

Чувак стоял рядом с темно-синим седаном с открытым багажником. Когда я подошла ближе, парень положил руку мне на спину и велел разуться, а когда я послушалась, заявил:

— Полезай.

— Слушай, ты ничего плохого пока не сделал.

Для похитителя он был слишком молод. Тридцать с копейками. Гладко выбрит, с хорошей стрижкой.

Все это было уловкой, чтобы я приехала, не подняв шума. Не было у них никакого Шона. За всем стояли Фостеры, которые использовали сына, чтобы добраться до меня.

— Чего Фостерам от меня надо?

Пока что парень сглупил дважды: вступил в секту психов и подобрал к своим камуфляжным штанам ремень из бечевки. Если на досуге он не подрабатывает матросом, то ремень ну вообще не к месту. Впрочем, я была готова простить ему такую оплошность, пока он не решил выбить из меня все годами накопленное дерьмо.

Он ударил наотмашь тыльной стороной ладони. Голова дернулась в сторону и стукнулась о крышку багажника, подарив мне вспышку острой боли.

— Полезай.

Чтобы выразить собственное мнение о происходящем, я смирила чувака злым взглядом с ног до головы, но он и ухом не повел. Пришлось поднять ногу и залезть в багажник, но я продолжала надеяться на лучшее. В конце концов, эти похитители из помешанных на Боге, а значит, вряд ли зайдут слишком далеко, правда?

Видимо, я спугнула Фостеров, и им как-то удалось сложить два и два. То есть они оказались сообразительнее, чем я думала. Сама виновата. Могла ведь догадаться, блин. Им сошли с рук похищения детей и убийство тридцатилетней давности. Можно было хотя бы заподозрить, что они не совсем тупые.

Забравшись в багажник, я ждала, что крышка вот-вот закроется, а вместо этого меня пронзило током. Чувак саданул меня шокером! Волны тока одна за другой проходили сквозь мышцы и кости. Тело окаменело, голова запрокинулась, и я перестала контролировать собственные движения.

Когда шокер вырубил, я проорала несколько цветистых ругательств, как будто страдала синдромом Туретта, и полностью обмякла. Даже голову не могла приподнять. Поэтому ничегошеньки не смогла поделаться, когда в сгиб локтя вошла игла. Оставалось разве что кипеть от злости.

А у парня серьезные проблемы с головой. Я так и видела многообещающую карьеру серийного убийцы. Если, конечно, он проживет достаточно долго, потому что мне вдруг резко захотелось кого-нибудь прибить.

Все еще подергиваясь от электрошоковой терапии, я размышляла о том, что скорее всего откусила больше, чем смогу прожевать. Дядя Боб мне такого никогда не простит. Рейес точно убьет. А Куки... Ну, Куки будет единственной, кто станет меня оплакивать.

Похититель закрыл багажник, и меня обступила крошечная тьма. Дрянь, которую мне вкололи, почему-то не вырубил меня полностью. Помню, как машина влетала то в одну яму, то в другую. Видимо, чувак специально по ним ехал.

Я даже думала вызвать Ангела. Правда, думала секунды три, а потом потеряла сознание.

***

Мы проехали по очередной выбоине. Наверное, от тряски я и очнулась. Поморгала и попыталась прийти в себя, но все без толку. В основном потому, что я ни черта не видела.

Плечо и бедро затекли от жесткой поверхности, на которой я валялась. Ямки и бугорки

на дороге лишь усугубляли ситуацию. Машина резко свернула, и через несколько секунд скорость снизилась. Снаружи слышались голоса, багажник открылся, и меня стали вытаскивать две пары рук.

Поначалу я решила, что мы в каком-то подземном гараже. Было темно и холодно. А потом поняла, что наступила ночь.

Я тряхнула головой. Сколько же я проторчала в багажнике? Если судить по засохшей на щеке слюне, то немало. А еще страшно хотелось по маленькому.

Меня затащили в какое-то здание вроде склада или сарая. То тут, то там на грязном полу стояли фонари. Я знала, что пол грязный, потому что пыталась идти, но ничего не вышло. В итоге ноги волочились по полу, поднимая клубы пыли.

Меня бросили, и я упала на колени и ладони. Ну и на лицо. Приподнявшись, я попыталась осмотреться по сторонам, но видела одни только ноги. Несколько пар ног. А потом заметила кого-то высокого и приподняла голову, однако все силы уходили на то, чтобы опять не впечататься лицом в пол.

В конце концов мне удалось сесть на собственные пятки, и я стала присматриваться к очень высокому парню. Оказалось, он не был настолько уж высоким. Просто он висел. И это был Шон Фостер. Его привязали за запястья, руки подняли над головой, в рот засунули кляп. Лицо и тело были покрыты кровью и синяками. Его действительно похитили. Значит, за этим стояли не Фостеры. Но тогда кто?

Появилась женщина в кроссовках, джинсах и рубашке на пуговицах. Чем выше я поднимала взгляд, тем сильнее кружилась голова. Комната вращалась, будто сама по себе. Чем бы меня ни накачали, штука была мощная.

— Ты просто некто, — проговорила женщина с искренней улыбкой и присела передо мной на корточки.

Миссис Фостер. Это была она. И вид у нее был довольный, как у питона на кроличьей ферме.

— Никогда не видел похожих на нее, — заметил какой-то мужчина. Скорее всего мистер Фостер.

Если верить моей ноге, вокруг нас стояло человек пятнадцать. В основном взрослые мужчины, парочка женщин и один или даже два подростка. Неужели они смотрели, как их родители избивают сына Фостеров? Вряд ли это хорошо отразится на их душевном здоровье.

Миссис Фостер наклонилась и взяла меня за подбородок.

— Что ты такое?

— Выжатый лимон. Чем вы меня накачали?

Она изобразила такую самодовольную улыбку, что от желания отвесить ей пощечину зачесалась ладонь. Впрочем, насилие — это не решение проблем.

Я тоже улыбнулась. Надоели мне эти Фостеры и их особый вид шизы.

— Скоро вы умрете.

Послышался звонкий удар, и миссис Фостер исчезла из вида, потому что моя голова резко развернулась куда-то далеко-далеко. Видимо, про насилие и решение проблем эта женщина никогда не слышала. Мир накренился, и пришлось изо всех сил постараться не упасть.

— Думаешь, мы не знаем, как обращаться с такими, как ты? Мы этим годами занимаемся, дорогуша. Десятилетиями. Для того нас сюда и прислали. Изничтожать труды дьявола, стирать с лица Земли все богомерзкое, очищать мир от таких, как ты.

— Тогда трудиться вам недолго. Я такая одна.

— Это правда? — спросил мистер Фостер.

Теперь-то я его точно узнала. Короткие каштановые волосы не были так аккуратно причесаны, как в закусочной, челюсти покрывала нещучная щетина, но он оставался все тем же козлом, помешанным на инцесте.

— Что ж, — добавил он, — тогда это будет легко.

— Почему... почему вы избили собственного сына?

Мистер Фостер присел рядом.

— Ты прекрасно знаешь, что он нам не сын. Это был лишь вопрос времени.

— Мы пытались поступить правильно, — вставила миссис Фостер.

А как только она это сказала, «божественные» последователи зааплодировали и стали выкрикивать «Аллилуйя!» и «Славьтесь! Славьтесь!».

— Мы приняли его, — продолжала миссис Фостер, — растили, лелеяли и заботились о нем. В детстве он был полон света, но даже свет можно очернить, что тебе, конечно же, хорошо известно. — Она встала и подошла к Шону. — Даже самый яркий свет может угаснуть. Он пошел к тебе. К тебе! К испорченной, развращенной душе. И все ради того чтобы копаться в нашем прошлом. В прошлом божественных людей. Он знал, какие могут быть последствия.

В этом я почему-то сомневалась.

— К моему расследованию он никакого отношения не имеет.

Она развернулась и уставилась на меня испепеляющим взглядом.

— Он обратился к тебе и твоему созданному из зла мужу!

Они и о Рейесе знают?

— Чувиха, да все вы тут в сто раз злее того, кто переломает вам шеи, как хворостиночки.

Кажется, не все слова я проговорила четко, ну и черт с ним.

Среди собравшихся пронеслась волна ропота, но все быстро стихли.

— Я вас умоляю, миссис Фэрроу! — насмешливо фыркнул мистер Фостер. — Или ты все еще Дэвидсон, как и многие нечестивцы в этом мире? — В упор не вижу тут связи, зато Фостер соизволил объяснить: — Заранее планируешь измену и развод.

— Ну, если так на это посмотреть... — Долбаные психи, блин. — В свою защиту скажу, что миссис Фостер тоже оставила себе девичью фамилию. — Я тоже фыркнула и тут же, само собой, получила очередную пощечину. — Боже ты мой! Теперь-то что?

— Судьба Шона определилась в тот самый момент, когда он пошел к тебе, — продолжал извращенец.

Его жена вернулась к нам, а я все пыталась получше рассмотреть Шона. Жив ли он? Трудно сказать. Я закрыла глаза и стала призывать Рейеса, Ангела, Оша... Хоть кого-нибудь. Однако наркотики меня «заблокировали». Что ж, такое уже случалось.

— Его необходимо предать земле, — сказала миссис Фостер. — Он должен осознать свои ошибки, и тогда ему снова позволят расти.

— Вы собираетесь его пересадить?

— И тебя тоже.

— Тогда можно мне стать азалией?

— Однако из тьмы, братья и сестры, — вдруг стал вещать глубоким голосом мистер Фостер, — да изойдет свет.

Народ закричал и зааплодировал. Некоторые даже с поднятыми руками попадали на

колени.

Поймите меня правильно — я не против религии. Я вообще за все то, что помогает людям просыпаться по утрам. Тем более что высшая сила, которую христиане называют Богом Иеговой, действительно существует. Проблемы с религией у меня возникают тогда, когда этой самой религией начинают оправдывать издевательства и убийства.

Миссис Фостер тоже подняла руки.

— Наконец мы получили ответ, о котором молились денно и нощно. — Тут она мне улыбнулась. — Когда Шон пошел к тебе — слабой распущенной потаскухе...

— Потаскухе?

— ... мы поняли, что должны сделать.

— По-моему, потаскуха — это как-то чересчур.

— Видишь ли, ты не просто грязная душа. Ты — его грязная душа. Его любовница. А он — сама Тьма. Демон из ада.

— Назвали бы уже ветреной, что ли.

Она опять присела на корточки.

— Мы никогда не охотились на тебя.

— На худой конец, неразборчивой в связях...

— Мы охотились на богомерзкое отродье, — раздуваясь от гордости за самого себя, добавил мистер Фостер. — Мы следили за ним с тех пор, как он вышел из тюрьмы. Просто не могли к нему подобраться. До сегодняшнего дня.

Когда до меня дошел смысл сказанного, я внимательно посмотрела на пару извращенцев-психопатов. Если они рассчитывают заманить Рейеса сюда так же, как заманили меня, то сильно ошибаются. То есть он, конечно, придет, но желанием сотрудничать точно гореть не будет.

А вот я за сотрудничество всеми конечностями. Я и в школе давала списывать направо и налево.

— Честно говоря, — сказала миссис Фостер, — не приди ты к нам сама, мы бы, наверное, и не узнали о твоей связи с Тьмой.

Я все пыталась рассмотреть, жив ли Шон, поэтому упала. Земля все еще кружилась. Слава богу, мне не связали руки, иначе уже ела бы грязь.

— Тогда мы подумали, что ты сама за нами следишь, — продолжал за женой мистер Фостер, — но, судя по всему, ошибались. Тебя подговорил Шон, ибо стал слаб.

— Я не поэтому к вам пришла.

— Неужели?

— Ужели. Я собиралась стать лидером секты фанатиков и хотела попросить парочку советов.

От стен эхом отскочил звук очередного удара. Моя голова дернулась, и я успела рассмотреть волнение на лицах собравшихся. Похоже, мне не стоит поднимать темы, которые не по нраву одному или другому Фостеру. Кажется, на этом и основываются секты.

Миссис Фостер схватилась за волосы. К сожалению, за мои.

— Как нам отослать его обратно?

— Надо было подумать об этом до того, как вы его похитили и отдали чудовищу.

Вот никогда люди не думают наперед!

Наклонившись ко мне нос к носу, миссис Фостер так добродушно улыбнулась, что у меня волосы встали дыбом.

— Разумеется, мы отдали его чудовищу. Он — зло, и растить его должно было такое же зло, как и он сам.

В этот момент я отчетливо поняла, что смотрю в глаза истинного зла, которое прячется за маской праведности. Не впервые я это видела и вряд ли в последний раз, но до сих пор поражаюсь до глубины души тому, что люди могут творить с маленькими детьми.

Внезапно я вспомнила о девочке, которую убили, и чье убийство двадцать пять лет спустя повесили на ее мать, и сама удивилась тому, что собиралась сказать. Однако любопытство взяло верх.

— Зачем вы отдали его Эрлу Уокеру? Почему не поступили с ним так же, как поступили с Лианой? Почему просто не убили его?

Уж не знаю почему, но миссис Фостер удивилась, что я сложила два и два. Мать Лианы, Вероника Айзом, рассказывала о липовом агентстве по усыновлению всем, кому могла. Однако в прошлом она была проституткой и наркоманкой, и ей никто не верил. Очевидно, Фостеры прекрасно это знали.

На этот раз улыбка миссис Фостер была полна печали, будто этой женщине было жаль, что я ничего не понимаю.

— Ох, дорогуша, мы пытались его убить много раз. Но он никак не умирал.

Эти слова ударили меня сильнее любой пощечины. Из легких исчез весь воздух, и в ушах зазвенела, заревела тишина. Женщина сказала что-то еще, но сквозь шок я ничего не слышала.

Они пытались его убить, когда он был младенцем. А я-то думала, что это Уокер творил с ним непостижимые ужасы. Что же ему довелось пережить в руках Фостеров? Что они с ним делали? Как пытались убить? И что с ним было, когда у них ничего не получалось?

Под натиском мыслей и чувств я согнулась пополам. Истинное зло. Я была окружена злом, а Рейес думал, что это он — злой. Да у него нет ничего общего с Фостерами!

— Баланс был нарушен, — сказал мистер Фостер, но уже не мне. Он опять впал в режим проповедника и всюду размахивал Библией. — Это мы видим во всех новостях. Близится конец света, и мы должны, обязаны убивать. Избавлять мир от зла, чтобы он мог исцелиться, вновь стать сильным, кормить нас и поддерживать. Это — наш священный долг!

В ответ на свой спич он получил кучу «Аминь!».

Отпустив мои волосы, миссис Фостер, тем не менее, осталась рядом и заговорила со мной, пока ее братомуж плевался ханжеским бредом:

— Мы были удивлены, что он выжил в руках того человека. Думали, он убьет Тьму, пока тот еще молод.

О да, уверена, Уокер пытался.

Сектанты молились и славили Бога, восторженно трясли руками и просили Егса благословить жертвенную кровь, которой все они очистят мир от скверны. Видимо, о Новом Завете они не слышали. Жертвы — это, по-моему, как-то по старинке, но, как говорится, чем бы дитя ни тешилось...

И все равно не понимаю, почему Иегова спокойно смотрит, как в его честь совершаются убийства.

Я попробовала замедлить время, чтобы подойти (или приковылять) к Шону и узнать, как он, но ничего не получилось. Попыталась опять призвать Ангела, Оша, Артемиду — без толку. Чем, черт возьми, меня наштиговали?!

Скоро Рейес поймет, что что-то не так. Нужно только выиграть немного времени. Но

ведь я отправила его к Пип, а значит, он будет за ней приглядывать. От одной только мысли на меня снизошло умиротворение. Такие люди, как эти, и близко не подойдут к нашей дочери.

К тому же, я дала Диби подсказку. Может быть, он все поймет и примчится выбивать двери. Впрочем, узнать, где я, почти невозможно, если ему не окажут сверхъестественную помощь.

— Ладно, — сказала я и выпрямилась, — я скажу вам, как его убить.

Толпа тут же притихла.

— Во-первых, все, кто здесь находится, должны принести себя в жертву на алтаре.

Мистер Фостер схватил меня за волосы и подтащил ближе к Шону. Наконец-то.

— Думаешь, мы не поступим с тобой так же только потому, что ты женщина?

— Шон, — начала я, — копы знают о каждом моем шаге. Им это с рук не сойдет.

Фостер схватил свою Библию и потряс ею у меня перед носом. Видимо, для проформы.

— Ты ничего о нас не знаешь, распутница.

Да уж, им явно не нравится выражение «неразборчивый в связях». Что ж, с неразборчивыми так бывает.

Я фыркнула:

— Вы правы. Я ничего не знаю о том, как заниматься сексом с родственником.

Когда на лицах этой парочки отразилось неподдельное изумление, я поняла, каково это — выиграть золотую медаль на Олимпийских играх. Ну или победить в соревновании на поедание хот-догов. Один черт. И у меня в рукаве было припасено кое-что еще.

— Откуда...

— ... я узнала, что вы состоите в кровосмесительных отношениях с собственной сестрой? — Оставалось лишь надеяться, что мистер Фостер понимает, о чем я говорю. Слова получались еще неразборчивее, чем казался глазам окружающий мир.

— Наш союз преопределил сам Господь.

— Ну, если это помогает вам спокойно спать...

Договорить я не успела, потому что внезапно Шон застонал. Я попробовал встать, чтобы подойти к нему, но какой-то тупой предмет, встретившийся с моим затылком, убедил меня померить пыл.

Так я и сделала и какое-то время провалялась на полу, собираясь с мыслями и прикидывая, где можно провести отпуск. Причем места выбирала в соответствии с тем, где хотела бы оказаться прямо сейчас.

— Как нам убить Тьму?

— Никак.

Из миссис Фостер потоком текла ярость, а потом выражение ее лица изменилось — превратилось в маску абсолютной жестокости.

— Приведите его.

Его? Кого — его?

Пока я лежала, мечтая спрыгнуть с карусели, двое мужчин приволокли третьего. Третий был связан, да еще и с кляпом во рту. Его бросили в паре шагов от меня, и в глазах потемнело. Голова закружилась еще сильнее. Все это не по-настоящему... Такого не может быть!

Это был Рейес. Без сознания. Весь в крови и ушибах. Из моих глаз потекли слезы. Передо мной ожила фотография, которую я увидела год назад, и которую сделал монстр,

вырастивший Рейеса.

Как будто он снова стал ребенком. Связанный веревками, с кляпом во рту. Волосы спутались, лицо опухло и покрылось кровавыми гематомами.

А я лежала на грязном полу и была не в силах ни пошевелиться, ни хоть что-то сказать.

Мы с Рейесом боги. Как такое могло с нами произойти? Как такое могло произойти с ним?! Не могли они так запросто до него добраться. Это же все-таки Рейес! Не могли, и точка. Разве что... его тоже угостили шокером и дозой наркотиков. Со мной ведь сработало.

Внутри стала расти чистая ярость, и я стиснула зубы.

Приходя в себя, Рейес застонал, и я услышала, как заскрипели натянувшиеся веревки. Неужели даже сейчас он пытается освободиться? Мне хотелось хорошенько его рассмотреть, но внезапно мы словно оказались в сушилке огромным размером. Меня переворачивало и мотало из стороны в сторону. Наверное, с последним ударом в голове что-то оторвалось. Я умоляла таймер сушилки выключиться, потому что ощущения, честно говоря, были дерьмовыми.

— Заткните его, — велел мистер Фостер.

Перед глазами появились чьи-то ноги, и я совсем потеряла Рейеса из виду. А потом услышала громкий звук, но никакой боли не почувствовала. Потому что ударили Рейеса. Я что-то крикнула, и, само собой, мой череп снова встретился с чем-то тяжелым и тупым, но на этот раз мне удалось сосредоточиться на муже.

Я видела его сквозь кучу ног. Когда меня ударили, он снова попытался разорвать веревки и за это получил еще один пинок.

— Рейес, прекрати, — выдавила я.

— Переместись, — отозвался он еле слышно.

— Отрежьте выродку язык, — приказала миссис Фостер.

Двое схватили Рейеса за голову и попытались насильно открыть ему рот. Я бросилась вперед, но проползла несчастных пару сантиметров. Рейес стиснул зубы, а какой-то жирный мужик (почему-то в таких ситуациях всегда найдется хоть один жиртрест) принялся его бить. Огромные кулаки снова и снова осыпали жестокими ударами лицо Рейеса.

У меня в животе что-то шевельнулось.

Сердце расколосось.

В голове взорвалась невероятная боль, затопив каждую клетку моего организма.

Мистер Фостер поднял руку, и жиртрест остановился.

А потом я услышала голос Рейеса — мягкий, еле-еле слышный, но так ясно, словно он шептал мне прямо в ухо:

— Ты должна знать.

Я взглянула на него, но он опять потерял сознание. Один из сектантов открыл ему рот, а второй уже подошел ближе с ножом, как вдруг мистер Фостер проговорил:

— Нет! Я хочу, чтобы он в этот момент был в сознании. — Потом повернулся ко мне, загородив собой моего мужа. — Как его убить? Отвечай, или его страдания продолжатся.

И снова послышались те же слова:

— Ты должна знать.

Сквозь злобных фанатиков я пыталась рассмотреть Рейеса, но, чем сильнее старалась, тем гуще становился воздух. Со временем что-то произошло. Люди вокруг стали двигаться быстрее, потом с нормальной скоростью и наконец замедлились. Наверняка это дело рук Рейеса.

— Уходи, — сказала я ему. — Выбирайся отсюда.

Он остановил время и посмотрел на меня лукаво блестящими глазами.

— Я бы так и сделал, но сюда уже едет полиция, и будет лучше, если копы увидят заложников связанными и избитыми.

Накатило облегчение. Да так сильно, что меня чуть не вывернуло наизнанку. По-моему, странная реакция на восторг, тем более что на девяносто процентов я все еще была в ужасе.

— То есть ты просто взял и позволил этим людям тебя избить?

— Прости, Датч. Я не знал, что они и до тебя доберутся.

— Ничего страшного. Погоди-ка! А тебя им как удалось поймать?

— Шокер. Потом наркотики.

— Меня так же скрутили. — Я все еще не могла удерживать равновесие и по-прежнему заваливалась вперед. — От шокера чертовски больно.

— Больнее смотреть, как тебя бьют.

Футболка на Рейесе висела лохмотьями.

— Минуточку. — Ну уж нет. Не куплюсь я так запросто на слова моего мужа, сына Сатаны и лучшего в мире лжеца в одном лице. — Говоришь, тебя шокером угостили? Вот так ни с того ни с сего? Кто-то откуда-то вылез и изловчился напасть на тебя?

— Ну, может быть, я им позволил, но все равно было больно.

— Seriously, Рейес, они хотят тебя убить.

— Почему ты не призвала меня, когда они на тебя вышли? Я бы почувствовал.

— И что? Оставил бы свой пост? Сам знаешь, Пип на первом месте. Кстати...

— С ней сейчас Ош.

С облегчением вздохнув, я кивнула на Шоно:

— Как он?

Рейес посмотрел на него, потом снова повернулся ко мне.

— Жить будет.

— Слава богу! Но почему, Рейес? Почему ты позволил этим гадам так над тобой поиздеваться?

Он отвел взгляд.

— Ты была права. Они должны сидеть за решеткой. Я и не представлял, сколько преступлений они совершили, Датч. Если бы знал, то не дал бы им прожить так долго. — Когда он снова посмотрел на меня, в его глазах плескалась смесь восхищения и чувства вины. — Извини, что я бываю таким упрямым.

— Все в порядке. Я тоже временами не подарок. Кстати, ты не видел тут девочку лет трех?

Рейес кивнул, я посмотрела туда, куда он показал, и увидела пожилую женщину, в руках которой была красивая маленькая девочка. Дон Брукс. Только Дон и женщина не смотрели на происходящее с благоговением. На самом деле женщина казалась нервной и испуганной. Она точно переживала. За нас. И во мне вспыхнуло странное чувство благодарности.

— Рейес, она красавица...

— Согласен.

— Слушай! Надо Ангела вызвать.

— Я все время тут торчал, босс.

Пытаясь повернуться на голос Ангела, я приподнялась на локтях.

— Во-первых, я хочу знать, почему меня сразу не пригласили на эту вечеринку. А во-

вторых, почему ты не пришел ко мне, как только они схватили Рейеса?

— У адского бога спроси. Он обещал мне кадык вырвать.

— Это ужасно грубо, Рейес.

Избитое лицо озарилось лукавой, как сам черт, улыбкой.

— Твой дядя уже на подходе, но такие дела ничем хорошим не заканчиваются.

Сектанты забаррикадируются и смогут просидеть в осаде несколько дней.

— Как-то не хочется мне несколько дней служить боксерской грушей.

— Мне тоже.

— Нужно вытащить отсюда Дон и всех остальных детей. Ставлю последний цент, что некоторых из них тоже похитили.

— Поднимаю ставку и даю серебряный доллар, что некоторые взрослые тут тоже не по своей воле. Скорее всего их похитили детьми и вырастили здесь.

— Согласна на все сто. Надо придумать, как отсюда выбраться.

— По-твоему, я не смог бы выбраться еще несколько часов назад?

Наконец мне удалось сесть и не завалиться набок. Чтобы поддержать меня, Ангел присел рядом.

— Ну и почему тогда ты... — Голос сорвался, и я замолчала.

Но Рейесу и не нужно было дослушивать до конца.

— Все эти люди должны сидеть в тюрьме. А лучший способ организовать это наверняка...

— Сделать так, чтобы тебя нашли копы избитым с ног до головы?

Он кивнул.

— Рейес, они...

Перед глазами так и стоял образ маленького Рейеса, которого снова и снова пытаются убить Фостеры. Такие вещи невозможно забыть. В глазах запекло. Я очень старалась не расплакаться, но слезы, как и почти все, что сегодня со мной произошло, победили и потекли по щекам.

Ко мне прижался Ангел. Обняв его за шею, я уткнулась носом в холодное плечо.

— Датч, — тихим, успокаивающим голосом проговорил Рейес, — со мной все в порядке. Я этого даже не помню. Я не такой, как ты, и не помню всего, что произошло со мной с самого рождения.

Но я уже ничего не могла поделать и всю разрыдалась. Не зная, что и думать, Ангел похлопал меня по голове. И это был самый милый его поступок со времен нашего знакомства. Если бы меня не стукнули по черепу целых два раза, мне, может быть, даже понравилось бы.

Я попыталась подняться, чтобы подойти к тому, кого люблю больше яблок в карамели, но ноги не слушались.

— Все путем, — сказал Рейес, глядя на меня сквозь опухшие веки.

Возникло подозрение, что кривая ухмылочка, игравшая сейчас на его губах, скорее вызвана параличом лицевого нерва, а не извечным шармом, который Рейес носит с собой повсюду, как оружие массового поражения.

— Надо убедиться, — продолжил Рейес, — что осады не будет. Нужно не дать этим людям забаррикадироваться, иначе все это место превратится в огромный неприступный лагерь.

Я шмыгнула и вытерла нос о грязную футболку Ангела.

— Ладно, я слушаю. Секундочку! — Вдруг в голове оформился план. Причем хороший! — У меня есть план.

— Кому-то из нас придется лишиться языка?

— Как ты догадался? В общем, просто подыгрывай.

— Я так пару раз делал, — рассмеялся Ангел. — Это страшно.

— Почему люди постоянно ругают мои планы?

— Копы почти на месте, — сказал мой детектив.

— Дядя Боб с ними?

— Дядя Боб возглавляет кавалерию, босс. И настроение у него ни к черту.

*Я никогда не ошибаюсь дважды.
Скорее раз пять-шесть, чтобы уж наверняка.*

Надпись на футболке

К ногам потихоньку возвращалась чувствительность — дурь, которой меня накачали по самую макушку, начинала выветриваться.

С помощью Ангела я прошла мимо «божественных» сектантов к Шону и проверила, как он. Он был жив. Вернувшись на место, я кивнула:

— Готова.

Рейес тоже кивнул и приготовился отпустить время:

— Три...

— Они не правы на твой счет.

— Об этом позже. — Рейес опять уронил голову на пол. — Два...

— Ты не злой.

— Датч, опять спрашиваешься?

— Неужто ты угрожаешь меня отшлепать? — поддразнила я.

Взгляд мужа стал сердитым.

— Не я, а они. Завязывай с разговорами. Один.

Я быстренько прошептала Ангелу:

— Скажешь, когда приедут копы, — и посмотрела на Рейеса — моего прекрасного, удивительного, поразительного мужа. — Они ошибаются.

— Нет, Датч, — печально отозвался он. — Не ошибаются.

Время резко вернулось, словно его запустили из рогатки, и да — мне опять съездили по физиономии. Хорошо хоть вернулись к пощечинам, а не продолжили с чем-то тяжелым и тупым.

Время пошло оттуда, где замерло. Оставалось только ждать, когда Ангел подаст мне сигнал к действию. Если Рейес может подняться на ноги, то доберется до дверей и откроет их, когда я отвлеку фанатиков и уведу в другую сторону. Правда, я понятия не имела, где тут двери, но машина оставила следы, а значит, идти туда, куда ведут эти следы, мне точно не нужно.

Один из тех, кто держал Рейеса, спросил:

— Слышали?

Как один, сектанты застыли и стали прислушиваться.

— Что? — уточнил мистер Фостер.

Чувак пожал плечами:

— Может, показалось...

— Еще пара километров, — сообщил Ангел.

Когда все отвлеклись, я вскочила на ноги и побежала. Точнее кое-как выпрямилась и изобразила символический танец увядающего и падающего с ветки листика.

Я-то думала, за мной побегут, и я смогу увести всех от главных дверей-ворот, куда в итоге вломятся копы, но не тут-то было. Громкий звук расколол воздух и эхом отдался от

стен. Спину обожгло жгучей болью, словно в меня вонзили сотню раскаленных кочерг. Я споткнулась, упала на колени и растянулась на полу, а в итоге остановилась метрах в шести оттуда, откуда начала забег.

Веревки на Рейесе снова закрипели, но я покачала головой. Он должен довести начатое до конца.

Вот только я не ожидала, что до конца доведем не мы.

Я валялась в грязи, истекая кровью, и видела, как Рейесу в грудь прицелились из обреза.

В полнейшем ужасе я закричала. А вдруг он ошибается? Вдруг он все-таки умрет? Все это не стоило такого риска.

До мозга костей меня пронзило страхом. В животе, легких и горле набатом стучала кровь. С ног до головы во мне пламенем пылала боль, но я думала только о Рейесе.

За секунду до того, как нажали на спусковой крючок, мистер Фостер потребовал тишины. Вдалеке слышались завывания сирен, и сектанты начали действовать.

— Запереть ворота! — крикнул мистер Фостер.

Ангел и Рейес были правы. Хреновые я выдумываю планы. Фанатики ринулись к воротам, и Рейес уже никак не мог их опередить.

Повернувшись к последователю с обрезом, мистер Фостер кивнул, и мужик сделал выстрел в упор. Пуля попала Рейесу в грудь. Он дернулся, закашлялся и замер.

Я зажала рот обеими руками. Не может быть. Не верю... Медленно, но уверенно, из раны сочилась кровь.

— Ты должна знать, — услышала я голос. — Дематериализуйся.

— Я... не могу. — В груди болело, но не от пули. — Во мне отверстий понаделали...

На губах Рейеса возникла улыбка, грешнее которой я в жизни не видела.

— Знаю. И я люблю все твои отверстия.

О да, он точно ходячее зло. Фостеры были правы.

— Давай, Датч.

— Но у меня же дырки в спине!..

— Датч.

— Ладно, блин. Святые хрустяшки!

Только я собралась что-нибудь сделать, как его глаза закрылись. Какое-то мгновение я изучала его лицо. Окровавленное, опухшее, но безмятежное. Как и на той фотографии. Он подчинился судьбе, словно... словно все это заслужил. Это все Фостеры. И Эрл Уокер. Они внушили ему, что его жизнь ничего не стоит. Что он сам — пустое место.

Вся эта правда послужила катализатором, который был мне необходим. Вспыхнула ярость. Сквозь наркотическую пелену я нырнула в себя, нашла точку опоры и усилием воли разделила свои молекулы.

Мир взорвался. В обеих реальностях загремела гроза. Земля задрожала, словно пыталась хоть как-то повлиять на происходящее. Я подчинила ревущие ветра своей воле, закрутила потоки в спирали, превратила их в послушную мне силу.

А потом вдруг все увидела. Сектанты наспех вооружались и бежали к воротам, чтобы запереть их до приезда полиции. Другие уже баррикадировались в главном здании. Спотыкаясь и падая, люди носились туда-сюда, чтобы укрыться от торнадо. От торнадо, созданного мной.

Я сорвала ворота с петель. Вышибла двери главного здания. Забросила людей на деревья и крыши.

Потом вернулась в сарай, осторожно опустила Шона на пол и присела рядом с мужем. Рейес открыл глаза, и в его взгляде читалось что-то очень похожее на восхищение.

Изо всех сил я стукнула его в плечо. Ну ладно, не изо всех сил, но все равно ощутимо.

— Ты не умер!

— Я же бог, — объяснил он, а когда я закатила глаза, добавил: — Тебя слишком легко обвести вокруг пальца.

Я осмотрела себя с ног до головы. Свитеру конец, зато сама я еще жива.

— Я жива! — воскликнула я, победно подняв руки, а потом посмотрела на мужа. — Твоя очередь.

— Еще рано. Все должно выглядеть убедительно.

Я осмотрела и его.

— Все и так выглядит убедительнее некуда. Копы вполне могут удивиться, почему ты все еще дышишь. Пожалуйста, Рейес...

— Все в порядке, Датч, честное слово.

Внезапно до меня дошло, что я наконец-то могу к нему прикоснуться, поэтому я взяла лицо Рейеса в ладони.

— Почему ты позволил им так над тобой поиздеваться?

— Я же говорил...

— А я не верю. — Стиснув зубы, я сердито уставилась ему в глаза. Ну, на секундочку. — Думаю, по какой-то идиотской причине ты хотел, чтобы тебя таким образом наказали. А может, и как-то похуже.

В его улыбке сквозило больше печали, чем веселья.

— Значит, в твой план входило побежать, споткнуться и получить пулю в спину? Или все-таки вызвать свой внутренний торнадо? Так или иначе, я впечатлен.

— Ты помнишь, что они с тобой делали? — спросила я, не обращая внимания на слова Рейеса. — Когда ты был маленьким? — От одной только мысли сердце кровью обливалось. — Умоляю, скажи, что ты не лжешь.

— Разве я тебе когда-нибудь лгал?

В жалкой попытке спрятаться от правды я закрыла глаза. Он все помнит. За последние несколько недель, может быть, сразу после того, как узнал свое божественное имя, Рейес стал как я. А значит, все вспомнил.

Он приподнялся и шепнул мне на ухо:

— Не смей. — Затем его губы оказались у моего другого уха. — Даже не думай.

Тяжело вздохнув, я помогла ему сесть.

— В общем, да, торнадо был планом Б. Если копы поймут, что здесь совершили преступление, им ведь не понадобятся никакие бумажки, верно? Они просто войдут, и все? Ворот уже как бы нет, так что остановить полицию может разве что закон.

— Насколько я знаю, никакие бумажки им не потребуются.

Появился Ангел:

— Приехали.

Я кивнула, запечатлела легкий поцелуй на губах мужа, встала и подошла к зияющей в сарае дыре.

От здания к зданию бегали люди с оружием и припасами в руках. Какой-то чувак с громким шлепком упал с дерева — моя работа. А вдалеке уже сияли мигалки приближающихся машин.

Сектанты разбежались, как тараканы, едва на территорию стали одна за другой въезжать тачки с официальными опознавательными знаками. Мало того, кто-то поднял еще и Национальную гвардию, а эти ребята в игры не играют.

Большинство фанатиков ринулось в главное здание, но там ничего не изменилось. Двери я, конечно, вышибла, однако люди по-прежнему упорно выстраивали баррикады. Да уж, ничем хорошим все это точно не кончится.

На всех парах джипы с логотипами и без заезжали в лагерь и останавливались, поднимая столбы пыли, благодаря которой сектанты успевали спрятаться. Выскакивая наружу, офицеры укрывались за дверями машин и целились из всех пистолетов.

В хвосте кавалерии маячила скорая.

— Вот гадство, — сказала я Ангелу. — Я чересчур свеженькая. На мне ни царапины.

— Зато шмотье на вид хуже не придумаешь, — отозвался он, показал мне большие пальцы и исчез в толпе.

Я бросилась обратно к мужу.

— Рейес...

— Сзади, — тихо предупредил он.

На этот раз меня не приложили по черепу чем-то тяжелым и тупым. Я успела переместиться до того, как получила удар прикладом ружья. Мужик, тот самый жиртрест, чуть не упал, когда приклад рассек пустой воздух.

Я развернулась и, не обращая внимания на то, что чувак явно был сбит с толку, процедила:

— Ну все, ты меня достал.

Жиртрест снова замахнулся, но у него за спиной уже стоял Рейес. Мой муж не дематериализовался, а разорвал веревки, что мог сделать кучу часов назад, подошел сзади и, схватив жирного за затылок и подбородок, резко дернул его голову в сторону.

С громким хрустом сломалась шея. А ведь я предупреждала! Мясистой кучей мужик упал на пол, и в этот самый момент послышался еще один громкий звук, отозвавшийся эхом от стен. За ним еще один, и еще, и еще. Это были выстрелы изнутри главного здания. Однако стреляли не по полицейским, а в самом здании.

— Боже мой, Рейес, они стреляют по своим!

Я сорвалась с места раньше, чем Рейес успел меня остановить, и побежала по лагерю, крикнув Дибби:

— Дядя Боб, они стреляют по своим! Быстрее!

Удивив других офицеров, Дибби выскочил из-за двери джипа и бросился за мной. Следом бежал и Гаррет, которому, видимо, не хотелось ничего пропустить. Я врзалась в книжный шкаф, которым перекрыли вход, но за спиной уже был Рейес. Отодрав от шкафа, он передал меня в руки Дибби со словами:

— Держите ее.

Одним мощным ударом он сломал преграду и нырнул в темноту. Я отчаянно пыталась вырваться из рук дяди Боба, как вдруг послышались еще два выстрела, а затем воцарилась тишина.

Наконец я вырвалась и побежала в здание, но меня опередил Гаррет с фонариком и пистолетом в руках.

Люди жались по углам и прятались под столами, а на полу лежали трупы женщины, мальчика-подростка и двух мужчин. Рядом с мужчинами валялись ружья. Женщину и

подростка застрелили. Может быть, случившееся сегодня войдет в историю как самая жестокая стрельба на американской земле. Я могла лишь предположить, что не все сектанты слепо верили своим лидерам, поэтому в кризисной ситуации их стали отстреливать по одному.

У мужчин на полу были сломаны шеи — определенно дело рук моего мужа. Я подбежала к женщине и мальчику и попыталась нащупать пульс, но ничего не почувствовала. Никаких признаков жизни.

На пороге одной из дверей появился Рейес и какими-то военными жестами велел Гаррету отправляться в помещение, из которого только что пришел.

— Рейес...

Я поспешила к нему и очень осторожно обняла, стараясь не причинить лишней боли, но, как только мои руки обвились вокруг мужа, а пальцы вцепились ему в футболку, поняла, что ничего не могу с собой поделать.

Однако ему, казалось, было наплевать на раны. Рейес взглянул на меня, и я спросила:

— Где Фостеры?

— Не знаю, — покачал он головой. — Но наверняка где-то здесь.

Гадство. Оторнадившись, я потеряла их из виду. Кто же знал, что такое вообще могло случиться? Я уж точно понятия не имела.

С несколькими офицерами на хвосте прибежал дядя Боб. Офицеры осмотрели тела и пошли проверять остальных сектантов, а Дибби крепко пожал Рейесу руку:

— Бывало, ты выглядел получше.

— Вы тоже, — поддразнил в ответ Рейес.

— Кстати, — вмешалась я, — где мы, черт возьми, находимся?

Оба улыбнулись.

— Недалеко от городка Датил, — ответил Дибби. — К западу от Сокорро.

Сокорро я знаю, это южнее Альбукерке. Симпатичный городок, где я бывала много раз. А вот Датил...

— Это хоть в Нью-Мексико?

— Да. Разве отец никогда тебе о нем не рассказывал? Тут потрясающе красиво. Твой папа хотел основать здесь лыжный курорт и назвать его «Льждатил». Как тебе?

Я рассмеялась прямо в футболку Рейесу, а он обнял меня, положил большую ладонь мне на затылок и поцеловал в макушку.

Откашлявшись, дядя Боб покосился на Рейеса:

— Не хочу портить момент, Фэрроу, но... в тебя стреляли?

Рейес пожал плечами и обнял меня еще крепче:

— Не в меня одного. — А когда я в ужасе заглянула ему в глаза, добавил, показав на комнату сзади: — Там еще три жертвы.

— Проклятье, — выругалась я. — И скольких они убили, прежде чем ты до них добрался?

— Пятерых.

Я опустила голову.

— Дети есть?

— Кроме этого, — Рейес кивнул на мальчика-подростка, — нет. Похоже, кто-то из взрослых защищал детей.

У меня разболелось сердце. Складывалось впечатление, будто большинство из этих

людей всего лишь хотели обрести дом — безопасное место, где они могли бы спокойно жить и растить детей. Наверное, они пришли в секту с мешком одежды за плечами, а Фостеры воспользовались ситуацией.

Медики приступили к работе, и все мы занялись спасением оставшихся, причем руководил процессом дядя Боб. Я помогла подняться на ноги пожилой женщине и только потом узнала в ней ту, которая держала Дон Брукс.

— Где Дон? — спросила я.

Дрожащим пальцем она указала на шкаф:

— Когда началась стрельба, я спрятала ее там.

— Слава богу.

Рейес придержал ее под локоть, а я полезла в шкаф.

— Я и не знала, что здесь есть оружие, — добавила женщина.

Открыв дверцу, я заглянула внутрь. В самом дальнем углу сидел комочек кудряшек.

— Дон, — ласково позвала я.

Девочка вздрогнула и заплакала в платице.

— Ты ведь Дон Брукс? Я пришла забрать тебя домой.

Она осмелилась на меня взглянуть, и на маленьком личике отразилась надежда. Дон хотела мне довериться, но уже через многое прошла. Торопить ее я не собиралась, поэтому уселась возле открытого шкафа, чтобы дать ей время ко мне привыкнуть. Лишь несколько минут спустя я протянула руку. Дон поглазела на мою ладонь и потянулась ко мне. Вытащив девчушку из шкафа, я взяла ее на руки.

— Ты ангел?

Я тихо рассмеялась. Что ж, у Дон и правда был дар. Тут Фостеры не ошиблись.

— Мне так часто говорят, но нет, я не ангел, а простая девочка, как и ты.

— Не велю, — покачала головкой Дон.

О да, она крутая!

В конце концов она обняла меня за шею и наотрез отказывалась отпускать, даже когда я торчала возле Шона, чтобы убедиться, что его первым отвезут в больницу. Не отпускала она меня и тогда, когда я расспрашивала одного сектанта за другим, где Фостеры. Никто из них не знал. Точнее почти никто. Среди фанатиков нашла парочка таких, которые знали больше, чем делали вид. Вот только я не представляла, как из них выудить информацию, если, конечно, не начать пытаться их с трехлетним ребенком на руках. Они были преданны всей душой, но не вере и не религии, а Фостерам. Значит, чтобы выяснить, что им известно, придется убить какое-то время.

Я позвонила Куки, которая от беспокойства места себе не находила и от отчаяния уже рвала на себе волосы. А я не должна была об этом забывать, потому что именно я лишила ее десяти лет жизни. Десяти прекрасных лет, которые она могла бы потратить на исследование и изучение Европы. И теперь все благородные стремления не имели под собой никаких оснований, поскольку я эти десять лет взяла и в мгновение ока перечеркнула.

Кто бы знал, как я люблю эту женщину!

К двум часам ночи никто и не думал сворачиваться. Казалось, будто сюда прибыли все экстренные службы в радиусе тысячи километров, да еще и в компании репортеров и банальных зевак. Маленький отель-ресторан в Датице «Орлиное ранчо» поил медиков водой и кофе и кормил бутербродами, а церковная группа из Сокорро привезла одеяла сектантам, поскольку они не могли вернуться в лагерь за вещами.

В какой-то момент ко мне подошел Дибби:

— Милая, у тебя был трудный день. Может, поедешь домой?

Я все еще держала на руках Дон. Мы завернули ее в одеяло, и девчушка уснула, положив голову мне на плечо и согревая дыханием шею. Рука у меня вконец онемела, но оно того стоило.

— Поеду, — сказала я, поглаживая куколку по спине, — но сначала скажи-ка мне вот что. Как вам удалось так запросто войти на территорию лагеря? Я думала, для этого нужен ордер или еще что.

— Не в том случае, когда есть разрешение владельца, — ответил дядя Боб и вытащил из кармана какую-то бумажку. — Кажется, это твой клиент?

Я увидела, как к нам шагает Шон Фостер. Обалдев на пару секунд, я поспешила ему навстречу. Лицо у него распухло, губа треснула, но, учитывая, что он пережил, выглядел Шон весьма неплохо.

— Шон! Почему ты здесь? Я думала, тебя увезли на скорой в больницу.

— Я вернулся. Мне так жаль, Чарли! — Он в ужасе осмотрелся по сторонам. — Если бы я только знал, что они задумали...

— Ты ни в чем не виноват.

— Нет, я должен был тебя предупредить. Я давно не поддерживаю заблуждения родителей, но среди их людей были те, кто держал меня в курсе. Я знал, что они запасаются оружием, но понятия не имел зачем.

— Это мне очень жаль, Шон. До сих пор верить не могу, что Фостеры — люди, которые тебя вырастили, — так ужасно с тобой обошлись.

— Поэтому таких и называют фанатиками.

— И все-таки как тебе удалось так быстро прийти в себя? Почему ты спокойненько ходишь, говоришь и...

— Ну-у, — перебил Шон, которому явно стало неловко, — на мне все быстро заживает.

— Еще бы! Ты же нефилим.

— Откуда ты...

— Рейес сказал.

Рейес с Шоном обменялись рукопожатиями, причем Шон, казалось, по-настоящему поражен. Что ж, понять его можно.

— Значит, ты дал властям разрешение войти на территорию лагеря? — спросила я у него.

— Ага. Несколько недель назад. ФБР годами сидело на хвосте у секты, и технически все это принадлежит мне. Земля, здания — вообще все. — Его голос вдруг окрасился нотками горечи. — Старый добрый папочка не хотел светиться в документах и много лет назад переписал все на меня.

Ну да, как раз в духе мистера Фостера.

— У тебя есть доступ к документам? — спросила я, мысленно молясь, чтобы где-нибудь было хоть какое-то упоминание о липовом агентстве по усыновлению.

— К каждой липовой бумажонке.

Класс! У нас появился шанс снять обвинения с Вероники Айзом.

— Кстати о твоих роди... Фостерах. Есть идеи, куда они могли податься?

Шон покачал головой:

— Знаю только, что они что-то строили в главном здании.

— Что строили?

— Понятия не имею. Мои люди не входили в ближайший круг Евы и Авраама, но сказали, что именно там они проводили много времени.

— Спасибо, я все проверю.

Стараясь не столкнуться ни с кем из спасателей, я пошла к главному зданию, пока дядя Боб отвлек Шона разговором. Внутри я не заметила никаких новых построек, но, честно говоря, мне было не до того.

— Давай я ее возьму, — предложил Рейес, осматривая местность в поисках признаков опасности.

— Не нужно, все в порядке. — Похоже, я просто-напросто не могла отдать Дон. Прижав ее к себе, я уткнулась носом в кудряшки, вдохнула ее аромат и только потом спросила: — Ты их чувствуешь?

— Фостеров? Нет. Здесь слишком много эмоций, чтобы разобраться, где чьи.

— Согласна.

И все-таки, едва войдя в сарай, мы их почувствовали. Фостеры прятались, как мелкие крысы. А до меня вдруг дошло, что стогами сена в углу что-то прикрыли. Сектанты точно построили тайную комнату.

Очень осторожно мы подошли ближе. Рейес, который все еще не хотел дематериализоваться и в мгновение ока исцелиться, приложил к губам палец и жестом велел мне остановиться, а сам приблизился к стене из сена. Он обошел все, что было видно из сарая, но никакой двери не обнаружил.

Тоже жестом я показала Рейесу, что обойду сено с другой стороны, но он опустил голову и угрожающе посмотрел на меня исподлобья.

— А что такого? — спросила я одними губами.

Ладно, блин. Ради Дон с места не сдвинусь. Малышка пошевелилась, я взяла ее поудобнее, а Рейес тем временем надавливал на сено в разных местах, проверяя, есть ли что-то за стогами. Ничего не происходило, поэтому я решила проверить грязный пол. А вдруг есть какой-то вход в подвал? Однако я и шага не сделала, как послышался щелчок.

Рейес сдвинул сено в сторону и нашел какую-то панель. Я подошла ближе. Панель оказалась чем-то вроде двери, ведущей в крошечную тьму, но там, во тьме, были Фостеры. Я их чувствовала. В поисках фонарика, который дал мне Гаррет, я стала хлопать себя по карманам и вдруг подскочила от звука выстрела. Не успев даже подумать, я переместилась и одновременно замедлила время. Вот только пуля метила не в меня и не в Рейеса, а летела, причем со скоростью света, прямо в затылок Дон.

Прижав к себе девочку, я закрыла глаза, но я уже дематериализовалась, поэтому все равно все видела. Видела, как пуля прошла сквозь голову Дон, продолжила путь через мою шею и остановилась, только когда Рейес поймал ее в кулак.

Внутри меня вспыхнула ярость, словно разделился какой-то атом и запустил ядерную бомбу. Всю эту ярость я направила на Фостеров — двух ужасных людей, которые ради самих себя причиняли боль, разрушали и убивали, прикрываясь именем Бога. Если это не значит «помянуть Его имя всуе», то я уж и не знаю, в чем тогда смысл этой фразы.

Бурлящий гнев вышел из-под контроля и вырвался из меня ослепительной вспышкой, которая оказалась настолько горячей, что обожгла мне кожу и опалила волосы, и настолько холодной, что замерз воздух.

Между мной и Фостерами оказался Рейес, обнял нас с Дон и согрел мне душу, обдав ухо

теплым дыханием. Длинные пальцы легко коснулись моего подбородка и щеки, и до меня вдруг дошло, что это были не пальцы, а перья огромных черных крыльев. Рейес закрывал собой то, что творилось перед моими глазами. То, что натворила я сама. Вот только я ничего не видела, потому что целиком растворилась в чарующем звуке, который рождался от соприкосновения крыльев с моей кожей. Это была легкая звенящая мелодия, словно под палящим солнцем таял лед. Лишь потом я поняла, что это действительно был лед. Крылья касались моего лица и рук, и лед таял от жара Рейеса.

Прибежал дядя Боб с Гарретом и Шоном. Доби и Гаррет точно не могли видеть крыльев Рейеса, но, может быть, их видел Шон?

— Заберите ее, — сказал Рейес.

Только сейчас я осознала, что, когда раздался выстрел, он тоже дематериализовался. А значит, полностью исцелился от ран. Впрочем, в этом уже не было необходимости. Мы получили столько свидетельств против Фостеров, что хватит упечь их за решетку на очень долгое время.

Из мрачных мыслей меня вытасило выражение лица Гаррета, который явно был в ужасе. Заглянув за секретную дверь, Шон побледнел. Я попыталась хоть что-то рассмотреть за спиной Рейеса, но он упрямо не давал мне взглянуть на произошедшее даже одним глазком и закрывал собой помещение за той самой дверью.

Я сердито уставилась на мужа. Потом напряглась и заволновалась. Что я там натворила? От беспокойства по коже будто прошел ток.

— Рейес, — прошептала я, почувствовав на плечах руки Гаррета, — что я натворила?

Гаррет легонько потянул меня назад, чтобы вывести на улицу, но я должна была узнать, что случилось. Вырвавшись, я пробежала мимо мужа к двери.

Мистер и миссис Фостер лежали на полу покореженной грудой конечностей, словно их кости сломали изнутри. Головы запрокинулись под неестественными углами, и было невозможно определить, где заканчивалась сестра и начинался брат.

Прикрыв ладонью рот, я повернулась к Рейесу:

— Я не могла... Или могла? Но как?.. — А потом посмотрела на Шона: — Мне очень жаль.

На скулах Рейеса заиграли желваки, и он жестом велел Гаррету увести меня. Пока Своупс вел меня на улицу, в здание набежали офицеры, которые пытались установить, откуда раздался выстрел.

Первым вышел Шон, из которого так и сочились горькая решительность и печаль. Мне хотелось с ним поговорить, но что я ему скажу? Извини, что жестоко покалечила людей, которые тебя вырастили?

Пока все остальные по очереди ходили смотреть на Фостеров, будто на экспонат какой-то жуткой выставки, вышел Рейес и укрыл меня одеялом.

— Дон должна была проснуться от выстрела, — сказала я.

— Ты переместилась вместе с ней, — отозвался он таким тоном, будто гордился мной.

— То есть она поэтому не проснулась?

— Скорее всего.

Имелось у меня подозрение, что Дон спит так крепко именно потому, что побывала в другом измерении. Если до этого она не отличалась от сверстников, то теперь уж точно будет.

— Я их убила.

— Если бы не ты, то убил бы я. Плюс ты спасла жизнь маленькой девочки. И еще кто знает сколько жизней.

— Но я ведь не просто их убила. Я их... покалечила.

— Датч...

— Я и правда чудовище.

Взяв за плечи, Рейес развернул меня к себе.

— Ты не чудовище, Датч, и не можешь им быть. Если хочешь знать мое мнение, они легко отделались.

В это я ни на секунду не поверила, но вдруг на ум пришла другая проблема.

— Как мне все объяснить дяде Бобу?

— Тебе ничего не придется объяснять. В официальном отчете будет сказано, что Фостеры скрывались в тайной комнате, где на них обрушилась стена из шлакоблоков, которую они там сами и соорудили. С этим никаких затруднений не возникнет.

Не зная, что сказать, я опустила голову и стала укачивать Дон. Ее уже ждала скорая, чтобы отвезти домой, но я пока не могла так просто отпустить девочку. Рейес сел рядом, обнял нас обеих и помог мне держать малышку.

Солнечный свет уже подзолотил горизонт, когда я увидела мужчину и женщину, которые в отчаянии бегали за полицейской лентой и наконец остановились поговорить с молодой помощницей шерифа, пытаясь убедить ее, что их вызвали сюда представители полиции Альбукерке.

Разбудив Рейеса, который слегка задремал, я встала и пошла к ленте.

— Прошу вас! Нам сказали, что нашу дочь отвезут в больницу, но мы не могли и не можем ждать. Она все еще где-то здесь.

— Сэр, я не могу вас пропустить.

Однако помощница шерифа не могла достучаться до мужчины, и, пока он с ней спорил, его жена заметила, как я подхожу ближе со сверточком. Я узнала эту пару из новостей и аккуратно стянула одеяло с головки Дон. Увидев знакомые волосики, женщина вскрикнула, нырнула под полицейскую ленту и помчалась к нам, уворачиваясь от копов, как бывалый спринтер.

Наверное, Дон узнала голос матери, проснулась и потеряла глазки.

— Эта смешная тетя твоя мама? — спросила я.

Дон посмотрела на женщину и узнала ее. А потом задергала ножками в универсальном знаке под названием «Отпусти меня, блин!». Стоило мне поставить девочку на землю, как она со всех ножек бросилась навстречу маме, до которой бежать было метров тридцать. Папа Дон не отставал. Поймав дочь, родители обнялись и запрыгали от радости, вот только слез тут было чуть больше, чем я привыкла видеть в групповых объятиях.

Я уже собралась уходить, как вдруг миссис Брукс спросила:

— Вы Чарли?

Угадала. Я кивнула и пошла обратно к ним.

— Я говорила по телефону с вашим дядей. Он сказал, вы помогли раскрыть дело.

— Разве что чуть-чуть.

На самом деле все это было чередой странных совпадений. Меня нанял Шон. Секретарша доктора Шваба, Тиана, ни с того ни с сего мне доверилась. Рейеса похитили. Опять.

— Даже не знаю, как вас благодарить. — Голос женщины сорвался, и она вконец

расплакалась.

Я покачала головой:

— На самом деле благодарить нужно не меня. — Я подошла ближе и рассказала ей о Тиане, которая в свое время рассказала мне о Еве Фостер. — Если бы не Тиана, я бы даже не узнала о Дон. Именно Тиана заподозрила, что Фостеры как-то связаны с исчезновением вашей дочери, и даже заявила на них в полицию. Только копам нечего было им предъявить.

— До сих пор, — вставил мистер Брукс, всеми фибрами источая благодарность.

Но все это и правда было сплошным набором совпадений под соусом слепой удачи.

Впрочем...

Я посмотрела в небо. Как-то все меньше и меньше верилось в совпадения.

*Она прошла через ад, так что поверьте мне на слово:
если она с улыбкой смотрит на огонь,
лучше бежать без оглядки.*

Е. Корона30

Через два дня я обедала с Шоном на террасе «Вороны». Выглядел он слегка побитым и грустным, зато был цел и почти невредим. Куки отыскала его настоящих родителей, и мне хотелось передать информацию лично. И заодно поблагодарить.

— Поверить не могу, — пробормотал Шон, глядя в документ. — Они и правда умерли при пожаре.

— Мне очень жаль. Пожар скорее всего учинили Фостеры. Видимо, не хотели, чтобы власти опять вышли на их след.

— Но ведь все равно вышли, да?

— Было дело. Когда выяснили, что ты в пожаре не погиб, возникли подозрения, что поджогом хотели прикрыть твоё похищение. Только зацепок было очень мало, а Фостеры определенно знали, что делали.

Шон посмотрел на фотографии, которые нашла Куки, и коснулся пальцами лица матери.

— Но у тебя есть родственники. Тетя, два дяди и несколько двоюродных братьев и сестер. Уверена, они с радостью с тобой познакомятся.

Точно не готовый к такому шагу, он все-таки кивнул:

— В папке есть о них информация?

— Есть. Если решишься на встречу и захочешь, чтобы я связалась с ними первой, я с радостью помогу.

— Спасибо. Я подумаю.

У дяди Боба было достаточно свидетельств, чтобы с Вероники Айзом сняли все обвинения. Фостеры, конечно, психопаты, зато дотошно вели учет своих дел. Мы все еще работали над похищениями других детей. Один сейчас жил в Альбукерке, двоих нашли в лагере, и бог знает сколько все еще числились пропавшими без вести.

СМИ окрестили Фостеров «божественными братом и сестрой». Общественности ужасали их бесчисленные злодеяния, но по-настоящему внимание привлекал тот факт, что Фостеры близкие родственники. И именно это отразилось в заголовках по всей стране.

Глубоко вздохнув, Шон закрыл папку и отпил чая со льдом.

— Неплохое местечко.

— Это точно. Раньше тут всем заправлял мой папа, а потом бар купил Рейес.

— Рейес, значит.

Я знала, что рано или поздно Шон поднимет эту тему.

— В странном и даже диком смысле он вроде как мой брат.

— Согласна.

Всем нутром я чувствовала, как Шон хотел, чтобы у него был брат. Хоть кто-то, с кем можно поговорить по душам, как эти двое разговаривали у нас в кухне. Они так хорошо

поладили, что я была уверена: Рейесу общение с Шоном тоже не повредит.

— Извини, Шон, но я просто обязана спросить. Почему ты подтвердил алиби Фостеров в тот день, когда похитили Дон Брукс? Ты сказал, что они были дома.

— Они действительно были дома. Ты уже и сама знаешь, сколько у них последователей, которые ради них готовы на что угодно. — Он опустил голову и стиснул зубы. — Абсолютно на все.

Оставалось только догадываться, что именно он имел в виду.

— А почему ты не рассказал мне о лагере?

— Я ведь там практически вырос, — пожал плечами Шон. — Каждое лето проводил именно там. Все эти люди были мне как родные. Просто они... запутались.

— И не брезговали убийствами.

Шон кивнул:

— Я не знал. Мама... — Помолчав, он откашлялся. — Ева об этом никогда не говорила. Знал я только одно: мне нравилось там бывать, несмотря на то, что взрослые явно не дружили с головой. Мы все так думали.

— Кто — мы?

— Дети, которые росли в лагере. Мы догадывались, что что-то не так.

— Ты знал, что Фостеры — брат и сестра?

Шон застыл, поджал губы и еще сильнее побледнел.

Вот гадство!

— Лучше отложить этот разговор на потом.

Он покачал головой:

— Умоляю, скажи, что ты шутишь.

Видимо, не все документы из папки он увидел. Чтобы дать ему время все обдумать, я опустила взгляд, но уже через несколько секунд опять уставилась на Шона.

Зная, что он продукт союза ангела и человека, причем союза, который случился не одну тысячу лет назад, я весь обед не могла отвести от него глаз. Вот прямо-таки не могла перестать на него пялиться. А все потому, что Шон — светловолосая версия Рейеса. Невозможно красивый, но не настолько... поразительный, что ли? Какое же слово подойдет лучше? Не настолько... сексуальный? Экзотический? Пропитанный грехом? И все-таки воплощенная крутость, сидевшая напротив меня, легко могла посоперничать с приправленным специями латте и самим Чаком Норрисом.

Наверное, чтобы хоть как-то сгладить затянувшуюся паузу, Шон усмехнулся.

Я резко пришла в себя:

— Что случилось? А, блин! Извини, Шон. Понимаешь, я и представить не могла, что такие, как ты, существуют. Это суперкруто!

— Что ж, честно говоря, я тоже не знал, что такие, как ты, существуют. Ты себя в зеркало видела?

— А что? У меня что-то в зубах застряло?! — Я повернулась к окну позади нас, чтобы посмотреть на свое отражение.

— Нет, я о твоём свете. Он бешено яркий.

— Знаю, ага, только я его не вижу. Хотя как-то засунула его в бывшего демона-раба из ада, чтобы незаметно подобраться к богу. Вот тогда свой свет я видела, да. И правда яркий.

— Так вот как ты это провернула?

Я повернулась к пожилому мужчине, который стоял рядом с нами, и поразились. Ему

удалось подобраться так близко, а я не почувствовала ни его присутствия, ни его сути. Хотя он не излучал ровным счетом никаких эмоций. Да и сейчас я ощутила не эмоции, а вибрации силы, волны энергии.

Тоже почувствовав, что перед нами не обычный человек, Шон лучился любопытством вперемешку с замешательством.

— И что же я провернула? — уточнила я, изогнув бровь так высокомерно, как только могла. — Подкралась к твоему корешу и сделала его одной левой?

Забеспокоившись, Шон оглянулся. Видимо, думал пойти в бар и позвать Рейеса.

Едва стоя на ногах, дедуля прошаркал поближе, но мы с Шоном оба знали, что видимая немощность ничего не значит. Из-за спины дедули вышла девочка, которую он держал за руку. Улыбка на лице девочки была такая же искусственная, как на лице Барби.

— Эйдолон, как я понимаю?

Он обладал телом, потому что вселился в человека. А значит, у него была кровь, которую можно использовать, чтобы поймать его в ловушку. Я полезла в карман и сжала в кулаке божественное стекло.

Эйдолон поднял руку, чтобы меня остановить:

— Я тебя умоляю! Я и в половину не так глуп, как мой... ты сказала, кореш? Только вытащи стекло из кармана — я сверну девочке шею. — Он сел и приобнял девочку, причем за подбородок, но ее улыбка осталась прежней, а глаза по-прежнему не моргали. — А если призовешь его, она даже не успеет увидеть, как он материализуется.

Судя по всему, он говорил о Рейесе.

— Ты уже потеряла одного из своих драгоценных человек. Хотя я вижу лишь дряхлую кожу да мешок костей.

Бедняга, чье тело конфисковал Эйдолон, умер в тот самый момент, когда объявился божок. Слишком много силы для человека. Поэтому, само собой, тело начало разлагаться моментально. А значит, у Эйдолона оставалось совсем мало времени.

— Я занял его только потому, что он был близко и мог меня вместить достаточно долго, чтобы у нас состоялся этот разговор. — Эйдолон показал на меня сморщенным пальцем. — Я знаю, как вы, люди, любите поговорить. — Широко улыбнувшись, он кивнул на девочку. — К тому же, это тело шло с прекрасным козырем. Она его внучка. Два по цене одного.

В груди что-то сжалось. Сжались и пальцы на лице девочки, и по ее щекам потекли серебристые струйки слез.

— Отпусти ее. Возьми меня.

— Это непозволительная роскошь! — отмахнулся Эйдолон. — Думаешь, я не знаю, кто ты такая?

— Ты такой же, как я, а значит, можешь меня убить. Отпусти ее.

— Не смей мною манипулировать! — процедил он сквозь зубы. — Я же сказал, я знаю, кто ты такая, Эль-Рин.

Я недоуменно поморгала. Насколько мне известно, бога может убить только другой бог. Так что же имел в виду Эйдолон?

— В тебе сила тринадцати, да еще и с дарами изначальных семи, которые становились сильнее каждый раз, когда ты, — он подался ближе и усмехнулся, — побеждала своих сородичей. Если хочешь, я могу подождать более подходящего момента.

— Побеждала? И что это значит? Насколько мне известно, семь изначальных богов

моего мира объединились по собственной воле.

Эйдолон расхохотался, но из-за выбранного им тела смех был больше похож на кудахтанье. Неужели он специально выбрал пожилого мужчину, чтобы усыпить нашу бдительность и показаться безобидным? Если так, он сильно просчитался.

— Объединились? Кто тебе такое сказал, маленькая богиня?

— Я не маленькая. И если ты говоришь правду, то я сильнее тебя.

— Верно, но я не хотел тебя обидеть, а лишь имел в виду, что из всех существующих богов ты самая юная. Разве ты не слышала, как тебя называют?

Слышала, конечно, но Эйдолон все же решил меня просветить:

— Ты пожирательница богов. Единственная, кто выжил в войне, что длилась целую вечность. А все потому, что ты всех съела. Ты победила, а победителю положены трофеи. — Он показал рукой на бар, где сейчас работал Рейес. — Недурные, надо признать, трофеи.

Шон начал придвигаться ближе, и Эйдолон сильнее сжал горло девочки, которая точно была в каком-то трансе. Внешне она выглядела совершенно спокойной, но внутри ее раздирали страх. Эйдолон ее мучил. В буквальном смысле слова — пытал.

Шон отодвинулся, но расслабляться и не думал.

— Ты лжешь, — сказала я, пытаюсь сочинить хоть какой-нибудь план. Вырвать из рук бога девочку я никак не успею. И пары сантиметров не пройду, как он свернет ей шею. — В моем измерении царит мир. Я сама это видела.

Эйдолон так рассмеялся, что изо рта чуть не вывалились вставные зубы. Он засунул их обратно.

— А Иегова действительно заморочил тебе голову. Откуда, по-твоему, у них столько остроумных фразочек?

— Понятия не имею.

— Ты самая жестокая из всех военных богов твоего мира. И самая коварная. Вот почему здесь сейчас ты, а не Ал-Диш, не Рэн-Итх, не Эйн-Итхиал и не... Я могу продолжать сколько угодно. Или ты не помнишь богов, которых поглотила?

Неужели я серьезно ела богов? Значит, я и правда пожирательница? В буквальном смысле? Чем же тогда я отличаюсь от колумбийского наркобарона, который хотел меня съесть, чтобы завладеть моими силами?

Нет, это все неправда. Рэн-Итх и Эйн-Итхиал слились, чтобы создать меня. Это я точно помню. А значит, Эйдолон лжет.

— Как думаешь, почему ты здесь? — продолжал он. — Иегова с тобой просто-напросто нянчится. Думаешь, Ему нужно было привлекать кого-то со стороны на роль жнеца? Он может выбирать среди миллиардов!

— А знаешь, каждый раз, когда я говорю с кем-то из богов, ангелов или призраков, которым известно чуть больше, чем остальным, я получаю разные мнения о том, кто я такая. Я — Чарли Дэвидсон. Вот кто я. Я не воюю, не ем богов, а жестокости во мне меньше, чем во всех, кого ты знаешь.

— Ну конечно! Я прямо-таки ощутил твою миролюбивую натуру, когда ты велела Рейзеру убить всех тех людей в отеле.

Тут он меня удивил не на шутку. Понятия не имела, что он знает о колумбийцах.

— Твоя сущность пропитана жестокостью. Ты без сожалений поедает своих врагов, а война для тебя — лишь детские забавы. Генералам этого мира несказанно бы повезло, если бы им удалось тебя завербовать.

Спорить с ним я точно не собиралась, поэтому спросила:

— Ну а ты почему здесь?

Ответ я знала, но мне нужно было потянуть резину, чтобы придумать план. Останавливать время, чтобы забрать девочку, бесполезно. На Эйдолона это не подействует. Он приспособится раньше, чем я моргну. Привлекать внимание Рейеса я не осмеливалась, хотя наверняка он сам скоро все поймет.

— Что ж, ты знаешь, что мы боги. Можем пойти куда угодно и стать кем угодно, нужен лишь способ пробраться в нужный мир. Портал. В этом и заключаются мои трудности. С помощью карты Рейазикина Люцифер провел нас в это измерение, однако путь Рейзера пролегает только между этим миром и миром Люцифера. Мне от этого толку мало, поэтому мне необходим портал, который сможет доставить меня куда угодно.

— Я тоже портал.

— Да, но мы с твоим Иеговой сейчас не особенно ладим. По контракту он должен мне несколько тысяч солдат, но долг так и не уплатил. — Эйдолон подался ко мне. — Только между нами: не доверяй этому парню. И да, мне нужна твоя дочь.

В ответ на эти слова все мои мышцы непроизвольно сжались.

— Я здесь не для того, чтобы ее убить, Эль-Рин, — поспешил успокоить меня Эйдолон. — Я бы никогда до такого не опустился.

— А я думала, что именно поэтому ты и помогаешь Люциферу.

— Вовсе нет. Она нужна мне, чтобы попасть в мой родной мир. Конечно, вернувшись, я перебыю там все живое, но ты и представить себе не можешь, что они со мной сделали.

— С чего ты взял, что моя дочь доставит тебя домой?

— Я тебя умоляю, Эль-Рин! Зачем нам с тобой унижать друг друга обманом?

Как, черт возьми, он узнал?! Я сама об этом узнала совсем недавно. Взяв себя в руки, я постаралась успокоиться и придумать, что еще сказать, чтобы потянуть время.

— Если... если ты хочешь уйти, то зачем помогаешь Люциферу?

— Связи с общественностью. Я вроде как оказываю ему услугу и в ответ жду того же. И все-таки смерти твоей дочери не избежать.

— Ты же сказал...

— Я имел в виду, что не хочу ее убивать, и это правда. Но одно дело — когда порталом пользуется обычный путник, и совсем другое — когда портал нужен богу. Нам свойственно разрушать порталы. Они годятся лишь для одной поездки, поскольку мы слишком могущественны. Так что да, в итоге я убью твою дочь и тем самым исполню заветное желание Люцифера. Но убью не из алчности и не из худых намерений. Я не желаю ей зла. Это лишь естественная часть того, кем она является. Ее генетическое наследие.

Стараясь не выдать ярости, я с любопытством осмотрела Эйдолона с ног до головы.

— Наверное, я сделаю из твоего сердца блюдо для конфет.

— А я, наверное, расколю тебе череп на глазах у Рейазикина.

Да уж. Мы можем забрасывать друг друга угрозами хоть целый день.

Я сложила руки на груди.

— Ладненько, спрошу еще раз. Зачем ты пришел? Неужели ждешь, что я лично вручу тебе свою дочь?

Явно довольный собой, Эйдолон опять раскудахтался:

— Ну что ты! Разумеется, нет. Рано или поздно мы ее найдем. Нас сотни. И даже тысячи. Если она до сих пор в этом мире, мы ее обязательно отыщем. Мне лишь нужно,

чтобы ты не мешалась под ногами.

— Да неужели?

— От тебя больше проблем, чем мы ожидали. Впрочем, Люцифер нас предупреждал.

— И кого же это — нас?

— Армию Люцифера, само собой. Ты же не думаешь, что он забыл о тебе и о твоей дочери? Он слегка помешан на пророчествах, которые сулят ему гибель от ее рук.

— Он все лишь падший ангел. Я могу уничтожить его мизинцем левой руки.

— Можешь. И зря не уничтожила, когда был шанс. Сейчас он в своем мире, а значит, ты не представляешь для него опасности.

На моих губах заиграл намек на улыбку.

— Это вряд ли.

Эйдолон опять рассмеялся и положил свободную руку на стол. Люди начали замечать, что он держит девочку. Стали перешептываться, взвешивать варианты, решать, стоит ли вмешаться.

— Прошу прощения, — проговорил Эйдолон, — я очень давно не бывал рядом с такой силой, какую излучаешь ты. У меня... как это говорится? В общем, только от того, что ты здесь, у меня прилив.

— В смысле стояк? — поправила я, чтобы его оскорбить.

— Причем неслабый.

Я не успела отпустить очередную скабрзную шуточку. Раньше, чем мое сердце пропустило удар и очередной солнечный лучик добрался до моих волос, Эйдолон сделал свой ход. Быстро, как Рейес, и так же смертоносно.

Я обеими руками зажала рот, глядя, как голова девочки крутанулась в сторону. Шея хрустнула, и девочка упала на землю, как сломанная кукла.

От ужаса у меня в глазах поплыло.

Первым пришел в себя Шон и набросился на тварь, которая лишь выглядела, как сморщенный дедушка. А я успела только выкрикнуть «Нет!», когда раздался очередной хруст. Шон упал на тротуар. Его голова была повернута задом наперед.

Люди закричали и бросились врассыпную.

Эйдолон достал револьвер.

— Люблю производить впечатление.

Прижав дуло к виску, он выстрелил. Тело, в котором он сидел, рухнуло, и теперь на земле лежало трое людей.

Задыхаясь, я упала рядом с ними на колени. Зачем стрелять? Мужчина и так уже был мертв.

И вдруг меня затрясло. Пока я сидела, ничего не понимая и глядя на тела, Эйдолон взорвался клубами дыма, отчего лопнули стекла во всех витринах поблизости, а бог закружился вокруг меня, пытая втиснуться внутрь.

Каждую клеточку затопило ослепительной болью, родившейся в груди и распространившейся по всему телу. Во мне рвались сухожилия и ломались кости. Я не могла дышать. Глаза ничего не видели. Эйдолон пытался разорвать меня изнутри, причем сосредоточился на сердце, словно что-то там искал.

Схватившись за грудь, я попыталась вдохнуть, но легкие превратились в застывший цемент. Уже начиная терять сознание, я почувствовала Рейеса волной могучей яростной силы.

Пытаясь хоть что-то рассмотреть сквозь пелену агонии, я моргнула и подумала, что у меня начались галлюцинации. Рейес преобразился и в моих затуманенных глазах стал похож на ангела. Вот только ничего ангельского в Рейязиэле нет. Огромные черные крылья. Мощное тело. Крепкие мускулы, перекатывающиеся под кожей от каждого движения.

Он поднял меч и нанес молниеносный удар.

В попытке перегруппироваться Эйдолон рассеялся и закружился спиралью.

Держась за грудь, я глотнула огромный глоток воздуха и вдруг осознала нечто важное. Все, что я испытывала, вся боль и страх были лишь от человеческой части меня. От маленькой, крошечной, как песчинка, частички.

Всю меня Эйдолон еще не видел. Что ж, придется показать.

Мутная масса, бывшая Эйдолоном, развернулась к Рейесу, чем, похоже, очень порадовала моего мужа. Он опустил голову и посмотрел на туман исподлобья, а долю секунды спустя Эйдолон бросился в атаку.

Злобный бог собирался сражаться с Рейесом одной чистой энергией, но, едва добравшись до него, дернулся назад, словно двигаться дальше ему не давала цепь, на которой он сидел.

От удивления Эйдолон принял почти человеческий облик и оглянулся на меня. Если у тумана может быть удивленный вид, то, наверное, именно так он сейчас и выглядел.

Я засунула руку прямо в темную муть, туда, где масса была больше всего. Он хотел сделать со мной то же самое, когда атаковал мое сердце — самую мою суть.

Одним быстрым движением я вырвала из тумана его сердцевину — того самого монстра, который охотился на мою дочь. И съела. Проглотила одним куском. Потом впитала остатки и впала в какую-то эйфорию, возникшую в ответ на то, как молекулы бога вплавлялись в мои.

Рейес наблюдал за всем без намека на удивление, а когда я ни с того ни с сего превратилась в желе, успел меня подхватить, и его лицо оказалось в паре сантиметров от моих глаз.

Я восхищенно коснулась пальцами огромных крыльев, а потом вспомнила о девочке с ее бабушкой и... о Шоне. Не говоря уже о куче прохожих. Попали ли они кому-то из нас под горячую руку?

Мы с Рейесом вернулись в осязаемый мир, и я вскочила на ноги. Вся улица была усеяна ранеными людьми. Прямо на дороге лежала какая-то женщина. Из нее фонтаном била кровь, а из шеи торчал осколок стекла. Другие кричали и разбежались в разные стороны. На лицах виднелись следы крови, но в целом серьезных травм не было.

Я присела рядом с Шоном. Он лежал на девочке, словно хотел ее защитить, вот только глаза его неподвижно смотрели в небо.

Я коснулась лица Шона. Сначала исцелю его, потом девочку. А после займусь женщиной и всеми остальными. Только пожилого мужчину мне уже не исцелить. Как только бог занял его тело, там вряд ли осталось то, что можно вернуть.

— Это запрещено, — послышался знакомый голос.

Оборачиваться я не стала. На меня уже давила совместная энергия Михаила и его шпионов вкупе с энергией нескольких пришедших на подмогу ангелов. Дышать было почти невозможно.

— Они погибли из-за сверхъестественного дерьма и заслуживают, чтобы им вернули жизнь.

— Тебе дозволено вмешиваться, только если душа еще не освободилась. Не покинула свой сосуд и не вошла в Царствие Отца.

Я встала и повернулась к архангелу.

— Они умерли не по естественным причинам. Вина за это лежит на боге. На всех нас.

В руках Михаила появился меч.

Рейес достал свой, а черные крылья медленно сложились за широкой спиной.

— С тобой у нас разногласий нет, Рейезикин.

Рейес алчно улыбнулся:

— Еще как есть.

— Ты забыла, где твое место, — снова обратился ко мне Михаил. — Здесь ты всего лишь жнец. У тебя нет права пользоваться божественными силами в мире, где уже есть свой Бог. Это... — Он посмотрел вверх, словно подыскивал подходящее слово. — Это нечестно.

— А мне плевать.

— Ты согласилась на эти условия, когда стала здесь порталом.

— Я не соглашалась на то, чтобы Иегова стирал мои воспоминания, — возразила я, высасывая из пальцы аргументы, чтобы найти хоть какую-то лазейку.

— Вообще-то, соглашалась. Ты заключила сделку. Иегова отсылает мятежника в твою тюрьму, а не в ад, который Он создал для него, а ты до конца отведенного срока служишь порталом на земле.

— Ага, Мэлдисан говорил то же самое. Но зачем отнимать у меня воспоминания?

— Знания о том, откуда ты родом, могли повлиять на твои обязанности.

— Каким макарон?

— Отец считает это испытательным сроком. Если ты не сможешь подчиниться Его законам, тебя изгонят из этого мира. Лучший способ убедиться, что ты следуешь правилам, — забрать у тебя память о том, кто ты и что совершила. В своем измерении ты сотни тысяч лет вела войну, из которой вышла победителем. Да, ты утверждала, что жаждешь мира, но все-таки победила. И эти знания могли повлиять на решения, которые ты принимаешь здесь. Точно так же, как они влияют сейчас. — Меня затрясло от злости, и Михаил добавил: — К тому же, это была твоя идея.

От недоумения я нахмурилась:

— С чего мне так поступать с самой собой?

— Знаешь ли ты, что делает война с живым существом, пусть даже таким могущественным, как ты? Остаются мучительные воспоминания. Возможно, ты такая, какая есть, потому что у тебя нет этих воспоминаний. Возможно, ты хотела забыть о том, как поступала ради вкуса победы.

— В смысле? А как я поступала?

Подошел Рейес и взял меня за локоть.

— Это не моя забота. Меня заботят лишь твои поступки в этом мире. В том числе твое решение вернуть душу, что уже освободилась и покинула свой сосуд. Это запрещено.

— Эти люди не погибли бы, если бы их не убил Эйдолон. А значит, эту ситуацию нельзя регулировать обычными правилами.

— Не тебе это решать.

— Значит, — я присела совсем рядом с девочкой, — если я верну этих людей, меня изгонят?

— На веки вечные.

От ярости меня опять затрясло, да так, что застучали зубы.

— Датч, — позвал Рейес, пытаюсь привести меня в чувство.

Я ощущала, как в нем тоже клубится гнев, натягивая кожу в жажде вырваться на свободу. Но еще я чувствовала беспокойство. За меня. За Пип.

В ожидании ответа Михаил склонил голову набок.

Вот только бурлящая во мне ярость вдруг вырвалась наружу. У меня в руке появился меч, и одним молниеносным движением я нанесла архангелу удар.

На его груди появилась длинная красная полоса, и я почувствовала, как мои губы растягиваются в улыбке.

— Так вот как это делается, — замороженно пробормотала я.

Порез оказался глубоким, но Михаил и бровью не повел, зато вся его армия обнажила мечи и приготовилась к битве. То же самое сделал и Рейес.

Еще секунда, и я бы вызвала собственную армию, но вдруг до меня дошло, что я творю. Рискую невинными существами, потому что... Почему? Потому что разозлилась? Потому что меня избаловали? А теперь я закатываю истерику, потому что не получила того, что хочу?

Может быть, все они правы. Может быть, я действительно бог войны. Жажду войны и живу только ради нее. Да уж, безответственнее не придумаешь.

Я встряхнулась и посмотрела на Михаила:

— Ты передал мое послание Иегове?

— Да.

— И что теперь?

— Он встретится с тобой на поле битвы. Назови лишь место и время.

Вконец офонарев, я застыла. На поле битвы? То есть меня ждет сражение? С Иеговой? С Богом, блин?! С тем самым Богом, которому я с детства поклонялась, и с которым разговаривала, когда никто больше не слушал? Меня учили, что где-то там Он всегда за мной присматривает.

И все же я кипела от злости. Зачем нужна такая сила, если постоянно ее подавлять и держать взаперти, когда с ее помощью можно сделать столько хорошего? Страшно захотелось сказать что-нибудь очень дерзкое, но на ум ничего не пришло.

Похоже, Михаил понял, что я не в состоянии сформулировать внятную фразу, и подошел ближе, хотя все ангелы мигом напряглись. Рейес тоже выступил вперед.

— Может быть, — начал архангел, — тебе нужно время все обдумать, Эль-Рин-Алитхиа.

— Да, — кивнула я и посмотрела на меч, который держала в руке.

Меч явно был древним и, по-моему, видел множество битв. Даже слишком много. Здесь я оказалась не случайно, и вряд ли моей целью было захватить этот мир.

Меч исчез. Я прошла вперед, толкнув по пути Михаила плечом. Сейчас я должна сделать то, что могу. То, что мне позволено.

Я присела рядом с женщиной с осколком в шее. Мы были нематериальны, поэтому увидеть меня она не могла. Женщина держалась за осколок, но знала, что вытащить его — значит, умереть. В носу и во рту у нее пузырилась кровь, а в глазах стоял чистейший ужас, который тонкими щупальцами крепко сжал мое сердце.

Прежде чем женщина поняла, что происходит, я растворила осколок и исцелила рану. Если мне разрешено только это, так тому и быть.

Надо мной навис Михаил, однако Рейес не дал ему подойти слишком близко.

— Теперь, — заговорил архангел, — когда ты знаешь, на что способна, тебе будет намного сложнее. Ты как наркоман, который спустя много лет воздержания ощутил вкус героина. Но если ты вернешься к старым привычкам, то навсегда потеряешь свою семью.

Утром у меня закончился кофе, и я решила заменить его текилой.

Какие сегодня все красивые!

Мем

— Что он имел в виду под «старыми привычками»? Если я действительно бог войны и жажду крови своих врагов, как некоторые жаждут, ну, навскидку, кофе, то почему мне запрещено возвращать к жизни тех, кто погиб незаслуженной смертью? Разве это не стало бы шагом в верном направлении? Я могу понять, почему запрещают развязывать войны, разжигать революции и что там еще под силу богу, но зачем запрещать исправлять ошибки?

Доктор Мэйфилд сидела на Споке³¹ — кресле, приставленном к капитану Кирку, — и записывала что-то в блокнот. Я не видела ее с тех пор, как ушла от нее вместе с Логаном — озорным индейцем-вампиреньшем. Док провела сестру, чуть-чуть помоталась по миру, а теперь работала психиатром для призраков. Ну и, очевидно, для меня.

— Это же чистой воды бред! — продолжала я. — Даже вот в этой бутылке текилы больше логики.

Я приложилась к горлышку и отпила обжигающей жидкости. Честно говоря, никогда не понимала, почему люди пьют, когда им плохо. В итоге ведь становится еще хуже. Но сегодня почему-то казалось, что текила поможет.

Ясно же, что я могу намного больше. И какого черта я согласилась стереть свою базу данных?

— Вы точно справитесь? — спросила доктор Мэйфилд.

Прямо сейчас ее за рукав дергал мужчина с раскрытым черепом. Бедняге позарез был нужен доктор, чтобы понять, почему он постоянно видит один и тот же кошмар.

Я кивнула:

— Рада, что вы все еще работаете.

Док закрыла блокнот.

— Я тоже. Загляну к вам завтра.

Я отсалютовала ей почти пустой бутылкой, и док испарилась. А я достала из кармана кулон и принялась его разглядывать. Провела пальцем по вычурной резьбе и задумалась. Если я не могу спасти людей в этом мире, то как мне спасти тех, кто находится в другом? В том, который Иегова создал для своего мятежного брата? То бишь в аду, который Бог создал для Рейазикина, моего мужа.

Как только я об этом узнала, возникло два вопроса. Во-первых, какой бог будет создавать сущий ад только для того, чтобы заключить там собственного брата? А во-вторых, что, черт возьми, такого ужасного сделал Рейес, чтобы его родной брат построил для него целый ад? Типа спа-отель, только без бассейна и обслуживания номеров.

А если задуматься, что вообще мне известно? Может, там повсюду сплошная роскошь и все удобства, чтобы бесконечное заключение в огромной одиночной камере казалось не таким уж непереносимым.

Однако в ответ на слова «адское измерение» мое нутро подсказывало, что там все

далеко не так радужно.

Я провела пальцами по теплой поверхности кулона. Мне всегда казалось, что он теплый, потому что я ношу его в кармане, и он нагревается от моего собственного тепла. Позднее я стала понимать, что тепло обусловлено тем, что находится внутри. Может быть, все адские миры горячие. Как по мне, было бы неплохо иметь про запас хотя бы один холодный, ну или с повышенной влажностью. Чисто ради разнообразия.

В мыслях в который раз вспыхнул образ девочки, которую убил Эйдолон. Она была так напугана, а не могла даже пошевелиться... На помощь тут же пришел Хосе Куэрво³². Хороший он, надо признать, парень.

Пока я выкладывала нутро доктору Мэйфилд и попутно напивалась в стельку, отказавшись от комфорта на капитане Кирке, за мной наблюдал Рейес. Он тоже пил, но в этой сфере его вкусы более люксовые. Скорее всего он выбрал скотч, бурбон или еще какой-нибудь напиток, чье название, скатываясь с языка, звучит сексуально.

Я была расстроена, а потому не хотела никаких удобств, которые могла предложить наша мебель. Мы с Хосе сидели в углу и испытывали на прочность мой мочевой пузырь. Пока все шло неплохо.

Прекратив пялиться на кулон, я уставилась на мужа. Как всегда по вечерам, он закатал рукава рубашки. Иногда он их просто подтягивает наверх, что зависит от самих рукавов. Так или иначе, Рейес делал это намеренно, чтобы открыть предплечья. Знает ведь, как его предплечья на меня действуют. Хотя то же самое можно сказать и о его бицепсах, и о плечах, и вообще о любой другой части тела.

Весь объятый пламенем, Рейес сидел с вытянутыми ногами. Рубашка и джинсы были растегнуты. Ботинки валялись под журнальным столиком.

Когда я уже собиралась сдаться и пойти на поиски фаянсовой вазы, Рейес вдруг проговорил:

— Пошли меня.

— Ладно, но вряд ли это поможет. Сейчас надо посылать меня, причем туда, где можно опустошить мочевой пузырь.

На меня Рейес даже не смотрел. Пока я наблюдала за ним, он наблюдал за огнем.

— Пошли меня внутрь. Я родился и вырос в адском измерении. Значит, смогу пойти в ад и вытащить людей.

Неужели он говорил о божественном стекле? Неужели всерьез предлагал послать его в мир, для которого создали божественное стекло?

— Нет.

Я встала и похромала в сторону ванной. Не потому, что напилась, а потому, что отсидела левое полупопие. Вечно забываю пить достаточно жидкости, когда сражаюсь со злобными богами и ссорюсь с высокомерными ангелами.

Справив нужду, на обратном пути я заскочила в кухню и вернулась в угол в обнимку с новой бутылкой, до краев наполненной моим новым лучшим другом.

— Дело во мне, или напиток в хлам действительно вдруг стало сложнее?

В любой другой день я бы уже висела над унитазом от половины бутылки Хосе, а сегодня чувствовала себя очень даже неплохо, не считая того, что мир стал крениться куда-то влево.

Оттолкнувшись от капитана, Рейес встал и подошел ко мне. Нет, не просто подошел, а прошествовал с важным видом. Красивое лицо стало до крайности серьезным. Распахнутая

рубашка демонстрировала широкую грудь.

Остановившись, Рейес навис надо мной:

— Отправь меня туда.

Меня начинало это бесить.

— Нет. Там Куур. Помнишь такого? Это сверхъестественный наемник, который мочил все живое в десятках миров только потому, что мог убивать. Вот-вот, тот самый Куур сидит сейчас в стеклышке. И давай не будем забывать о боге, который убил твою сестру.

— Думаешь, я с ними не справлюсь?

— И все равно я так рисковать не собираюсь.

— Этот ад создали для меня. Я не прочь посмотреть, что приготовил для меня мой Брат.

Заодно и узнаю, что он за бог.

Мне тоже хотелось это выяснить. Но больше хотелось понять, что за бог я сама. Неужели я и правда только притворялась миролюбивой? Бога ради, я же служила в Корпусе мира!

Со стаканом в руке Рейес сел рядом.

— Это может стать полезным экспериментом.

— Рейес, блин, я даже описать не могу, какое жирное «нет» я говорю в ответ на это предложение. Так что завязывай.

— Отправь меня туда, подожди шестьдесят секунд и вызови обратно. Я хотя бы осмотрюсь на местности.

— Может быть, я не мисс Всезнайка, когда речь идет о божественной фигне, но я точно знаю, что время в разных измерениях течет по-разному. Шестьдесят секунд здесь могут превратиться в шестьсот лет там.

Рейес придвинулся ближе, и наши плечи соприкоснулись.

— Разбег во времени не может быть таким большим. Максимум там пройдет год. А может быть, как раз наоборот, и я вернусь так быстро, что не успею ничего рассмотреть. В этом случае у нас будут сведения, на основании которых мы решим, что делать дальше.

— Нет. Кажется, Куур говорил, что за пару секунд там пролетают годы.

— Мы ничего не узнаем наверняка, если ты меня туда не отправишь.

Я поставила Хосе на пол.

— Зачем, Рейес? Или ты задумал отомстить Мэлдисану?

В улыбке Рейеса было столько же веселья, сколько в улыбке гремучей змеи.

— Нет.

— А вдруг что-то пойдет не так, и мне... ну не знаю... не удастся тебя вернуть?

— Священник же возвращал людей. Ты сама говорила.

— Да, но гарантий никаких нет. Мне об этом рассказал злющий демон-убийца.

— А на что в жизни есть гарантия? Мы все лишь играем в угадайку, включая и божественное стекло с адом внутри.

— Кстати, ты злишься из-за этого на Иегову?

— Злюсь. Очень хочется узнать, что такого ужасного я сделал, чтобы он создал целое измерение исключительно для меня.

— Меня это тоже интересует. А еще хочется выяснить, почему я согласилась, чтобы мне стерли память. Что такого ужасного я сделала, чтобы захотеть об этом забыть?

Взяв меня за руку, Рейес коснулся губами моих костяшек. Я заглянула в мерцающие глаза и чуть не забыла, что собиралась сказать. Мне бы очень хотелось, чтобы Шон поближе

познакомился со своим почти что братом.

— А знаешь, Шон тобой буквально очарован. Он хочет познакомиться с тобой поближе.

Рейес кивнул и задумчиво опустил голову.

— Тридцать секунд.

Я рассмеялась. Очень в духе Рейеса — избегать тем, связанных с эмоциями. Или таких, где он будет смотреться в выгодном свете.

— Мы уже торгуемся?

— Мне нужно всего лишь тридцать секунд.

— Нет, Рейес. Я не стану зря рисковать твоей жизнью.

— Зря? Ты сказала, что там невинные люди. Что священник отсылал в ад людей из своей деревни только потому, что они его не слушались или умудрились как-то рассердить.

— А еще он отсылал туда тех, кем был одержим. Жанну д'Арк помнишь? Она вернулась оттуда совсем другим человеком.

— Сколько она там провела?

— Не знаю. По словам Куура, вроде бы несколько недель. А может быть, месяцев. И ей было всего двенадцать.

Рейес забрал у меня стекло. В отличие от других сверхъестественных существ, глядя на кулон, Рейес как будто испытывал лишь легкое любопытство. А вот остальных, включая и вашу покорную слугу, кулон буквально гипнотизировал. Я всегда думала, что Иегова создал стекло именно таким, чтобы заманить Рейеса поближе, а там уже и заключить в ловушку. Наверное, я ошибалась. В случае с Рейесом гипнозом тут и не пахло. Но ему и правда было любопытно. А кому бы не было?

— Я хочу увидеть это измерение.

— Если верить Кууру, ты его уже видел.

Рейес тут же расправил плечи.

— Он сказал, что Мэлдисан и Эйдолон поймали тебя в стекло, чтобы передать Люциферу. А когда ты оттуда вышел, то был полностью дезориентирован.

Мои слова явно удивили Рейеса. Он прислонился затылком к стене.

— Не помню.

— Мне очень жаль.

— Что ж, можно сделать выводы, что там не так уж плохо, раз я вернулся оттуда нормальным.

Кто-то фыркнул. Скорее всего Хосе.

— Нормальным? Не слишком ли раздута у вас самооценка, мистер Фэрроу?

Лукавая чувственная улыбка, которую Рейес легко использовал как оружие массового поражения, словно прикоснулась ко мне во всех нужных местах.

— Наверное, ты права.

Я встала на колени и полезла на мужа. То есть уселась на него верхом.

— Есть идея получше. Ты пошлешь туда меня.

Всякие намеки на веселье мигом испарились.

— Нет.

Я начала слезать с Рейеса, но он вернул меня на место и крепко сжал мои бедра.

— Почему сразу нет? — спросила я, смахивая на обиженного ребенка.

Стекло теперь принадлежит мне. Если у кого и есть право отправиться в тот мир, то...

— Это опасно.

— А для тебя, значит, не опасно? Шикарная логика. Как раз для тех, у кого есть член.

— Бросим жребий.

— Будь у меня член... — На пару секунд я задумалась. — Придумала! Мы отправим туда Куки, но только на несколько секунд. Минуточку... Что ты сказал?

Уголок красивого рта потянулся выше. Итак, улыбка против мрачного взгляда. Кто же победит?

Я победно вскинула руки:

— И побеждает улыбка!

Мгновение спустя та самая улыбка расцвела буйным цветом.

— Ладно, извини. Давай бросим жребий.

Я чуть-чуть сдвинулась, чтобы Рейес мог засунуть руку в карман. Он явно не собирался спешить и в процессе задел пальцами Вирджинию.

Я подозрительно сощурилась:

— Это какая-то уловка?

— Это монета. — Рейес достал четвертак и показал мне обе стороны монеты. — Где здесь может быть уловка?

Я уселась обратно ему на колени и потерлась о ширинку Вирджинией. То бишь моей совершенно не поддающейся контролю ай-я-яй.

— Не знаю, но уловка точно есть. Нутром чую.

Рейес подбросил монету, которая несколько раз перевернулась в воздухе, и вдруг остановил время.

— Так и знала, что ты смухлюешь, — пожурила я.

— В ад пойду я. Я не могу тебя потерять.

— А я тебя потерять могу?

— Можешь. И Элвин тоже может. Ей нужна ты.

— Из нас двоих ты самый сильный, Рейес. Именно ты сможешь ее защитить.

— Во-первых, это неправда. А во-вторых, все пророчества говорят о тебе, а не обо мне. Поэтому пойду я.

Я опять начала спорить, но он лишь молча усадил меня на пол и пошел в кухню за ножом. А вернулся не с обычным кухонным ножиком, а со своим разделочным. То есть принес тридцать сантиметров блестящей стали.

— Нам столько крови не нужно, — разволновалась я.

Рейес пожал плечами:

— На всякий случай.

Проведя пальцем вдоль острого лезвия, он оставил пятнышко крови на моем пальце. Я тут же сжала руку в кулак, чтобы это пятнышко сберечь. Сберечь хоть одну малюсенькую частичку мужа. Потом задрала нос и притворилась храброй.

— Ну ладно. Основная твоя миссия — разведка. Заходишь, осматриваешься на местности и возвращаешься целым и невредимым. Это будет наш пробный забег. Только чтобы узнать, возможно ли оттуда вернуться. Я ведь видела, как туда кого-то затягивает, а как кто-то оттуда выходит, не видела никогда.

— Ты тянешь время.

— Ничего я не... — начала возражать я и тут же замолчала. С тем, кто прав, спорить трудно.

Я стала впитывать Рейеса. Его образ, запах, ощущения, когда он рядом.

Он поднял меня, прижал к себе и, опустив голову, поцеловал. Мне оставалось лишь надеяться, что этот поцелуй не станет для нас последним.

Когда Рейес отошел на шаг назад, я открыла замочек на покрытом стеклом кулоне, которому шестьсот лет. Едва он открылся, вокруг забили молнии и траурно завывли ветра.

А Рейес все равно выглядел так, словно ему лишь слегка любопытно. Зато я восхищенно застыла. Восхищал меня вовсе не кулон — я и раньше видела, как он открывается. Сейчас меня восхищал Рейес.

На моих глазах в стекло засосало двух сверхъестественных существ — демона-наемника и бога. Но Рейес на стекло никак не реагировал. Вокруг разрядами трещала молния, но с ним она делала что-то иное. Молния его... ласкала, осторожно изучала, пульсируя у него на коже тончайшими сеточками разрядов, ползла по каждому изгибу и по каждой линии его тела. Как будто... как будто хотела его соблазнить, заманить внутрь кулона.

Рейес резко втянул сквозь зубы воздух, запрокинул голову и перестал сопротивляться боли. А потом решительно заглянул мне в глаза:

— Назови мое имя.

Я растерла кровь по стеклу, глубоко вздохнула и отправила собственного мужа в ад.

***

До смерти перепуганная, я глаз не сводила с настенных часов. С тех, что у нас с секундной стрелкой.

Мне пришлось назвать настоящее, божественное имя Рейеса, потому что только так он мог пройти через портал. И, как только я произнесла «Рейазикин», танцевавшие вокруг него молнии запрыгали, будто обрадовались перспективе затащить его в свою обитель. В восторженной симфонии молнии сцепились и образовали дугу до самых балок над головой. Напоследок Рейес на меня взглянул, подмигнул и через долю секунды исчез. Я закрыла глаза и кулон и ужаснулась тому, что сделала.

В стотысячный раз я посмотрела на часы. Прошло пятнадцать секунд, а казалось, будто минуло уже несколько часов. Ждать больше не было сил. Я открыла кулон, удерживая в ладонях ревущий ураган и, прежде чем позвать Рейеса обратно, быстренько помолилась Богу, с которым, очень может быть, мне однажды предстоит сойтись на поле битвы.

— Рейазикин.

Сама не знаю, чего я ждала. В лицо хлестал ветер, молнии рассыпались на глазах и лезли на стены, но больше ничего не происходило.

Вверх по спине медленно и мучительно поползла тревога.

— Рейазикин, — повторила я.

Казалось, от этого гроза стала сильнее, словно еще больше разозлилась. В третий раз имя пришлось прокричать, чтобы мой голос не утонул в царящем шуме. И снова ничего не произошло.

Меня накрыло такой мощной волной страха, что я чуть не потеряла сознание. От паники сжалось горло. С трудом подавив ужас, я попробовала еще раз, а потом стала произносить все имена, которые когда-либо носил Рейес, и которые я знала. В конце концов, жизнь у него была долгой.

— Рейазиэль, — начала я с неземного имени, под которым его знали в аду.

Ничего.

— Рейес Александр Фэрроу.

Но и земное имя не сработало.

— Рейзер.

Это было его божественное прозвище, которое ему дали в Узане — в аду из моего родного измерения.

И снова полный ноль.

Я не могла поверить, что это происходит на самом деле. Разве такое возможно? Не зная, что делать, я упала на колени. Может быть, стекло должно быть чистым. Может быть, с него нужно стереть кровь, чтобы вернуть кого-то обратно. Я бросилась в кухню и вымыла стекло мылом и водой. Молния меня за это наказала. Вода с электричеством не дружат.

Вытерев кулон насухо, я попробовала снова.

Назвала имя Рейеса.

Прокричала.

Прошептала.

Поднесла стекло так близко к лицу, что от электричества запекло глаза, и снова произнесла:

— Рейазикин.

И все равно ничего не получалось. Абсолютно ничего.

На ум одна за другой приходили идеи, и я пробовала все по очереди. Называла варианты Разящего на всех языках, какие только могла вспомнить. Пела. Открывала и закрывала кулон, чтобы как-то его «перезагрузить».

Но ничего не добилась.

Через час я лежала в гостиной на полу, прижимая кулон к груди. Гроза бушевала на всю катушку. Я ничего не слышала, кроме завываний ветра, и ничего не видела, кроме ослепительно ярких вспышек молнии. Даже с закрытыми глазами.

Я могла разбить стекло. Сломать кулон. Но к чему это приведет? Может быть, все, что существует внутри, обретет свободу, включая злющего бога и демона-наемника. А может быть, единственные ворота в адское измерение закроются навсегда.

Куур говорил, что есть только один путь туда и один — обратно. Само собой, тот факт, что он демон, да еще и нечто вроде наемного убийцы, требовал подвергать любые его слова разумным сомнениям, но...

И тут меня осенило. Я даже села. Идеальный план! Я пойду за Рейесом. Попрошу Куки назвать мое имя и отправить меня в ад.

К сожалению, придется ее обмануть. Зная правду, Кук никогда не согласится. Но я могу оставить ей записку с указаниями, как вернуть меня обратно. В теории, конечно. Судя по всему, сам процесс нельзя назвать исправно работающим.

Я побежала в ванную за халатом. Куки наверняка спит. Удивительно, почему никого не разбудили ни мои крики, не захватившая мое жилище буря.

Уже собираясь выйти из квартиры, я заметила, что гроза изменилась. Стала темнее, гуще, злее. В комнате рос жар, наполненный энергией и силой. И этот жар, жестокий, болезненный, разъяренный, током хлынул по моей коже.

Кулон так раскалился, что я его выронила, а потом шагнула назад и стала ждать. Что-то происходило. Вот только понять, что именно, было сложно. Особенно после оглушительного взрыва.

Меня швырнуло в стену, и от удара я чуть не отключилась. Глаза я все-таки открыла, но пошевелиться не осмелилась. Вокруг меня клубился густой черный дым. Я подняла голову и

успела заметить, как ко мне в поисках выхода и свободы устремился десяток душ.

Я чуть не задохнулась, а перед глазами одна за другой вспыхивали чужие жизни.

Вдова с двумя детьми, отвергшая притязания священника.

Мужчина, отказавшийся отписать церкви часть своей земли.

Юный мальчик, застигший священника в компрометирующей ситуации.

И так снова и снова. Жизнь за жизнью, и их все разрушил один и тот же человек.

Я знала, что группа монахов призвала священника к ответу за все злодеяния, и его тоже заперли внутри стекла. Однако его я не почувствовала. Разумеется, в рай его бы ни за что не взяли. Может быть, он уже в аду.

Через меня прошло больше дюжины душ, и все они были из пятнадцатого века. Я стала ждать. В адском измерении было еще трое: демон-наемник, бог Мэлдисан и мой муж.

Комнату заполонил дым, который периодически подсвечивался вспышками молний. Вся квартира вращалась, словно превратилась в огромное грозное облако, из которого вдруг вышел Рейес. К ногам с могучих плеч стекал клубящийся черный дым.

От восторга я подскочила и бросилась к нему, но резко остановилась. Что-то было не так.

Дым и молнии льнули к Рейесу, словно вместе были единым живым существом. Как животное. Или любовница. Двигался Рейес — двигались и дым с молниями. Дым тек и клубился, подчиняясь воле Рейеса, а молнии с треском танцевали на его коже.

Нет, Рейес не оказался в центре грозы. Он сам был грозой. Сам был бурей и шквалом. Отдельной, неизведанной стихией.

Я изумленно смотрела, как он подходит ко мне. Понадобилось всего три решительных шага.

Машинально я отшатнулась, но спохватилась и прошептала:

— Рейес?

Он сощурился, словно ему было любопытно. Словно он понятия не имел, кто я такая.

Я коснулась его лица и с лихвой за это поплатилась. Рейес так сильно впечатал меня в стену, что я даже слегка отскочила. Потом он смерил меня взглядом с ног до головы, сжал мне горло, а затем и челюсть. Вдавливая пальцы мне в кожу, он проговорил низким хриплым голосом:

— Эль-Рин-Алитхиа.

С чего вдруг он назвал мое неземное имя?

Казалось, Рейес... удивлен, что нашел меня здесь. Он снова осмотрел меня, и на этот раз в его взгляде читалась смесь похоти и презрения.

Внезапно я вспомнила, что еще говорил мне Куур. Он сказал, что Рейезикин глубоко презирал людей, которых так любил его Брат. А я была человеком. Пусть даже на частичку размером с песчинку.

Рейес изучал меня, а я — его. Из адского измерения в стекле вышел кто-то другой. Он выглядел, как мой муж, так же пах и ощущался на ощупь. Но тот, кто стоял передо мной в клубах черного дыма, не был человеком, за которого я вышла замуж. Это была его одичавшая версия. Чудовищно опасный зверь.

Да, это был Рейезикин. Наконец-то мы с ним познакомились.

А потом я осознала правду. Может быть, я совершила самую страшную ошибку за все время своего существования. Может быть, из-за меня на земле воцарится ад.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

---

notes

Речь о фильме «День сурка» (1993) с Биллом Мюреем и Энди Макдауэлл в главных ролях.

Наркотический анальгетик.

«Нечто» (1982) — американский фантастический фильм ужасов. Реж. Джон Карпентер.

Американский писатель, автор научно-популярных книг, ориентированных на читателей, переживающих различные жизненные трудности.

Персонаж вселенной комиксов «Марвел».

Праздничные дни в школах, когда учителя и ученики меняются ролями.

Британский актер кино и телевидения.

Американский актер театра, кино и телевидения.

Харланд Дэвид Сандерс (более известный как Полковник Сандерс) — основатель сети ресторанов быстрого питания «KFC».

Баффи Саммерс — вымышленный персонаж и главная героиня одноименных фильма и телесериала, созданных Джоссом Уидоном.

Малкольм «Мэл» Рейнольдс — вымышленный персонаж и главный герой телесериала «Светлячок» (режиссер — Джосс Уидон), капитан межпланетного корабля «Серенити».

Сэр Уильям Уоллес (1270–1305) — шотландский рыцарь, один из военачальников в войне за независимость от Англии. Был казнен через повешение, потрошение и четвертование в Лондоне.

Персонаж научно-фантастического сериала «Звездный путь» и его многочисленных продолжений.

Американский писатель.

Разработанная в Израиле военная система рукопашного боя с акцентом на быстрой нейтрализации угрозы жизни. В переводе с иврита — «ближний (контактный) бой».

Вымышленный персонаж из сериала «Баффи — истребительница вампиров» и его спин-оффа «Ангел».

(Исп.) О боже мой!

«Мы уже не в Канзасе» — фраза Дороти, главной героини книги Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

Бисквит в Великобритании — сладкое тонкое (часто песочное) печенье, в США — также тонкое печенье (хлебцы), несладкое, зачастую с добавлением пряных трав.

Очередной намек на книгу Л.Ф. Баума «Удивительный волшебник из страны Оз».

Согласно легенде (а также Книге Еноха), ангелы, посланные на землю в качестве наблюдателей. Были, по разным версиям, изгнаны с небес, прокляты, уничтожены за то, что вступали в брак с людьми, и от этих браков рождалось потомство — нефилимы.

«Буйный Джонни» (англ. *Angry Johnny*) — песня американской певицы По (Poe).

Настоящее имя — Люсиль Фэй Лесюр (1904–1977). Американская актриса немого и звукового кино, после смерти которой ее приемная дочь Кристина опубликовала мемуары «Дорогая мамочка», где нарисовала весьма нелестный портрет Кроуфорд.

Американский телесериал 1980-х годов с Джонни Деппом в главной роли.

«Темная сторона луны» (англ. *TheDarkSideoftheMoon*) — восьмой студийный альбом британской рок-группы «Pink Floyd», 1973 г.

(Исп.) Акула; воротила.

Речь об Эллиен Дедженерес — американской актрисе, комедиантке и телеведущей. Количество подписчиков ее канала на YouTube превышает 20 млн.

(Исп.) Главарь; командир; босс.

Чарльз Мэнсон (род. 12 ноября 1934) — американский убийца, лидер коммуны «Семья», отдельные члены которой в 1969 году совершили ряд жестоких убийств.

Современный писатель и философ. В социальных сетях известен благодаря картинкам с короткими изречениями на фоне печатной машинки.

Как и капитан Кирк, персонаж научно-фантастического сериала «Звездный путь» и его многочисленных продолжений.

Марка текилы. Производится в Мексике.